

**ХИСОРСКИЙ
ЗАПОВЕДНИК
И ЕГО
АРХИТЕКТУРНЫЕ
ПАМЯТНИКИ**

Душанбе—1993

ХИСОРСКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЗАПОВЕДНИК

Н. Н. НЕГМАТОВ, Р. С. МУКИМОВ, З. А. АЛИЕВА, П. Т. САМОЙЛИК

ХИСОРСКИЙ ЗАПОВЕДНИК И ЕГО АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ

Редакционная коллегия Н. Н. Негматов (председатель), Р. С. Мукимов,
Ф. Абдуллаев, М. Мамаджанова, З. Алиева

ДУШАНБЕ—1993

ХИСОРСКИЙ ЗАПОВЕДНИК И ЕГО АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Хисорский историко-культурный заповедник является уникальным историческим, археологическим и архитектурным музеем под открытым небом, расположенным в непосредственной близости к столице Республики Таджикистан — Душанбе. Заповедник, созданный специальным постановлением правительства в 1982 году, занимает территорию 86 га в живописной Хисорской долине. Здесь издревле, более двух тысяч лет назад, сформировался городской центр Хисор.

Архитектурные памятники, сохранившиеся с XI-XIX вв., в общем характеризуют средневековый город со своей площадью Регистан, древней крепостью и рядом монументальных сооружений культового, просветительского и общественно-торгового назначения. Таким образом, Регистан образован двумя мадраса Кухна и Нав (XVI-XVII вв.), каравансараям Хиштин (XVIII в.), ограничивающих площадь с юга и запада, а также монументальными воротами и оборонительной стеной крепости Калаи Хисор с севера. В некотором отдалении к югу находится кирпичный мавзолей Махдуми Аъзам (XI-XII, XVI вв.), а еще дальше к юго-востоку от Регистана — купольная Мачити Сангин (XI-XII, XV-XVI вв.). Помимо названных архитектурных памятников средневековый Хисор включал еще мадраса Чашман Мохнен, Мачити Одна, тахоратхона, баню и другие объекты, находящиеся в настоящее время на стадии археологического изучения.

Большинство сохранившихся архитектурных памятников в настоящее время отреставрированы и сейчас в них идут работы по приспособлению их под нужды различных музеев: народных ремесел, быта, просветителей Хисора, классиков Востока, истории ислама и др. Научно-популярные очерки, помещенные в настоящем издании, раскрывают различные стороны архитектуры памятников, аргументированно уточняют время их возникновения и функционирования, а также возможные пути их использования в системе Хисорского заповедника.

Во вступительной статье директора Заповедника, профессора Н. Н. Негматова «Хисорский историко-культурный за-

поведник: история создания» рассказывается о сложных путях формирования музея под открытым небом на основе группы памятников средневекового Хисора, разработки проекта Заповедника и начале широкомасштабных реставрационных работ по восстановлению былого облика архитектурных памятников в Таджикистане. В очерке особо обращается внимание на развитие идеи дальнейшего роста Заповедника до крупного научно-просветительского и музейного центра Республики Таджикистан со своей системой туристского обслуживания и международным торговым комплексом сооружений, возрождающим Хисор как крупный региональный узел международной ярмарочной торговли.

В очерке З. Алиевой, Р. Мукимова и П. Самойлика «Мачити Сангин» раскрывается облик одного из старейших построек средневекового Хисора, прошедшего за почти тысячелетнюю свою историю существования несколько этапов в формировании от центричного купольного киоска-чортака (XI в.) до купольной же мечети со сводчатой галереей-айваном (XVI в.), с двором и дворовыми постройками. Такой углубленный типологический, архитектурно - композиционный анализ позволил авторам, опираясь на данные археологических и письменных исследований, пересмотреть устоявшуюся в научной литературе датировку памятника — XVI в. В настоящее время по решению Ученого Совета ГИКЗ здесь создается Музей просветителей Хисора.

В другом очерке Р. Мукимова «Мавзолей Махдуми Аъзам» автор обращается к известному и подробно изученному памятнику архитектуры XVI века. Необычный архитектурно-композиционный анализ памятника, а также данных археологии позволили пересмотреть датировку мавзолея и проследить все этапы развития сооружения. В частности, в XI веке это был центричный купольный киоск-чортак мемориального назначения. В XI-XIII вв. с юга к чортaku пристраивают поминальное помещение — зиератхону, а уже в XVI веке появляется еще одно помещение с захоронениями с западной стороны чортака—гурхона. В очерке автор по-новому освещает ряд сведений, связанных с наименованием памятника.

В очерке Р. Мукимова «Мадрасаи Кухна» рассматривается одно из монументальных сооружений Хисорского Регистана — Мадрасаи Кухна. Автор не ограничивается только описанием архитектурных особенностей памятника. В очерке подробно анализируются вопросы образования на средневековом Востоке, когда центром просвещения становится мадраса. Типологический анализ Мадрасаи Кухна, его сравнение с

подобными сооружениями Среднего Востока позволили автору уточнить время постройки памятника.

В очерке Р. Мукимова «Мадрасаи Нав» рассматривается другой памятник Регистана, являвшийся крупным учебным и научным центром Хисорской долины. Несмотря на отдаленность Хисора от крупных городских центров Средней Азии, зодчие здесь создали интересное сооружение как по внешней архитектуре, так и по планировке. В очерке широко использованы письменные данные путешественников и ученых конца XIX-начала XX вв., а также привлечены архитектурные материалы по другим подобным объектам Средней Азии. Это дало возможность автору датировать памятник XVII-XVIII вв.

Последний очерк издания «Каравансарай Хиштин» (авторы Р. Мукимов, З. Алиева, П. Самойлик) посвящен интересному сооружению торгово-гостиничного назначения — каравансарая. Последний дошел до нашего времени в руинированном состоянии, поэтому реставраторы решили его восстановить в виде фундаментов и фрагментов стен. Дополнительные исследования памятника позволили предложить целостную реставрацию каравансарая и устройство в нем центра народных ремесел с действующими мастерскими, производящими продукцию для туристов и посетителей Заповедника. Авторы, опираясь на последнее предложение, воссоздают былой облик каравансарая и уточняют время его постройки — XVIII век.

В целом, настоящее издание является первым опытом обобщения научных изысканий сотрудников Заповедника с целью популяризации архитектурного наследия таджикского народа. Издание снабжено оригинальными иллюстрациями в виде чертежей и натурных фотографий.

Редколлегия.

МАМНУЪГОҲИ ТАЪРИХИ-МАДАНИИ ҲИСОР

Н. Н. НЕЪМАТОВ, Р. С. МУҚИМОВ, З. А. АЛИЕВА, П. Т. САМОҒЛИҚ

МАМНУЪГОҲИ ҲИСОР ВА ЁДГОРИҲОИ МЕЪМОРИИ ОН

ОЧЕРКҲОИ ИЛМӢ—ОММАВӢ

Ҳайати таҳририя: Н. Н. НЕЪМАТОВ (раис), Р. С. МУҚИМОВ,
Ф. АБДУЛЛОЕВ, М. Д. МАМАДЧОНОВА, З. АЛИЕВА.

ДУШАНБЕ—1993

МАМНЎЪГОҲИ ҲИСОР ВА ЁДГОРИҲОИ МЕЪМОРИИ ОН

Мамнӯъгоҳи таърихӣ-маданиӣ Ҳисор осорхонаест зери осмони кушод ва кимати беҳамтон таърихӣ, бостоншиносӣ ва меъморию бархурдор аст. Мамнӯъгоҳ бо қарордоди махсуси ҳукумат соли 1982 арзи вучуд кардааст. Имрӯз ҳудуди 86 гектарро доро буда каме дуртар аз пойтахти Ҷумҳурии Тоҷикистон — шаҳри Душанбе, дар қитъаи зебоманзари водии Ҳисор воқеъ гардида аст. Ин марз бостонист ва зиёда аз 2000 сол қабл аз мо инҷо маркази тамаддуни волео бо номи шаҳри Ҳисор арзи ҳастӣ дошт.

Ёдгориҳои меъморие, ки то ба имрӯз симони аслии хешро маҳфуз доштаанд, бунёдашон аз қарни XI оғоз гирифта то садаи XIX думбола мегирад. Лахзае, ки моро маҷмӯи ёдгориҳои меъморӣ ба оғуш мегиранд бидуни истилоҳа хештавро дар шаҳри асримиёнагӣ бо майдонаш Регистон, дижи қадим, силсилаи нишоотҳои маданӣ-маърифатӣ, ҷомиявӣ-савдоӣ мебинем. Майдони Регистонро ду мадраса Кӯҳна ва Нав (XVI-XVIII), корвонсарои Хиштиш (XVIII), дарвозаи азим бо садди дифоӣ Қалъаи Ҳисор ташкил медиҳанд. Дуртар аз майдон дар бахши ҷанубӣ мақбараи Маҳдуми Аъзам (XI-XII, XVI) ва дуртар аз мақбара дар бахши ҷанубу шарқӣ ёдгориҳои Масҷиди Сангин (XI-XII, XV-XVII) воқеанд. Ҳамчунон ба ғайр аз ёдгориҳои номрас шуда Ҳисори асримиёнагӣ боз якчанд ёдгориҳои меъморӣ ба амсоли мадрасаи Чашмаи Моҳиён, масҷиди Одина, таҳоратхона, гармоба ва ғайраҳоро молиқ буд, ки онҳо ҳоло ҳадафи пажӯҳиши бостоншиносанд.

Бештари ёдгориҳои меъморӣ имрӯз таъмир карда шудаанд ва ходимони мамнӯъгоҳ дар биноҳои таъмиршуда таъсиси осорхонаҳои таърихӣ фарҳангии ислом, рӯзгордорӣ тоҷик, бузургони тоҷик, донишмандони Ҳисормарзро тарроҳӣ намудаанд. Аҳдофи маҷмӯае, ки дар даст доред таҳлили ҳамаҷабаҳои меъморӣ ёдгориҳо, омӯзиши таърихӣ бунёд ва имконияти истифодаи ёдгориҳо, имрӯз баҳри тарғиби фарҳангии мардуми тоҷик аст.

Маҷмӯа бо мақолаи пешгуфторӣ раиси мамнӯъгоҳ профессор Неъматов Н. Н. «Мамнӯъгоҳи таърихӣ-маданиӣ Ҳисор: таърихӣ таъсиси он» оғоз меёбад. Мақола роҷеъ ба роҳҳои мураккаби таъсисёбии осорхона зерин осмони кушод дар

асоси маҷмӯи ёдгориҳои меъморӣи асримиёнагии Ҳисор, тарҳи лоиҳаи мамнӯъгоҳ ва саршавии қорҳои тармимӣ барои эҳё сохтани симои таърихӣи ёдгориҳои таърихӣ дар Тоҷикистон бахшида шудааст. Дар мақола диққати асосӣ ба тараққиёти афзудани мавқеи мамнӯъгоҳ то маркази бузурги илмӣ-фарҳангӣ ва осорхонаи Ҷумҳурии Тоҷикистон бо услуби хизматрасонии сайёҳӣ ва маҷмӯи иншоотҳои байналмиллалӣ савдо, ки Ҳисорро чун маркази бузурги тиҷоратӣ байналмиллалӣ минтақа эҳё мекунад, равона шудааст.

Дар очерки З. Алиева, Р. Муқимов, П. Самойлик «Масҷиди Сангин» симои яке аз қадимтарин иншоотҳои Ҳисори асримиёнагӣ нишон дода мешавад, ки дар давоми анқариб ҳазор соли мавҷудияташ ёдгори мазкур аз мазори равоқдор (XI) то ба масҷиди гумбаздор бо айвон (XVI) ва ҳавлӣ бо иншоотҳои рафта расидааст. Таҳлили амиқӣ услубӣ, меъморӣ-таркибӣ бо истифодаи маводҳои бостоншиносӣ ва маъхазаҳои хаттӣ ба муаллифони имкон дод, ки санаи бунёди ёдгори муайян намоянд. Шӯрои Олимони мамнӯъгоҳ дар ин ёдгорӣ таъсири Осорхонаи донишмандони Ҳисорро ба нақша гирифтааст.

Очерки дигари маҷмӯа, ки «Мақбараи Маҳдуми Аъзам» ном дорад, ба қалами Р. Муқимов мутааллиқ аст. Мақбараи Маҳдуми Аъзам ёдгори асри XVI буда он хеле хуб омӯхта шудааст. Аммо дар очерки худ муаллиф зинаҳои бунёдшавии ёдгори бахш ба бахш дида баромадааст. Таҳлили ғайриодии меъморӣ-таркибӣ ва мадрақаҳои бостоншиносӣ имкон доданд, ки санаи бунёди ёдгорӣ аз нав дида шавад, ҳамчунон давраҳои тараққиёти иншоот симои мазори гумбаздорро дошт ва ҳамчун ёдгорӣ истифода мешуд. Сонитар дар қарнҳои XI-XIII дар бахши ҷануб аз ҷортоқ зиёратхона бунёд мегардад. Дар қарни XVI боз як бино лаҳадхона сохта мешавад. Дар навиштаҳои худ муҳаққиқ бо назари ҷадид ба маълумотҳои мавҷудани мартуб ба ёдгорӣ муроҷиат намуда аст.

Очерки навбатии Р. Муқимов «Мадрасаи Кӯҳна» ба яке аз ёдгориҳои боҳашамати Регистои Ҳисор — Мадрасаи Кӯҳна бахшида шудааст. Муаллиф дар ин қорӣ худ танҳо ба тасвири сифатҳои меъморӣи ёдгорӣ маҳдуд нашудааст. Мавзӯи очерк масоили маорифи Ховарзамини асримиёнагӣ ва мақомоти мадрасаро дар ин нуқтаи шомил мегирад. Таҳлили таснифи Мадрасаи Кӯҳна ва қиёс бо дигар иншооти ҳамшабеҳ ба муаллиф имкон додаанд, ки санаи бунёди ёдгори аниқ намоянд.

Очерки дигари маҷмӯа «Мадрасаи Нав» низ ба қалами пажухишгар Р. Муқимов тааллуқ дорад. Қобили таваҷҷӯҳ аст, ки ба мавқеи ҷуғрофӣи водии Ҳисор, яъне дур будани он аз маркази тамаддуни Осиёи Вусто нигоҳ накарда меъморони ин марз бо иншоотҳои боҳашамати худ шӯҳрат ёфтаанд. «Мадрасаи Нав» ҳамчун маркази тадрисӣ ва илмӣ бо услуби меъморӣи худ беҳамтост. Тан пажухиши хеш муаллиф на як бору ду бор ба маъхазҳои хаттию навиштаҳои сайёҳону донишмандони интиҳои қарни XIX ва ибтидои қарни XX муроҷиат намуда аст. Истифодаи маъхазҳо ва қиёс бо дигар ёдгориҳо ба муаллиф имкон доданд, ки санаи аниқии бунёди ёдгориҳо муайян намояд.

Охири очерки маҷмӯа «Қорвонсарои Ҳишти» (Р. Муқимов, З. Алиева, П. Самойлик) ба ёдгориҳои хеле аҷиб «Қорвонсарой» бахшида шудааст. Қорвонсарой ҳамчун растан тичоратӣ ва меҳмонхона хизмат менамуд. Ба мо аз ин ёдгори танҳо вайронаҳо мерос мондаст. Тармимгарон қисмати зербино ва деворҳои ёдгориҳо барқарор намудаанд. Тадқиқоти иловагӣ ба тармими пурраи қорвонсарой бо шакли пешинааш имконият фароҳам овард. Мақсад ҳаст, ки растаҳои савдоӣ бо симои пешинаашон барқарор гашта дар онҳо устохонаҳои ҳунароҳои мардумӣ амал кунанд.

Хуллас ин маҷмӯа иқдоми нахустини ҷамъбасти намудани ҷустуҷӯҳои илмӣи ходимони мамнӯъгоҳ дар гузаришдани мероси меъморӣи ниёгон аст. Маҷмӯа бо мусаввараҳо ва аксҳо зеб дода шуда аст.

Ҳайати таҳририя.

HISSAR HISTORIC AND CULTURAL RESERVATION

N. N. NEGMATOV, R. S. MUKIMOV, Z. A. ALIEVA, P. T. SAMOILIK

The Hissar Reservation and its Architectural Monuments

SCIENTIFIC — POPULAR SKETCHES

Editorial Board:

N. N. Negmatov (chairman),
R. S. Mukimov, F. Abdullyev,
M. Mamadjanova, Z. Alieva

D U S H A N B E
1993

THE HISSAR RESERVATION AND ITS ARCHITECTURAL MONUMENTS

The Hissar Historic and Cultural Reservation is a unique historical, archaeological and architectural museum in the open air which is situated in the immediate vicinity of the republican capital — Dushanbe. The reservation was arranged by a special government decision in 1982, and it occupies 86 hectares in the picturesque Hissar valley. Here very long ago, over two Thousand years ago, the town center Hisor was formed.

Architectural monuments which have been preserved since XI—XIX centuries give a general characteristics of the medieval town with its Registan square, an ancient fortress and a number of monumental constructions of cult, enlightenment and social trading purposes. Thus, Registan is composed of two madrasas Kuhna and Hav, (XVI—XVII c. c.), the Hishtin caravanserai (XVIII c.), which bound the square in the South and the West, and in the North there are a monumental gate and the Kalai Hisor fortress defensive wall. At a certain distance in the South there is a brick mausoleum of Mahdumi Azam (XI—XII, XVI c. c.), and still farther to the South-East of Registan there is the Sangin cupola Mosque (XI—XII, XV—XVI c. c.). Besides the above monuments, the medieval Hisor also included Chashmai Mohiyon madrasa, Machiti Odina, tahorathona, a bath and other artifacts which are being studied at present from the archaeological point of view.

Most architectural monuments preserved have been restored and are being adjusted to the needs of various museums, such as handicrafts, life, Hisor enlighteners, oriental classics, Islam history and others.

Scientific-popular sketches of the present edition discover miscellaneous aspects of architectural monuments, give exact dates of their appearance and functioning, and possible ways of their application in the Hissar, Reservation System.

The Reservation director, professor Negmatovs introductory article „Hissar Historic and Cultural Reservation: History of its Creation” says about complicated ways of arranging the museum in the open air on the basis of a group of Medieval

Hissar monuments, elaboration of the Reservation project and the beginning of wide-scale restoration work to rehabilitate the past appearance of architectural monuments in Tajikistan. He pays a special attention to the idea of further development of the Reservation to make it a big scientific enlightening and museum centre of the Republic of Tajikistan with its own system of tourist service and an international trading complex reviving Hissar as a big regional junction of the international fair trade.

Z. Alieva, R. Mukimov and P. Samoilik's sketch „Machiti Sangin“ disclose an image of one of the oldest structures in Medieval Hissar during its millennium history of several stages beginning with centric cupol kiosk-shortak (XI c.) up to a cupol mechet with an arched gallery-aiwan (XVI c.) in court of buildings. Such a deep typological, architectural—compositional analysis made it possible to revise the dating of the monument in the scientific literature XVI s. according to archaeological and written date. At present a Museum of Hissar Enlighteners is being formed here on the Scientific Board decision of the Reservation (HHCR).

Another sketch by R. Mukimov „Mahdumi A'zam Mausoleum“ says about a well-known and studied in detail monument of the XVI century architecture. Careful architectural and compositional analysis of the monument and archaeological date made it possible to revise the monument dating to follow all the stages of the structure development. In particular, in the XI century it was a centric cupola kiosk-chortak memorial. In the XI—XIII centuries a praying room-ziyarahona was added to chortak in the South, and in the XVI century another room of burials appears in the West of chortak-gurhona. The author gives a new version of information connected with the name of monument.

R. Mukimov's sketch „Madrasai Kuhna“ examines one of the monumental structures of Hissar Registan — Madrasai Kuhna. The author does not only describe architectural features of the monument, but also analyses in detail the problems of education in Medieval Orient, when madrasa was the centre of education. Typological analysis of Madrasai Kuhna, its comparison to similar structures in Middle East made it possible to give an exact date of the monument construction.

R. Mukimov's sketch „Madrasai Nav“ examines another monument of Registan, which was a big educational and scientific centre of the Hissar valley. In spite of its distant situation from big town centres of Middle Asia, architects made an in-

teresting structure both in outer architecture, and in its planing written data of travellers and scientists of late XIX and early XX centuries were widely used in the sketch, and architectural data on other similar objects of Middle Asia were used as well. This enabled the author to date the monument by the XVII — XVIII centuries.

The last sketch of the book „Caravanserai Hisctin” by R. Mukimov, Z. Alieva, P. Samoilik is devoted to an interesting structure of a trade — inn tupe — caravanserai. The last one was in ruins, therefore it was restored in the form of ground-work and wall fragments. Additional examination of the monument made it possible to suggest a complete restoration of caravanserai and arranging in it a handicraft centre with functioning workshops producing goods for tourists and visitors of the Reservation. Supported by this suggestion the authors recreate the former image of the caravanserai and find an exact date of its construction — the XVIII century. As a whole, the present book is the first experience in generalizing the Reservation workers research to make the architectural heritage of the Tajik people popular. The book is supplemented with original illustrations in form of draughts and photos.

Editorial Board.

ممنوع‌گاه حصار و یادگاری‌های معماری آن

ممنوع‌گاه تاریخی - مدنی حصار آثارخانه‌ای است زیر آسمان کشاد و قیمت بی‌همتای تاریخی، باستان‌شناسی و معماری را برخوردار است. ممنوع‌گاه با فرمان مخصوص حکومت سال ۱۹۸۲ عرض وجود کرده است. امروز حدود ۸۶ هکتار زمین را دارا بوده، در نزدیکی پایتخت جمهوری تاجیکستان - شهر دشنه در خطه زیبا منظر حصار واقع گردیده است. این مرز باستانی است و زیاده از ۲۰۰۰ سال قبل از ما این جا مرکز تمدن والایی با نام شهر حصار عرض هستی داشت.

یادگاری‌های معماری، که تا امروز سمای اصلی خود را نگاه داشته‌اند، در طول عصرهای XI-XIX ساخته شده‌اند. وقتی که کس به این جا میاید ریگستان، دیر کهن یک سلسله ساختمان‌های مدنی - معرفتی جماعه‌وی - سودای میبیم میدان ریگستانرا دو مدرسه کهنه (عصر XVI) و نو (عصر XVIII). کاروانسرای خشتین (عصر XVIII). دروازه عظیم با سیه دفاع قلعه حصار تشکیل می‌دهند در قسم جنوبی میدان، کمی دورتر مقبره مخدوم اعظم (عصرهای XI-XII-XVI) و دورتر از مقبره، در قسم جنوب و شرقی یادگاری مسجد سنگین (XI-XII, XV-XVII) واقع‌اند همچنان بغیر این یادگاری‌ها در حصار باز یکچند یادگاریهای معماری قرون وسطی به امثال مدرسه چشمه ماهیان، مسجد آدینه، طهارت خانه گرمابه وجود داشتند. الآن آنها هدف پژوهش باستان‌شناسانند.

بیشتر یادکاری‌های معماری امروز ترمیم کرده شده‌اند و خادمان ممنوع‌گاه در بناهای ترمیم شده تأسیس آثار خنّه‌های تاریخ فرهنگ اسلام، روزگارداری تاجیک، بزرگان تاجیک، دانشمندان حصار را طراحی نموده‌اند. اهداف مجموعه، که پیشکش شما میشود، تحلیل همه‌جانبه یادکاری‌ها، آموزش تاریخ بنیاد و امکانیت استفاده یادکاری‌ها امروز بهر ترغیب فرهنگ مردم تاجیک است.

مجموعه با مقاله پیش‌گفتاری رئیس ممنوع‌گاه پرافیسور نعمتانی ن. ن. «ممنوع‌گاه تاریخی-مدنی حصار تاریخی-تأسیس آن» آغاز میابد. مقاله راجع به راه‌های مرکب تأسیس‌یابی آثارخانه زیر آسمان کشاد در اساس مجموعه یادکاری‌های معماری قرون وسطی حصار، طرح لائحۀ ممنوع‌گاه و سرشوی کارهای ترمیمی برای احیا ساختن سمای تاریخی یادکاری‌های تاریخی در تاجیکستان بخشده شده‌است. در مقاله دقت اساسی بترقیات افزودن موقع ممنوع‌گاه در مرکز بزرگ علمی-فرهنگی و آسارخانۀ جمهورئ تاجیکستان. کی حصارا چون مرکز بزرگ تجارتی بین‌المللی احیا میکنند، روانه شده‌است در آپیرک ز. علی‌یوا، ر. مقیمانی، پ. سمایللیک «مسجد سنگین» سمای یکی از قدیم‌ترین ساختمان حصار قرون وسطی نشان داده میشود کی در دوام هزار سال موجودیت خویش این یادکاری از دکان رواق‌دار (عصر XI) تا مسجد گنبددار بیا ایوان (عصر XVI) حولی و ساختمان‌هایش رفته رسیدست. تحلیل عمیق اسلوبی معماری-ترکیبی با استفاده موادهای باستان‌شناسی و مأخذهای خطی به مؤلفان امکان داد، که سنۀ بنیاد یادکاری را معین نمایند. شورای عالمان ممنوع‌گاه در این یادکاری تأسیس آثارخانه دانشمندان حصار را بنقشه گرفته‌است.

آچيرك دگر مجموعه كه «مقبیره مخدوم اعظم» نام دارد به قلم ر. مقیمانی متعلق است. مقبره مخدوم اعظم یادگاری عصر XVI بوده آن خیلی خوب آموخته شده است.

اما در آچيرك خود مؤلف زینه های بنیادشوی یادگاری را بخش به بخش دیده برآمده است. تحلیل غیر عادی معماری - ترکیبی و مدرکهای باستان شناسی امکان دادند، که سنه بنیاد یادگاری از نو دیده شود. ضمناً باید گزارش داد، کی این در عمیقتر آموخته شود. گنبددار را داشت و همچون یادگاری قرن XI سمای دکان گنبددار را داشت و همچون یادگاری استفاده میشد. سپس در قرنهای XI-XIII در قسم جنوب از چارتاق زیارتخانه بنیاد میگردد در قرن XVI باز يك اجدخانه ساخته میشود. در نوشته های خویش محقق با نظر جدید به معلوماتهای مربوط به یادگاری مراجعت نموده است. آچيرك دگر ر. مقیمانی «مدرسه کهنه با یکی از یادگارهای باحشمت حصار - مدرسه کهنه بخشیده شده است. مؤلف در این کار خویش تنها به تصویر صفت های معماری یادگاری محدود نشده است. موضوع آچيرك مسایل معارف خاورزمین قرون وسطی و مقامات مدرسه را در این نکات شامل میگردد. تحلیل مدرسه کهنه و قیاس با دگر تصویر به مؤلفی امکان دادند که سنه بنیاد یادگاری را انیق نماید.

آچيرك دگر مجموعه «مدرسه نو» نیز به قلم پژوهشگر ر. مقیمانی تعلق دارد. قابل توجه است، که به موقع جغرافی وادی حصار، یعنی دور بودن آن از مرکزهای تمدن آسیای وسطی نگاه نکرده معماران این مرز با ساختمان های باحشمت خود شهرت یافته اند. «مدرسه نو» همچون مرکز تدریس علمی با اسلوب معماری خود بیهمتاست. طی پژوهش مؤلف نه يك بار و دو بار به مأخذ های خطی و نوشته های سیاحان

ود انشمندان آخر قرن XIX و ابتدای قرن XX مراجعت نموده است. استفاده مأخذهای و قیاس با دگر یادگاریها به مؤلفی امکان دادست، که سنه انیق بنیاد یادگاری را معین نمایند.

آخرین آپیرك مجموعه «کاروانسرای خشتین» ر. مقیماف ز. علی یوا، پ. سمایلیک به یادگاری خیلی عجیب «کاروانسرای» بخشیده شده است. کاروانسرای همچون رسته تجارتنی و مهمانخوانه خزمت مینمود. به ما از این یادگاری تنها ویرانها میراث مانده است. ترمیم گران قسمت زیر بنا و دیوارهای یادگاری را برقرار نمودند. تدقیقات علاوه گسی بترمیم پره کاروانسرای با شکل پیشینه اش امکانیت فراهم آورد. مقصد هست، که رستهای سودائی با سمای پیشینه اشان برقرار گشته در آنجا استاخانه های هنرهای مردمی عمل کنند. خلص این مجموعه اقدام نخوستین جمعیت نمودن جستجوهای علمی خادمان ممنوع گاه در گستریدن میراث معماری نیاگان است. مجموعه با مصوره ها و عکسها زیب داده شده است.

هیئت تحریری

Н. Н. НЕГМАТОВ

ХИСОРСКИЙ ЗАПОВЕДНИК: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Хисор имеет долгую и богатую историю, отражает в себе почти многотысячелетнюю историю Хисорской долины и всего Южного Таджикистана. Там обнаружены остатки поселений эпохи неолита, поздней бронзы и раннего железа, располагалось одно из оседлых поселений и крупный могильник (Тупхона) древней Бактрии — огромной и богатой страны бассейна Верхней и Средней Амударьи второй половины первого тысячелетия до нашей эры — первых веков нашей эры. Как раз в этот период сформировались сооружения первого этапа функционирования нынешних остатков Хисорской крепости. Поселение городского типа здесь развилось в греко-бактрийскую и кушанскую эпохи истории Таджикистана. Раннесредневековый Хисор являлся составной частью Шумана, входившего в число областей страны Тохаристан.

Хисор был солидным городом в эпоху средневековья и нового времени, включавшим мощную крепость — резиденцию правителя, центральный городской Регистан с группой монументальных сооружений и большую территорию городских кварталов, обведенных специальной городской стеной. Город Хисор был широко известен на тогдашнем Среднем Востоке, славился своим ремесленным производством и богатым рыночным центром. Здесь бывало много торговых караванов, путешественников и ученых из разных стран Азии и Европы, в хисорских мадраса обучались наукам и богословию местные и приезжие из окружающего региона искатели знаний, город многие столетия был экономическим и культурным центром Хисорского бекства Бухарского эмирата. Хисор — родина плеяды таджикских поэтов, писателей и народных хафизов, зодчих, мастеров-умельцев. Ныне на месте древнего города компактно сохранились крупные археологические и архитектурные памятники, прежде всего, Хисорская крепость, Мадрасаи Кухна, Мадрасаи Нав, Каравансарай Хиштин, Тахоратхона, Мавзолей Махдуми Азам, Мачити Сангин, Мадрасаи Чашмаи Мохиен, могильники Тупхона, Хоки Сафед и Иттифок, остатки валов средневековых городских стен, раз-

брошенные на территории 86 гектаров, включившие, также, часть застроек современного селения Хисор.

Хисорская крепость — крупный трехчастный многослойный и богатый археологический объект, скрывающий в себе и древнейшие культурные слои и последовательно расположенные друг на друге архитектурные и фортификационные сооружения разных эпох, по крайней мере более двух тысяч лет. Там произведены пока предварительные разведочные исследования закладкой небольших раскопов и шурфов. Многогранная задача систематических и больших масштабов научных исследований, широкого вскрытия, консервации (или реставрации), музеефикации и экспонирования его жилых, дворцовых и фортификационных сооружений разных эпох и, в итоге, превращения Хисорской крепости в крупный историко-познавательный центр возможна только в рамках программы создаваемого заповедника и при условии количественного и качественного усиления археологической, архитектурной и реставрационной отделов заповедника. Важен факт: мы в Хисорской крепости имеем уникальный памятник с многообразным значением — для восстановления многих страниц истории самого Хисора и всего Центрального Таджикистана, возможность компактного музейного экспонирования разных типов городских и крепостных сооружений разных эпох, возможность выработки научной методики и практики археолого-консервационно-музеефикационных работ на объектах глиняной архитектуры для последующего развития заповедного дела в Таджикистане на базе подобных памятников археологии.

Другая многотрудная задача создания заповедника — это научные исследования и вскрытия путем археолого-архитектурных раскопок первоначального облика хисорского Регистана с осуществлением возможных консервационно-реставрационных и музеефикационных работ. Эта работа уже начата археологами и архитекторами СНРПИМ и Заповедника и дала первые важные результаты: вскрыты и законсервированы «Каравансарай», «Тахоратхона», могила мударриса Мадрасаи Кухна домулло Бердикула, т.н. «Лобное место» — важные элементы центральной части средневекового города.

Следующая крупная задача формирования заповедника — археолого-архитектурное исследование и восстановление оптимального облика всех средневековых монументальных сооружений (мадраса, мавзолей, мечети) с их последующей музеефикацией — выполняется уже давно. И сделано нема-

ло: в основном исследованы, освобождены от позднейших наслоений и завершается реставрация Мадрасаи Кухна, Мадрасаи Нав, Махдуми Азам, Масчиди Сангин, исследуются и готовятся для реставрации другие монументальные сооружения. Здесь получен большой научный материал для истории архитектуры Хисора и всего региона, накоплен опыт консервационных и реставрационных работ¹. Однако, выявились также недостатки и ошибки в изготовлении жженного кирпича (большое содержание солей, низкое качество обработки и обжига), использование других современных строительных материалов (ракушечник), в проектировании и исполнении водоотводных элементов, наружных покрытий памятников вызвали серьезную, правильную критику общественности республики². Ныне такие недостатки не допускаются.

Четвертая планируемая задача заповедника — археологическое исследование остальной территории средневекового города, занятой частично современным селением. Здесь, прежде всего, следует провести широкие археологические раскопки и сплошные постепенные вскрытия всех древних культурных наслоений, выявление и консервацию всех научно и экспозиционно ценных сооружений для их музеефикации. Такая работа позволит также освободить часть свободной от застройки территории для расположения планируемых региональных зон заповедника и переноса сюда макетных копий ряда памятников других районов республики или некоторых оригинальных сооружений, сохранение которых на местах по той или иной причине невозможно (различные старинные производственные мастерские, архитектурные, археолого-вещественные и интерьерно-декоративные элементы сооружений и т. п.). Эта задача создаваемого заповедника потребует самого продолжительного времени (десятилетий), большой научной и производственной ответственности, разработки разнообразной специальной методики работ, учета имеющегося мирового научно-консервационного опыта и, отработки конкретной Хисорской практики подобных работ.

¹Самойлик П. Сюрпризы Гиссарского заповедника.— «Коммунист Таджикистана» 25 марта 1965 г.; «Еще послужат древние стены. Гиссар. — Правда». 19 августа 1985 г.; Родкин В. Солнце в куполах.— «Вечерний Душанбе». 25 марта 1986 г.

²Мамаджанова С. День утраченных иллюзий.— «Комсомолец Таджикистана» 12 сентября 1984 г.; Хетагурова Т. Без права на ошибку. — «Коммунист Таджикистана». 20 октября 1984 г.; Мамаджанова С., Панфилов О. Кто защитит памятники.— «Комсомолец Таджикистана». 22 марта 1985 г.

Хисор при удачном исполнении задуманного проекта превратится в общереспубликанский центр, отражающий всю гамму исторического прошлого Таджикистана. Здесь, кстати, хотелось бы подчеркнуть выше отмеченный неправильно понятый вопрос о «переносе» нескольких десятков наименований памятников из других районов республики, который преднамеренно муссируется в республиканской и районной прессе противниками превращения Хисорского заповедника в общереспубликанский культурно-исторический центр. Научные и практические вопросы создания заповедника, основная тематико-структурная схема его территориальных зон и секторов, проблемы формирования и использования последних сжато изложены в научной публикации Н. Н. Негматова и Н. Н. Брус «Проблемы создания Гиссарского историко-культурного заповедника»,³ а в популярном изложении в газетном интервью Н. Н. Негматова.⁴

Необходимость разъяснения по поводу этих кривотолков — одна из задач данной публикации, в которой приводится относительно подробный рассказ о значении хисорских памятников, путях их превращения в заповедник и о самой идее его создания.

Сама идея создания Хисорского историко-культурного заповедника возникала в научных кругах Таджикистана уже давно. Например, такой замысел был обсужден с нами, начинающими тогда археологами, крупным исследователем Таджикистана, первым раскопщиком древнего хисорского могильника Тупхона профессором М. М. Дьяконовым в августе 1948 г. В 60—70-х гг. все более нарастал поток предложений и требований общественности республики, особенно, через прессу о создании серии археологических, историко-архитектурных и этнографических музеев и заповедников, в частности, Пенджикентского археологического, Хисорского историко-культурного, Шахристанского, Аджинатепинского и Хульбукского археологических, Худжандского и Уратюбинского историко-культурных заповедников, Музея археологии и этнографии в г. Душанбе и Этнографического музея под открытым небом в Варзобском ущелье и ряда других. В условиях историко-культурного и духовного голода при слабом развитии музейного дела, с одной стороны, а с другой — изобилия памятников истории и культуры, нарастания археологических, этнографических и историко-архитектурных иссле-

³ «Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук», 1984, № 2 (116), с. 3—8.

⁴ Шахраки булячаб.— «Адабиёт ва санъат» 6 декабри с. 1984.

дований все эти требования закономерны, реальны и необходимы в культурном строительстве и нравственно-идеологической работе в республике. Однако, долгие годы продолжалось, да и сейчас, в годы перестройки, продолжается недопонимание значения этого арсенала историко-нравственных знаний, очень необходимых для духовного обогащения современного человека.

Первым ответным шагом было принятие на Девятой сессии Верховного Совета республики девятого созыва «Закона Таджикской ССР об охране и использовании памятников истории и культуры» от 19 июня 1978 г.,⁵ не до конца совершенного и ответственного по мерам наказания за недостаточную охрану, реставрацию или консервацию, порчу, уничтожение или неправильное использование памятников. Затем последовало постановление ЦК Компартии Таджикистана и Совета Министров Таджикской ССР «Об улучшении охраны и использования памятников истории и культуры в республике» (4 апреля 1979 г.),⁶ в котором отмечались некоторые проведенные работы и имеющиеся существенные недостатки в этой области, обязывались партийные, государственные, общественные органы «принять меры, обеспечивающие сохранность и благоустройство памятников истории и культуры, усилить работу по пропаганде и использованию их в патриотическом, интернациональном и нравственно-эстетическом воспитании трудящихся». Этим Постановлением *Историко-культурными заповедниками объявлены Гиссарский архитектурный комплекс и территория городища Пенджикента*, имеющие особое историческое, научное и художественное значение. Министерству культуры Таджикской ССР совместно с Академией наук, министерствами коммунального хозяйства, торговли, транспорта и дорожного хозяйства Таджикской ССР, Государственным комитетом Таджикской ССР по кинематографии, Государственным комитетом Таджикской ССР по материально-техническому снабжению, Управлением по иностранному туризму при Совете Министров Таджикской ССР, исполкомами Ленинабадского областного, Гиссарского районного Советов народных депутатов, по согласованию с Госпланом Таджикской ССР *предложено разработать и осуществить комплекс мероприятий, а также подготовить предложения по использованию вышеуказанных заповедников*. Министерству культуры Таджикской

⁵ См. «Маориф ва маданият». 20, 22 июля с. 1978.

⁶ В Центральном Комитете Компартии Таджикистана и Совете Министров Таджикской ССР.—«Вечерний Душанбе», 13 апреля 1979 г.

ССР, Академии наук республики рекомендовано разработать положение о Гиссарском и Пенджикентском историко-культурных заповедниках и внести их на утверждение Совета Министров Таджикской ССР».⁷

В этом же Постановлении было поручено «Министерству культуры совместно с исполкомом Ленинабадского Совета народных депутатов рассмотреть вопрос о консервации и реставрации Ходжентской цитадели г. Ленинабада, а также реставрации памятников истории и культуры г. Пенджикента и дальнейшего их использования».⁸

«Принятым постановлением определены меры по финансированию и материально-техническому обеспечению этих мероприятий и работ».

Кроме того было «Принято предложение Академии наук Таджикской ССР и исполкома Душанбинского городского Совета народных депутатов об организации в 1980 году в Душанбе музея этнографии и археологии Академии наук Таджикской ССР».

«Исполкомам областных, городских и районных Советов народных депутатов предложено в 1979—1980 годах освободить здания-памятники от размещения учреждений и хозяйств, эксплуатационный режим которых не обеспечивает их сохранности».⁹

Хорошее «Постановление», во многом конкретизирующие принятый Закон о памятниках. Ныне прошло 14 лет — большой срок и достаточный для полного выполнения всех пунктов, кроме, может быть, завершения наиболее крупного Хисорского заповедника. Хотя наша тема данной публикации конкретно о Хисорском заповеднике, однако, отметим, что сотни памятников (особенно архитектурных) продолжались использоваться не по назначению (от детской колонии — Мадрасаи Оим в Канибадаме — до складов магазинов и хозяйственных организаций), начатое в Душанбе строительство здания «Музея археологии и этнографии» до сих пор находится на стадии «первичного цикла», за этот период погибли новые десятки археологических и архитектурных памятников (городищ, холмов, мазаров, мечетей, мадраса, могильников и кладбищ, остатков ирригационных и фортификационных сооружений) и т. д. Плачевные итоги!

Но вернемся к Хисорскому заповеднику, по которому кое-что сделано, но тоже очень мало и, судя по всему, дело

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

застопорилось в дебрях канцелярий, непонимания или нежелания чиновников, «плюралистической борьбы» части специалистов от науки и практики.

Но вернемся к хроникальному порядку. Идея заповедника начинает материализовываться сначала в дипломном проекте выпускников архитектурного отделения Таджикского политехнического института Н. Бруса и Т. Кауда под руководством кандидата архитектуры, доцента Х. Х. Хакимова, под названием «Гиссарский историко-архитектурный заповедник», получившем диплом первой степени ежегодного Всесоюзного конкурса лучших дипломных проектов архитектурных специальностей (1974—1976 гг.).¹⁰ Тогда же в Специальных научно-реставрационных производственных мастерских (СНРПМ) Министерства культуры республики была создана проектная группа по полной разработке Хисорского историко-культурного заповедника и Таджикского музея народного зодчества под открытым небом в составе: Н. Н. Брус, С. Репин, Б. Раджабов, Н. Талбакова, Е. Н. Пертенова. Впоследствии, в разные годы, кроме названного авторского коллектива, в проектно-изыскательные работы отдельных памятников и элементов заповедника были включены Т. Хворых, С. Марупов, Н. Валиев, З. Б. Хасанов, Х. Р. Рахматуллаев, А. Тоатов и др.

Вскоре было создано «Положение о Гиссарском историко-культурном заповеднике под открытым небом», утвержденное сначала на Коллегии Министерства культуры,¹¹ а затем Постановлением Совета Министров республики (№ 27, от 28 января 1982 г.). «Положение» стало основным документом, регулирующим всю деятельность заповедника. И коллектив Заповедника начал экспедиционно-собираТЕЛЬскую и музейно-популяризаторскую работу.¹²

В начале 1981 г. решением коллегии Министерства культуры республики был создан Научно-консультативный совет министерства по Хисорскому заповеднику, в который вошли научные сотрудники Академии наук и Таджикского политехнического Института: доктора исторических наук — археолог

¹⁰ Сухачева Н. Гиссарский историко-культурный. — «Вечерний Душанбе» 30 июня 1977 г.; Мукимов Р. Мероси аҷдодӣ. — «Адабиёт ва санъат» 9 августа с. 1984.; Мукимов Р. Мероси оҷдодии мо. — «Адабиёт ва санъат» 17 января с. 1985.

¹¹ Тоатов А. Музей под открытым небом. — «Коммунист Таджикистана» 27 декабря 1980 г.

¹² Додарҷонов Э., Абдуҳомидов М. Оинан таърих. — «Маданияти Тоҷикистон» 2 августа с. 1983.

и историк культуры Н. Н. Негматов (председатель) и историк А. М. Мухтаров, археолог Ю. Я. Якубов, кандидаты исторических наук — историк Ш. Т. Юсупов, этнограф А. С. Давыдов, кандидаты архитектуры Р. С. Мукимов и М. Мамадназаров, кандидат искусствоведения Р. Дадабаев, археологи Э. Г. Гулямова и Т. М. Атаханов.

Научно-консультативный совет провел большую работу по изучению изыскательских и проектных возможностей памятников как самой зоны заповедника, так и многих районов республики, организовал ряд заседаний и экспертных дискуссий по проекту, в том числе с выездом на место — в Хисорский заповедник. Большую работу провела совместная научно-исследовательская экспедиция СНРПМ и Научно-консультативного Совета при участии ряда сотрудников Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикской ССР во главе с руководителем проекта Н. Н. Брус, при научной консультации Н. Н. Негматова (с мая 1981 по июнь 1982 гг.), когда детальному обследованию были подвергнуты десятки памятников ремесленного производства, народного зодчества и быта с целью их возможностей воспроизводства, в зоне заповедника в виде достаточно точных макетов или иным способом. Список этих объектов был утвержден сначала Научно-методическим советом¹³ и Постановлением Коллегии Министерства культуры республики № 813 от 22 февраля 1983 г., а затем Постановлением Совета Министров республики № 309 от 10 октября 1983 г. Разумеется, что этот список должен постоянно изучаться и уточняться с учетом разных конкретных объективных научно-практических обстоятельств, прежде всего, существующих законоположений и инструкций по охране и использованию памятников истории и культуры.

Драматично решается вопрос отвода территории заповедника. Отметим ряд решений по нему. Общее собрание уполномоченных представителей колхоза им. К. Маркса от 20 мая 1982 г. (из общего числа 305 присутствовали 297 человек) решило «передать в постоянное пользование поливной земельный участок общей площадью 74,00 га, из которых приусадебные участки 49,81 га, под каналами и коллекторами 4,90 га, под дорогами 7,69 га, прочих неудобных земель 9,14 га Министерству культуры на строительство Му-

¹³ Мазий Ю. Музей без крыши. — «Коммунист Таджикистана» 21 сентября 1982 г.

зея».¹⁴ Затем, 4 августа 1982 г. состоялось решение Исполнительного комитета Гиссарского районного Совета народных депутатов, который рассмотрев землеустроительный проект отвода земель под строительство музея на основании поручения Совета Министров Таджикской ССР № 2154 (9) от 5 июня 1978 г.: 1) отвел в постоянное пользование Минкультуры земельный участок в вышеназванных размерах, 2) «Правлению колхоза имени Карла Маркса заказать Генплан застройки Гиссар, запроектировать индивидуальные застройки кишлака Гиссар на хлопковом поле. Жителей, попавших в зону строительства музея переселить согласно новому Генплану, разработанного на хлопковых землях». 3) Министерству культуры «производить переселение жителей, попавших в зону музея... и оказывать помощь в обеспечении строительными материалами переселяемых жителей. «Далее была утверждена стоимость приусадебных участков и общественных построек на площади 57,50 га в 603750 рублей, которые было обязано оплатить Минкультуры. Кроме того, последний был обязан оплатить по балансовой стоимости за общественные и другие виды построек колхоза¹⁵. Далее 10 октября 1983 г. было вынесено Постановление Совета Министров Таджикской ССР, согласно которому разрешалось «Министерству культуры Таджикской ССР проектирование охранной зоны, зоны регулирования Гиссарского историко-культурного заповедника на площади 74 га земель колхоза имени К. Маркса Гиссарского района. При подготовке проектно-сметной документации предусмотреть средства на возмещение землепользователям убытков, а также потерь сельскохозяйственного производства, связанных с изъятием земель, расходы на освоение новых земель взамен отводимых, средства на выплату компенсаций на сносимые дома, строения и устройства, либо предоставить право использовать материалы от разборки этих домов, строений и устройств по усмотрению переселяемых граждан».¹⁶

¹⁴ Выписка из протокола общего собрания уполномоченных представителей колхоза им. К. Маркса Гиссарского района от 20 мая 1982 г. за подписями председателя собрания Х. Юлдашева и секретаря собрания Л. Кароматова.

¹⁵ Решение исполкома Гиссарского районного Совета народных депутатов от 4 августа 1982 г. (№ 259) за подписью председателя А. Сайдалиева и секретаря З. Абдуллаева.

¹⁶ Постановление Совета Министров Таджикской ССР от 10 октября 1983 г. за подписью председателя К. М. Махкамова и управляющего делами Р. А. Ахмедова.

Исполнение этих первичных постановлений 1982-1983 гг. надолго застряло в перипетиях разных канцелярий и на столах проектирующих организаций Госагропрома, пока московское утверждение генерального плана проекта заповедника в 1988 г. (подробнее дальше) и Хисорское землетрясение 1989 г. снова не всколыхнули жителей Хисора и не привели к очередной переписке разных органов власти и разъяснительных встреч и собраний с участием государственных органов разных инстанций, ученых и авторов проекта с хисорцами. Но дело пока не сдвинулось ни на шаг; даже территория заповедника не освобождена для исследовательских и музеефикационных работ.

За время функционирования заповедника в 1982—1989 гг. начато формирование его научно-исследовательских и музейно-собрательских ячеек. В нем функционировали отделы: фондов, учета и исследования археологических и архитектурных памятников, реставрации, истории религии и атеизма. В связи с малочисленностью штатных работников, их недостаточным уровнем специализации и несовершенностью структуры и кадрового обеспечения отделов, за восемь лет функционирования заповедника выполнен, конечно, лишь малый объем исследовательских, собирательских, музейно-оформительских работ, далеко недостаточных по количеству и качеству даже минимуму требуемых объемов. Все это очень замедляло и задерживало процесс создания всех структур заповедника по срокам и отдаляло начало его интенсивной научной, реставрационной, музеефикационной и просветительской деятельности.

В заповеднике проводилась фондонакопительная работа. На февраль 1990 г. в нем 3836 экспонатов, в том числе 1761 этнографических и 1845 археологических. Однако, отставали их научная паспортизация (выполнено всего на 1200 экспонатов) и даже запись в Главную инвентарную книгу (всего лишь были занесены 1534 экспоната). Проводятся ежегодные экспедиции в различные зоны республики для сбора этнографической коллекции. К примеру, в 1989 г. экспедиция работала в Восейском, Ленинградском, Ховалинском, Дангаринском, Колхозобадском, Джиликульском и Кобадиянском районах, в которых собраны 83 экспоната (из них 70 дарственных и 13 покупочных).

Благодаря труду группы археологов заповедника, Специальных научно - реставрационных производственных мастерских Минкультуры и Института истории, археологии и этнографии АН республики (П. Т. Самойлик,

Ф. Абдулаев, Г. Денищева, А. Амосова, А. Абдуллаев, Т. М. Атаханов) выполнен некоторый объем раскопочных археологических работ. Среди изученных археологических объектов и полученных экспозиционных материалов отметим: неолитическую стоянку Тепаи Гозиси с 628 экз. хорошо скатанных галечных чопперов, нуклеусов, скребловидных и выемчатых орудий; выявленное впервые захоронение катакомбного типа, другие погребения I в. до н. э.—I в. н. э. и VIII—XI вв. с серией погребального инвентаря — различные украшения, бокалы, парфюмерные сосуды, кувшины на известном могильнике Тупхона; захоронения эпохи бронзы и V—XVI вв. с погребальными предметами (украшения, керамика) на могильнике Хоки Сафед. Важные данные с вещественными материалами получены на территории Хисорской крепости: на Шутурхона в стратиграфическом раскопе расчищены два ранних жилища и керамический материал IV—III вв. до н. э., на территории цитадели в двух раскопах вскрыты верхние строительные горизонты крепости XIX в. Остатки двух разновременных монументальных сооружений, возможно, остатки мадраса XV в. и остатки второго здания XVIII—начала XIX в. открыты впервые на «Чашмаи Мохнен»; впервые выявлены остатки Одинамечети с минаретом (XV—XVI вв.); в Масчиди Сангин проводилось изучение зимнего помещения, где получен материал второй половины X в. н. э.; у Мадрасаи Кухна изучены мазар и кладбище начала XIX в., где были погребены мударис-домуло Бердикул и другие; изучались остатки мечети Чармгарон с керамическим материалом XVIII—XIX вв.

Велся археологический надзор на примыкающей округе заповедника, обогативший экспозиционный фонд: греко-бактрийские монеты и терракота из участка Туда (Холм) колхоза им. Ленинизма; следы обжигательной печи с еще не обожженной керамикой I в. до н. э.—II в. н. э., сосуд из захоронения эпохи бронзы и другая керамика из пос. Шарора; керамический материал X—XVIII вв. из зоны строительства средней школы колхоза им. К. Маркса, линии водопровода, других земляных работ на участке Иттифок в связи с Хисорским землетрясением 1989 г. (коллекция крышек, котлов, монеты и др.).

Некоторая работа выполнена по подготовке и повышению квалификации музейных реставраторов путем стажировки в музейно-реставрационных центрах Самарканда (по керамике и металлу), Ленинграда (по дереву), Краснодара и Николаевской области (по керамике). Разработаны вариан-

ты химических составов для реставрации керамики, проведены натурные испытания и химические исследования по борьбе с растениями и солевыми наслоениями на памятниках заповедника, подготовлены методические пособия по условиям хранения и реставрации экспонатов, сделана консервация верхнего слоя куполов входных ворот Хисорской крепости. Отреставрированы или законсервированы, подготовлены и паспортизированы к экспозиции 218 (в том числе 60 в 1989 г.) экспонатов из керамики, дерева, кожи и металла; исследованы химические составы части из них.

Начата работа (с 1988 г.) по созданию в составе заповедника «Музея истории религии»: составлены исторический очерк религий в Таджикистане, структурный план экспозиции по историко-хронологическому принципу, методические рекомендации построения экспозиций; ведется комплектование экспозиционного фонда путем научно-поисковых и собирательских экспедиций. На начало 1990 г. собрано 195 экспонатов.

Сотрудниками Заповедника и СНРПМ опубликован ряд научных статей по итогам археологических и других работ (Ф. Абдуллаев, Г. Г. Денищева, П. Т. Самойлик, А. А. Абдулхамидов, А. Р. Усманов и др.).

Коллективом заповедника велась постоянная экскурсионная и массовая научно-просветительская работа. Проведен ряд выставок «Наврӯзи Ҳисори Шодмон», «Дастархони Наврӯз», «Хунари кашидадӯзи Ҳисор», «Изделия народного промысла и археологические находки из Гиссара», «Народное творчество Гиссара».¹⁷

В целом возможности коллектива заповедника ограничены из-за невыполнения в полном объеме правительственных постановлений по отводу территории для заповедника и других мероприятий, приказа Минкультуры от 5 июня 1987 г. (№ 182) о прекращении экскурсионного обслуживания населения¹⁸ и т. п. По существующим директивным постановлениям недостаточно предусмотрены вопросы реализации социальной функции заповедника, сдерживается его формирование и развитие.

Длительна и драматична была процедура рассмотрения и утверждения генерального проекта Хисорского заповедни-

¹⁷ Новое достигается поиском. Музеи Таджикистана: необходимость современных решений.—«Советский музей» 4(96), 1987, с. 2—10.

¹⁸ Дустов, Овчинникова, Мусульманова, Усманов, Давлатов, Джуркулов, «Не задавайте лишних вопросов». — «Коммунист Таджикистана» 29 августа 1987 г. (Об увольнении группы экскурсоводов заповедника).

ка. Он рассматривался неоднократно в целом и в деталях на Научно-методическом совете Минкультуры, в Академии наук, Союзе архитекторов, в периодической печати республики, специалистами Госплана, Госстроя, Минфина Таджикской ССР и «Уз. проектреставрации» в Ташкенте. В ходе этих обсуждений было высказано множество различных суждений в пользу утверждения проекта заповедника с отдельными уточнениями и доработками. Были высказаны и ряд возражений-предостережений по вопросу переноса сюда некоторых памятников или их макетов, и по вопросу тщательного изучения и консервации археологических объектов на территории средневекового города.¹⁹

Эти предложения будут учитываться при разработке этапов создания заповедника и конкретной проектной разработке его участков с учетом итогов предстоящих археологических раскопок.

На заключительном, широком, с привлечением представителей общественности, обсуждении проекта заповедника в самом Хисоре (апрель 1988 г.) под председательством министра культуры с участием представителей АН республики было решено окончательное утверждение произвести в Министерстве культуры СССР.

И наконец, проект заповедника с комплексом графических, архитектурно-инженерных и научно-изыскательских материалов был рассмотрен 31 августа 1988 г. Президиумом Научно-методического совета по охране памятников Министерства культуры СССР. Этому предшествовали двухмесячная экспертиза-обсуждение всех письменных и графических материалов проекта в общем и в деталях специалистами на специальной выставке в НМС Минкультуры СССР (июль-август 1988 г.) и два официальных экспертных заключения специалистов по архитектуре и по археологии.

Приведем полностью текст этого Решения:

«Решение

Президиума Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР.

г. Москва, 31 августа 1988 г.

О проекте Гиссарского историко-культурного
заповедника Таджикской ССР.

¹⁹ См.: Миррохимов М. Таърихи дируъ барои фардо.— «Тоҷикистони советӣ» маи с. 1987.; Журавлева А., Хамцев В. и другие. Сохранятся ли памятники.— «Коммунист Таджикистана» 21 августа 1987 г.; и др.

Президиум Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР рассмотрел вопрос о проекте Гиссарского историко-культурного заповедника и на основании экспертных заключений (кандидата архитектуры Радзивилловой Е. Н. и кандидата исторических наук, археолога Булатова Р. М.) и выступлений принял следующие решения:

Представленный на рассмотрение проект заповедника в основном одобрить. Считать обоснованным предлагаемые границы заповедника, достаточные для землеотвода. В то же время президиум НМС рекомендует включить дополнительно в эти границы часть территории севера и северо-запада от городища в целях защиты его с этих сторон.

Одобрить основные принципы дальнейшего развития заповедника и методику комплектования его архитектурной и этнографической зон.

Для дальнейшей организации Гиссарского историко-культурного заповедника и музея на открытом воздухе президиума НМС рекомендует учесть следующее:

- разработать программу поэтапного освоения отведенной под заповедник территории — отселения колхозного поселка, инженерной подготовки, организации и благоустройства территории исследовательских работ, комплектования музея на открытом воздухе;

- разработать программу организации административно-хозяйственной зоны музея;

- одной из первоочередных задач считать подготовку к музейному показу Гиссарской крепости с проведением всего необходимого комплекса археологических исследований, консервационных и реставрационных работ.

При разработке программы развития музея-заповедника:

- обратить внимание на уточнение схемы зонирования музея с тщательным отбором экспонатов для его комплектования; проработать взаимосвязь между зонами и коммуникациями внутри зон, организацию музейного обслуживания;

- более тщательно разработать административно-хозяйственную зону с определением масштаба новых зданий, предусмотреть возможность вывода стоянки автомашин за пределы заповедника.

Дополнить состав проекта историко-архитектурным опорным планом, разработать и утвердить зоны охраны заповедника вокруг его территории.

Доработать структуру заповедника, с учетом его специфики, предусмотреть создание отделов археологии, архитектуры этнографии.

Президиум Научно-методического совета отмечает тщательную и квалифицированную разработку проекта авторским коллективом под руководством главного архитектора проекта Н. Н. Бруса и члена-корреспондента АН Таджикской ССР, научного консультанта проекта Н. Н. Негматова.

Президиум НМС просит Совет Министров Таджикской ССР оказывать всемерное содействие становлению и развитию первого историко-культурного заповедника в республике.

Председатель научно-методического совета по охране памятников культуры Л. А. Сокольский.»

Отметим, что работа по созданию заповедника по проекту рассчитана на 20—25 лет при общей стоимости более 32 млн. рублей. Утверждение проекта Гиссарского историко-культурного заповедника ведущим в стране Научно-методическим советом по охране памятников культуры Министерства культуры СССР явилось важным актом культурного строительства республики.²⁰

Сразу же отметим, что научная, историко-правственная и общественно-просветительская значимость главного заповедника Таджикистана, по оригинальности своего замысла, могущего занять одно из ведущих мест в стране, отмечалась всеми участниками московского обсуждения. Высоко была отмечена компетентность и тщательность разработки генплана, его элементов и деталей, их хорошее графическое исполнение на нескольких десятках стендов и альбомов. Отрадно отметить, что за проект Гиссарского историко-культурного заповедника на Всесоюзном смотре лучших архитектурных произведений по реставрации Диплом II степени Союза архитекторов СССР присужден архитектору Брусу Н. Н., Репину, Раджабову Б., Талбаковой Н. Е., Пертеновой Е. Н., главному научному консультанту Негматову Н. Н. (12 декабря 1988 г.).

Тогда же, в 1988 г. была составлена программа неотложных работ первого этапа формирования заповедника, включающих:

1) Отчуждение территории заповедника от колхоза им. К. Маркса Гиссарского района в границах Генплана с выплатой соответствующей компенсации сметной стоимости земельного участка (1989 г.).

²⁰ Об этом было сообщено в интервью научного консультанта проекта Н. Н. Негматова в республиканских газетах: М. Хусейнов. Қалъаи Ҳисор мӯзеи кушода мешавад.—«Тоҷикистони советӣ» 11 октябри с. 1988; В. Жуков. Завтрашний день старой крепости.—«Коммунист Таджикистана» 16 октября 1988 г.

2) Отчуждение территории, проведение изыскательских работ (1989 г.) и строительство жилого поселка для переселяемых хозяйств колхоза (1990—1991 гг.).

3) Вынос автодорог, электрических и других коммуникаций, а также объектов общественного питания и обслуживания с территории заповедника и строительство таковых в пределах административно-хозяйственной зоны заповедника на узле северных въездных путей (1988—1989 гг.).

4) Формирование научно-административной зоны и Археологического музея заповедника: научно-исследовательские, проектно-изыскательские и археологические исследования зоны отвода (1989—1990 гг.), строительство научно-административной зоны и археологического музея (1990—1992 гг.).

5) Развертывание широких археологических исследований на территории заповедника: Хисорской крепости, Регистана средневекового города, зоны сохранившихся монументальных памятников, городские стены и их охранный зона, топографии и стратиграфии южной части средневекового города (1989—1995 гг.).

6) Начало формирования структурных музейных объектов по мере археологических раскопок, архитектурных и этнографических работ на территории заповедника: консервация и музеефикация вскрываемых археологических объектов, продолжение реставрации монументальных памятников и создание на их базе музейных экспозиций, начало формирования региональных групп объектов показа памятников народного зодчества (1990—1995 гг.).

7) Создание научно-исследовательской структуры заповедника: Отдела археологии, Отдела архитектуры, Отдела этнографии и их кадровое обеспечение (1989 г.).

Намеченный выше объем работ и мероприятий первого этапа формирования ГИКЗ рассчитан на 1988—1995 гг. Выполнение этого объема работ позволит к концу первого этапа официально открыть Гиссарский историко-культурный заповедник и включить его в разряд постоянно действующих объектов научной, общественно-просветительской, культурно-массовой и туристической службы республики.

Эта программа неотложных работ первого этапа формирования заповедника до сих пор не обеспечена необходимым финансированием и осуществляется в мизерных масштабах с большим отставанием.

Естественно, что замедленное создание Хисорского историко-культурного заповедника, имеющиеся большие недо-

статки в финансировании, кадровая нехватка (в количестве штатов и квалификации специалистов), мизерное финансирование объема исследовательских, реставрационных, музеефикационных и других работ, причины которых остаются необозримыми и непонятными широким слоям населения и кажутся только итогом «безделия» небольшого коллектива сотрудников заповедника, вызвало серьезное беспокойство общественности республики, и, особенно, хисорцев. Последний всплеск этого недовольства произошел на страницах газеты «Байраки ленинизм» в январе-марте 1990 г.,²¹ в которой фактически вся вина была свалена на заповедниковцев во главе с зажатым «в тисках малоденжья», «кадрового голода» и небольшого научного опыта директора З. Б. Хасанова.²²

В сложившейся драматической ситуации у Министерства культуры республики, в ведении которого находится заповедник, были лишь два выбора: а) распустить коллектив заповедника, оставив лишь двух-трех охранников или же б) пойти по пути кадрового укрепления путем привлечения ученых-энтузиастов, близко знакомых со специализацией историко-культурного заповедника. И естественно, выбор нового министра культуры республики Т. М. Абдушукуровой пал, прежде всего, на упомянутого выше главного консультанта проекта заповедника, члена-корреспондента Академии наук республики, доктора исторических наук, профессора археологии Н. Н. Негматова. И, так как многие годы Н. Н. Негматов ведет Отдел истории культуры Института истории, археологии и этнографии Академии наук и не покинет свой родной академический коллектив, с ведома Президента АН, академика С. Х. Негматуллаева, вице-президента и председателя отдела общественных наук АН, академика Х. М. Са-

²¹ А. Усмонов, З. Дўстов. Посгоҳ: таҷдидгарони таърих ё мазорбонхо?—«Байрақи ленинизм» 11 январи с. 1990; Н. Курбонов. Агар ман директори посгоҳ мебудам...—«Байрақи ленинизм» 18 январи с. 1990; Н. Юсуфов. Посгоҳ аз лиҳози аёният урёнаст!—«Байроқи ленинизм» 30 январи с. 1990; К. Файзов. Дил, ки бисӯзад...—«Байрақи ленинизм» 1 феврал с. 1990; М. Рахимов. Таклиф.—Дар ҳамон ҷой; Б. Чураев. Посгоҳ бесоҳиб.—«Байрақи ленинизм», 13 феврал с. 1990; З. И. Буриев. Мазорбони ҳам кори хайр аст.—«Байрақи ленинизм», 17 феврал с. 1990; А. Чўра. Барои мазорбони се посбон кифоя.—«Байрақи ленинизм» 17 март с. 1990; Аз редакция.—Дар ҳамон ҷой.

²² З. Б. Хасанов. Парастии мазори ниёгон амрест воҷиб.—«Байрақи ленинизм» 17 март с. 1990; Аз дили ҳар санг меояд садон асрҳо. Мамнўғоҳи Ҳисор: проблемаҳо ва мулоҳизаҳо. Мулоқоти муҳбир Ҳикмат Раҳмат бо директори мамнўғоҳ Зиёдулло Хасанов.—«Омўзгор» 20 март с. 1990, с. 10—11.

идмуродова и согласия директора Института, член-корреспондента АН Р. М. Масова, в порядке исключения Н. Н. Негматов в июле 1990 г. был назначен по совместительству директором Хисорского заповедника.

Так, с середины 1990 г. начался новый этап деятельности коллектива заповедника. На основе данных министром культуры поручений и полномочий за последние два года в соответствии с понятийным статусом заповедника, характером и конкретными задачами Хисорского историко-культурного заповедника, в пределах ныне существующих штатных возможностей и государственных ассигнований начато осуществление ряда реформ по: 1) доработке и уточнению структурных подразделений; 2) привлечению группы высококвалифицированных ученых по специализации заповедника; 3) создании компетентного центра по решению необходимых научно-производственных вопросов—Ученого совета заповедника и программы повышения квалификации кадров; 4) разработке ряда перспективных программ археологического, архитектурного, этнографического и общен исторического исследования памятников заповедника и истории города Хисора; 5) разработке программы реставрации и консервации памятников и благоустройства территории заповедника; 6) разработке программы приспособления и музеефикации ряда архитектурных памятников; 7) подготовка и издание серии тематических научных и популярных публикаций об исследованных памятниках и коллекционных фондах заповедника; 8) программе улучшения экскурсионной деятельности и приема туристов и экскурсий; 9) программе улучшения условий труда, повышения зарплаты и социальной защиты коллектива заповедника.

Эти программы, важные для оживления, нормализации и интенсификации деятельности заповедника, его перспективного строительства, совпали и затрудняется их выполнение с охватившим СНГ и республику политическим, экономическим и культурно-нравственным кризисом. Но, все же, гарантом их осуществления, несомненно станут наметившаяся демократизация жизни общества, формирование движения за возрождение национальных традиций и исторических ценностей.

В настоящее время в результате реформ в составе Хисорского заповедника действуют отделы: археологии, этнографии и фондов, реставрации археологических и этнографических коллекций, архитектурно-художественный, истории просвещения и религий, рукописных и книжных фондов, му-

зейного обслуживания, и наконец, хозрасчетный реставрационно-строительный. Ныне они укомплектованы опытными и молодыми специалистами, в числе которых два доктора наук (археолог и архитектор и три кандидата наук (археолог, этнограф, философ), группы сотрудников с высшим историческим, архитектурным, филологическим, востоковедным и средним специальным образованием.

Создан Ученый Совет, способный решать все научные исследовательские, реставрационные, музеефикационные, методические и издательские вопросы заповедника. Ученый Совет уже рассмотрел и утвердил ряд вышеназванных программ развития заповедника, стал аккумулятором идей сотрудников. Повышение его статуса уже позволило принять к официальному оппонированию докторскую диссертацию по архитектуре и реставрации.

В области повышения социальной защиты, условий труда, жизни и квалификации коллектива сотрудников произведены: в соответствии с новыми правительственными постановлениями изысканы возможности и повышена заработная плата разных категорий сотрудников в несколько раз, произведен капитальный ремонт ветхих служебных, фондовых и лабораторных помещений и электроснабжения, перепланировка и благоустройство дворовой территории, резко улучшившие условия труда; проведена серия мероприятий по повышению квалификации старших и младших сотрудников (завершена и защищена диссертация на ученую степень архитектуры, группа сотрудников работает над диссертациями по тематике заповедника и подготовкой к сдаче экзаменов кандидатского минимума, группы сотрудников проходят курсы, семинары и практику повышения квалификации в ведущих реставрационных НИИ, музеях и фондохранилищах, группа молодых сотрудников учится в вузах).

Проводится работа по демократизации деятельности дирекции и всего коллектива заповедника (проведены выборы директора тайным голосованием) на Ученом Совете с участием представителей структурных отделов и профсоюзной организации, оживлена деятельность профсоюзной организации, введена практика работы директорского совета для решения текущих вопросов, куда входят кроме аппарата дирекции все заведующие структурными подразделениями и представители профсоюзной организации. Ведется работа по повышению уровня служебно-правовых и организационно-дисциплинарных знаний коллектива заповедника.

Упорядочено планирование деятельности заповедника. Впервые в истории заповедника создан и утвержден на Ученом Совете развернутый, полноценный и конкретный план научно-исследовательских, реставрационных, музеефикационных, музейно-фондовых, издательских, музейно-экскурсионных, просветительских, кадровых и хозяйственно-организационных работ на 1991 год. План включает 36 наименований работ (с указанием их объемов, сроков выполнения и исполнителей) по всем направлениям деятельности заповедника.

В 1991 г. научно-исследовательская деятельность коллектива заповедника включает: сбор, систематизацию материалов и написание брошюр о памятниках архитектуры Масчити Сангин, Махдуми Аъзам и Мадрасаи Кухна; научную паспортизацию ряда памятников архитектуры заповедника; сбор и систематизацию экспозиционных материалов по темам «Классики таджикской культуры» и «История ислама»; сбор и систематизацию материалов и написание брошюр о личности «Махдуми Аъзам», о трех деятелях культуры Хисорской долины; научная паспортизация и написание брошюры «Хисорская крепость», сбор материалов и написание брошюры «Свадьба гиссарцев» и «Национальный праздник гиссарцев», «Реставрация памятников прикладного и декоративного искусства в Хисорском заповеднике»; составление «Путеводителя по Хисорскому историко-культурному заповеднику», начало составления научного каталога рукописей и написание брошюры «Рукописный фонд Хисорского заповедника» и написание работы «Хисорский историко-культурный заповедник: история создания». Многие из этих плановых заданий уже выполнены. Часть из этих работ включена в данную книгу под названием «Хисорский заповедник и его архитектурные памятники» и во вторую книгу «По следам культуры Хисорской долины».

В 1991 г. осуществлена Кулябская историко-фольклорно-этнографическая экспедиция по приобретению экспонатов и материалов по темам: «Вождь крестьянского восстания Восс» для экспозиции в Зиндоне Хисорской крепости, фольклорно-музыкальное наследие «Фалак» и «Гуругли» для экспозиций в Музее таджикского быта. Запланирована Хисорская историко-этнографическая экспедиция по сбору и приобретению материалов для экспозиций Музея «Донишмандони (мудрецы) Хисор». Начаты охранно-разведочные археологические раскопки на вершине Арка и у Дарвозахона Хисорской крепости с целью изучения состояния сохранности и возможностей консервации.

На три года запланированы строительно-монтажные работы на архитектурном памятнике Каравансарай Хиштин. В 1991 г. проведено НИИ Таджик ГИИНТИЗ исследование фундаментной субструкции и начато проектирования каравансарая под Центр таджикских народных ремесел.

Начаты подготовительные работы по созданию Музея таджикского быта на базе Мадрасаи Кухна. Музея истории ислама на базе мавзолея Махдumi Аъзам и Музея донишмандони (мудрецов) Хисор на базе Масчиди Сангин. Ведется сбор экспозиционных материалов, формируются общие идеи и тематическое содержание экспозиционных разделов.

В Заповеднике создаются три фондохранилища: этнографический, археологический и рукописно-книжный. Общее количество экспонатов ныне доведено до 20 тысяч единиц. Этнографический и рукописно-книжный фонды собираются со всех регионов республики, а археологический исключительно с памятников самой зоны заповедника.

Приглашение ученых специалистов и общее повышение квалификации коллектива сотрудников позволили приступить к написанию серии научных и популярных публикаций о заповеднике, его памятниках и других исследованиях. Первые две книги: эта и вторая на таджикском языке «Дар ҳустуҷӯи фарҳанги водии Ҳисор» («По следам культуры Хисорской долины») — сейчас уже выносятся в широкую читательскую аудиторию.

В 1991 г. получает развитие музейно-экскурсионная работа. Создание специального Отдела музейного обслуживания, проведенные благоустроительные работы позволили с февраля 1991 г. официально возобновить прерванное в 1986 году экскурсионное обслуживание туристов. В настоящее время готовится к изданию развернутый путеводитель по Заповеднику.

К проектным, экспедиционным, реставрационным и музеефикационным работам Заповедника начато планомерное привлечение студентов-архитекторов Таджикского политехнического университета, студентов-историков Таджикского государственного университета и студентов Республиканского художественного училища им. М. Олимова. На кафедре архитектурного проектирования и графики ТПУ, историческом факультете ТГУ и РХУ начата практика подготовки курсовых и дипломных работ по тематике Заповедника с целью подготовки специалистов по проблемам исследования, реставрации и использования памятников Таджикистана. Специалистами Заповедника предложено РХУ пересмотреть спе-

специализацию студентов по № 2134 «Реставрация и хранение произведений живописи» и в связи с ее ограниченной кадровой емкостью, и учитывая условия Таджикистана и Средней Азии, превратив эту специализацию по общей реставрации памятников архитектуры, прикладного и монументального искусства.

Специалистами Заповедника обоснован и создан эскизный проект возрождения исторического Центра региональной и международной ярмарочной торговли «Хисор». Проект с обоснованием передан в Министерство торговли Республики Таджикистан. Проведен открытый конкурс на разработку эскиз-идеи монументального въезда в Хисорский историко-культурный заповедник, разработана эмблема заповедника с различными функциональными вариантами. Разработан банк идей объектов обслуживания заповедника (автостоянка, национальный объединенный торговый центр для туристов и местных жителей и т. п.

Таким образом, сделано многое, особенно за последние два года. Но это лишь начало большого будущего Хисорского заповедника.

Ныне коллектив Хисорского историко-культурного заповедника нуждается особенно в двух вопросах, а именно:

1. Общественности республики и Хисорского района оказать широкую поддержку факту абсолютной необходимости главного историко-культурного заповедника республики как крупного объекта в осуществлении разносторонней социально-исторической программы научной, культурно-просветительской и коммерчески доходной работы. Для этого прекратить, прежде всего, дилетантство и демагогию «будораживания умов» вокруг Хисорского заповедника в республиканской и Хисорской районной прессе, публиковать впредь лишь компетентные и строго деловые статьи и заметки с конкретными реалистичными подходами к проблемам заповедника, не допускать под ширмой плюрализма мнений личностные амбиции.

2. Кардинально и безотлагательно изменить отношение правительственных органов республики к нуждам Хисорского заповедника и, вообще, к проблемам охраны, консервации, реставрации и использования памятников истории, археологии, архитектуры и искусства. Признать недопустимую медлительность бесконечных «проработок» землеустроительных вопросов Хисорского заповедника в ведомственных инстанциях, медлительность подразделений Минавтодора, Минсвязи, Главтаджикэнерго, ГАИ в строительстве и отводе

с территории заповедника дорожных и иных коммуникаций, ежедневно и ежечасно портящих памятники и мешающих организационно-территориальному обустройству заповедника и выхода от теперешнего состояния «проходного двора»! Финансовым органам пора перейти к конкретному выделению средств по годам из расчета утвержденной фактической стоимости заповедника в 32 млн. рублей на 20 лет полного его формирования (в суммах 1988 г.), неотложно решить вопросы штатного расписания по утвержденной генпланом научной, просветительской, административно-производственной структуры заповедника. Правительственным органам позаботиться об обеспечении Хисорского заповедника всеми необходимыми материально-техническими ресурсами в достаточных размерах.

Хочется верить, что в обновленном составе Правительства Республики Таджикистан, в каждом его подразделении найдутся высокообразованные патриоты, которые срочно решат этот «горячий» и национально-престижный вопрос.

Хисорский заповедник — национальный памятник Таджикистана, его исторический паспорт-энциклопедия! Он ныне включен в число общемировых историко-культурных ценностей ЮНЕСКО.²³ Создание Хисорского заповедника — наша честь, совесть, гордость и престиж. Чем быстрее, точнее и полнее сделаем его — тем быстрее выполним нашу обязанность перед предками, современниками и будущими поколениями, создадим ведущий объект нравственности, эстетического, патриотического и интернационального воспитания. А если не создадим или промедлим — потеряем выгодный во всех отношениях культурный баланс нравственности нации.

²³ В реестре ЮНЕСКО. — «Коммунист Таджикистана». 28 апреля 1989 г.

З. Алиева, Р. Мукимов, П. Самойлик

МАЧИТИ САНГИН

Хисорский историко-культурный заповедник. Это название сейчас у многих жителей Таджикистана и его гостей ассоциируется с музеем под открытым небом, где воочию можно увидеть материальные свидетельства многовековой истории и культуры Хисорской долины. И не только материальные свидетельства. Посетителей этого своеобразного, в чем-то уникального в своем роде, музея ждут красивые легенды и поверья, связанные с его памятниками, которые до сих пор хранят немало таинственного, загадочного. Не будем испытывать терпение посетителей и пригласим их совершить небольшое увлекательное путешествие вглубь Заповедника, а именно в его юго-восточную часть.

Вам придется пройти в эту часть музея пешком для того, чтобы насладиться живописным окружением средневекового Хисора, о былом величии которого указывает высокий холм крепости Калаи Хисор с сохранившимися монументальными входными воротами, фланкированные круглыми в плане привратными башнями.

Но не это сейчас мы предлагаем осмотреть, а другой памятник, укрывшийся в одиночестве, в тени многовековых чинаров и окружении квартальной застройки — Мачити Сангин. Не сразу вы ее увидите: дорога от величественного холма делает несколько поворотов среди застройки современных жилых кварталов, зданий школы, клуба, правления колхоза. Вы обязательно пройдете мимо ворот одной из двух современных мечетей Хисора, построенных недавно народными мастерами. Только высокие сухие стволы старого чинара, да кусочек купола, виднеющегося на фоне густой зелени, станут вам ориентиром конечного пункта путешествия.

И вот после последнего поворота перед вами раскрывается объект посещения — арочно-купольная Мачити Сангин. Сейчас здесь уже завершаются реставрационные и благоустроительные работы, произведенные мастерами Специальных научно-реставрационных производственных мастерских. Поэтому вы не увидите старое, почти развалившееся и по-

крытое паутиной древности, сооружение, каким оно было несколько лет назад. Перед вашим взором откроется чрезвычайно гармоничный силуэт мечети с высоким купольным перекрытием основного замкнутого помещения.

Не будем торопиться сходу войти в здание. Давайте, остановимся, оглянемся и настроимся к встрече с этим необычайным памятником средневековья, хранящего до сих пор много неразгаданного как в его судьбе, так и облике.

Сначала послушайте небольшой рассказ о самом типе сооружения, относимого многими учеными к культовому зодчеству. Однако, знакомство с истоками возникновения каркасных квартальных мечетей (а Мачити Сангин является квартальной мечетью) показывает их близость к местному жилищу, а не привнесенная исламом в VIII веке. Наглядным примером являются четырехколонные приемные залы древнего Пенджикента с обходными галереями или предвходными айванами, датируемые еще доисламским периодом, т. е. VI—VII вв. Еще большую близость квартальных мечетей к жилищу характеризует народное зодчество Таджикистана, где и то и другое строились одними и теми же мастерами, и там и здесь применялись единые декоративные и планировочные приемы. Да и сами мечети, в отличие от христианских храмов, были только домом для общественного моления и единственным ритуальным элементом интерьера хонакох и айвана была михрабная ниша, обращенная в сторону Мекки, главной святыни мусульман. Именно к нише всегда обращаются молящиеся, которая является по сути дела только ориентиром.

И сам михраб, как показывают исследования ученых, своими корнями связан с жилищем, причем развивавшемся с глубокой древности на территории Средней Азии. Например, прямую аналогию михрабу мы можем увидеть в обязательном элементе раннесредневекового жилища древнего Пенджикента или Бунджиката-пристенной нише, где постоянно возжигался огонь.

Михраб мы можем увидеть и в жилом традиционном доме Таджикистана, в том числе в Хисорской долине, где в торце жилого помещения или гостиной — мехмонхона, обращенного на запад, всегда устраивается арочная нарядно украшенная ниша — тахмон. Именно сюда обращены взоры хозяев дома при ежедневных молитвах, когда по каким либо причинам они не могли пойти в мечеть.

Во многих селениях Средней Азии мечеть, кроме места моления, является еще чуть ли не единственным общественным

центром, где собиралось мужское население для отдыха, бесед, решения бытовых и общественных вопросов или просто узнать новости. Более того, во многих селениях Таджикистана мечети использовались и как пристанище для путников и гостей, здесь долгими зимними вечерами за беседами проводили время сельчане. Все это говорит о том, что мечети были своеобразными клубами для жителей квартала селения и города, излюбленным местом сбора мужского населения. И строили их сообща, на средства, собранные жителями прихода. Вот почему так бережно и любовно благоустраивали прихожане свою мечеть, гордились им и старались на многие годы сохранить ее в хорошем состоянии. А теперь снова вернемся к нашей мечети.

Главный вход во двор мечети устроен с северной стороны, видимо, именно отсюда и входили несколько столетий назад жители прилегающего квартала. Прямоугольный в плане двор, ориентированный на север-юг, сейчас огражден чисто символическим забором в виде невысокой стенки, выложенной из красного камня, и с металлической решеткой поверху. Сразу после входа с правой стороны возвышается упомянутый нами древний чинар с частично высохшими ветками. Дерево почтенного возраста, свидетель полных событиями средневековья, окружено квадратной в плане суфой, обрамленной также каменной стенкой. Дорожка прямо ведет от входа к самой мечети, чуть приподнятой относительно поверхности земли. Двор с трех сторон (с юга, запада и востока) окружен усадьбами жителей квартала, образующих открытое пространство с мечетью. С западной стороны, вдоль забора, проходит канал, снабжающий водой огороды и сады.

Описанная организация мечети является в целом традиционным приемом в квартальной структуре средневековых городов и поселений Таджикистана. Только для полного соответствия этого живописного уголка традициям организации квартального общественно-культового центра здесь не хватает еще некоторых атрибутов дворовых мечетей — минарета, бассейна-хауза и дворовых построек. Были ли они здесь? Несомненно. В частности один из первых исследователей памятника в конце 40-х годов XX в. Л. С. Бретаницкий в своей статье «Архитектурные памятники Гиссара» прямо указывает, что «...в нескольких десятках метрах от мечети стоит небольшой минарет явно недавнего происхождения».

Современное археологическое исследование в юго-восточной части двора выявило основание этого минарета. И если учесть древнюю традицию устраивать сооружения на

остатках старых фундаментов можно пока предположить о более раннем существовании здесь минарета. Заповедник предполагает восстановить облик минарета в недалеком будущем по имеющимся научным данным. Отметим пока, что предложенная реставраторами трактовка былого облика минарета нуждается в доработке и уточнении.

А что касается хауза-бассейна, то он, возможно, находился рядом со старыми деревьями. Сейчас же скажем, что следов хауза пока не обнаружено. Наконец, о дворовых постройках. Они, очевидно, были, но в более легких конструкциях из глины и дерева и поэтому не сохранились. Правда, недавно произведенный шурф в северо-западной части двора (шурф — это углубление для выяснения времени возникновения хозяйственной деятельности человека на избранном участке) позволил сделать своего рода открытие — на глубине соответствующей основанию мечети были обнаружены каменные основания от двух колонн или пилонов от какого-то сооружения. Ответить ясно о происхождении колонн и их принадлежности определенному типу сооружения сейчас трудно, так как необходимы систематические раскопки по всей территории двора. А пока шурф вновь засыпан землей до лучших времен, нам же остается сделать предположение о будущих сенсациях, которые ждут исследователей и, конечно, туристов.

Итак, мы достаточно подробно рассмотрели двор мечети, а теперь пора рассказать о самом сооружении, куда мы можем пройти беспрепятственно как и наши древние предшественники. Что же из себя представляет Мачити Сангин, где само название приобретает особый смысл, связанный с его конструктивной основой («Сангин» по-таджикски означает каменный).

Мечеть принадлежит к относительно редкому в Мавераннахре (стране между реками Амударья и Сырдарья) типу центрально-купольных сооружений. Основной объем здания-хонакох с двух сторон окружен открытыми сводчатыми галереями. Стрельчатые арки галерей, представляющие из себя их большой глубины по сути сводами, опираются на мощные, квадратного сечения, устои, расширяющиеся книзу. Пространственная композиция мечети определяется последовательным переходом объемов центральной части от квадратного в плане основания до цилиндрического барабана, венчающегося куполом. Центричность композиции и доминирующее значение главного купола подчеркивают небольшие плоские своды галерей, охватывающие основной объем зда-

ния с двух сторон — юга и востока. Скульптурная четкость объемно-пространственной композиции мечети усиливается некоторой аскетичностью незамаскированной штукатуркой кирпичной кладки на плоскостях фасадов, оживленных сводчатыми и прямоугольными проемами арок галерей и дверей хонакох.

Чередование обычной кладки кирпичей вперевязку с кладкой типа «дандона» (по верху кровли) создает скромный декоративный эффект, который усиливает метрический ряд деревянных водосливов, установленные под поясом «дандона». Последний по сути дела является бортиком-парапетом кровли мечети.

Подкупольное помещение — хонакох представляет собой в плане крестообразную композицию, образованную за счет глубоких арочных ниш по сторонам подкупольного квадрата (5,5X5,5 м.) Некоторую ассиметричность создает более углубленная западная арочная ниша, в щипцовой стене которой на центральной оси устроен михраб. Граненая ниша михраба со сводчатым завершением почти не имеет традиционного декоративного оформления. Однако здесь все-таки была попытка как-то украсить главный элемент интерьера П-образным рамным обрамлением при помощи невысокого ганчевого бордюра прямоугольного профиля. В верхней части рамы, над стрельчатым завершением михрабной ниши, также обрамленной ганчевым бордюром, образовано прямоугольное панно, видимо, ранее заполненное надписью. В более роскошных михрабах такое панно часто оформляется резным ганчевым орнаментом геометрического, иногда растительного рисунка или эпиграфического характера (например, михрабы мечетей Карамишкор, Ходжа Екуба, Сари Осис в городе Душанбе, в селении Рохати).

Расположенные рядом с михрабом несколько кирпичных ступеней ведут на небольшое возвышение, служившее для проповедника кафедрой-мимбаром. Любопытной особенностью этого ступенчатого мимбара является прямоугольная ниша, устроенная в толще кирпичной кладки под ступенями.

Дверных проемов в хонакох четыре, причем в южной стене устроены два проема. Над проемами находятся традиционные тобадоны, т. е. световые проемы, заполняемые обычно ганчевой или деревянной решеткой-панджара. Здесь же в результате поздних ремонтов проемы заложены кирпичной кладкой, образуя глухие ниши в интерьере хонакох (сквозной проем сохранился только в восточной стене над дверью, выходящим в сводчатую галерею).

Уникальной особенностью памятника является устройство четырех резонаторов на уровне подкупольных конструкций в виде керамических кувшинов без дна, вмурованных в толщу кирпичной кладки тромпов. Эти резонаторы служили для улучшения акустических качеств интерьера хонаков, где происходили ежедневные моления и проповеди духовного лица. Именно для усиления его голоса и было предназначено это остроумное звукоусиливающее приспособление.

Переход квадрата помещения к куполу образован системой арок тромпов с заполнением пазух сводами. Верх тромпов и арок по периметру образовавшегося восьмигранника за счет ганчевых выступов обрамлений образует зигзагообразный пояс, не лишенный скромной эстетичности. В целом же декоративное убранство интерьера хонаков весьма скупое. По существу оно ограничивается гладью ганчевой штукатурки, четко членящейся по вертикали поясом-выступом прямоугольного профиля, протянутым по периметру подкупольного квадрата на уровне пятов пояса тромпов. Под этой полочкой проходит относительно широкий ганчевый фриз, чуть выступающий из плоскости стены. Некогда на этом фризе был нанесен несложный двухцветный орнаментальный пояс из цветного алебаstra. Сейчас он исчез под современной штукатуркой. Однако, несмотря на явную аскетичность убранства, интерьер мечети производит выгодное впечатление хорошо найденным соотношением объемов внутреннего пространства и четкостью членений стен, пояса тромпов и купола. Зрительно достаточно хорошо освещенный внутренний подкупольный объем кажется просторным и высоким. Такое впечатление создается и снаружи. Здесь даже кажется, что центральный объем имеет двойной купол, скрытый в цилиндрическом барабане. На самом же деле купол одинарный, причем снаружи он почти наполовину скрыт в толще барабана. Это весьма тонкий расчет опытного мастера, стремившегося создать монументальный облик мечети, когда ради целостности восприятия здания можно где-то поступиться функциональной целесообразностью. Именно формалистический подход к поиску выразительного образа сооружения продиктовал, например, зодчему скрыть крестообразность плана в толще кирпичной кладки стен. Подобный метод архитектурного «проектирования» (а здание, несомненно, было предварительно запроектировано в виде чертежей и модели) наиболее характерен был в XIV—XV вв., когда во многих городах могущественного государства Тимура и Тимуридов (Самарканде, Герате, Шахрисябзе и др.) появля-

ются величественные мечети и мадраса с высоко вознесенными куполами, монументальными порталами и не менее впечатляющими круглобашенными минаретами. Здесь их облик в большей степени определяла не функциональная оправданность, но чисто объемно-композиционные задачи.

Как отмечалось выше, здание Мачити Сангин окружено с двух сторон открытыми сводчатыми галереями. Ритмично расположенные вдоль двух сторон хонакох мощные пилоны галерей связаны между собой и со стенами основного объема здания стрельчатыми арками, образующими систему небольших квадратных или близких к квадрату в плане ячеек. Последние перекрыты четко читающимися на фасадах куполами, усиливающими монументальность основного купольного объема. Как и в каркасных айванных квартальных мечетях, галереи мечети служили летним сводчатым «навесом» для молящихся. Об этом свидетельствуют две михрабные ниши, устроенные в западной торцевой стене галереи и слева от входа во внутреннее помещение с восточной стороны. В торце галереи стрельчатая михрабная ниша, прямоугольная в плане, имеет П-образное обрамление ганчевым бордюром с квадратным углубленным панно над ним. Вторая ниша является граненной без какого-либо декоративного оформления. Причем, этот михраб устроен на оси фасадного арочного проема и он хорошо просматривается с восточной стороны двора как-бы в обрамлении стрельчатой арки.

Теперь несколько слов следует сказать об особенностях мечети, резко выделяющей здание от остальных сооружений Хисорского заповедника. Это — использование в качестве основного строительного материала грубо сколотого камня красного цвета, что и определило название мечети — Камелая. Правда, здание не полностью выстроено из камня, а только нижняя половина стен. Причем, почему-то один из устоев на южном фасаде выложен из квадратного жженого кирпича. И еще одна особенность галереи и стен заключается в том, что под ними уложены большие бутовые камни, образующих своеобразные фундаментные подушки. Поверхность пола галереи, как и хонакох, выложены квадратными плоскими кирпичами.

У посетителей может возникнуть вопрос — чем же вызвано разнородное применение строительного материала? Видимо, это было сделано по нескольким причинам, где эстетической стороне отдавалось немалое предпочтение. Действительно, сочетание благородного темно-красного тона грубо околотого камня с хорошо обожженным кирпичем золотисто-

желтого тона создавал неповторимый цветовой колорит и неожиданный эффект контраста, усиливающий эстетичность зрительного восприятия всего объема здания.

Помимо этого, кладка камня в нижней части стен и устоев придало облику здания некоторую зрительную устойчивость. Такой прием был характерен еще для зодчества древности и не только в Средней Азии. Достаточно вспомнить постепенное уменьшение вертикальных членений квадратов каменной кладки в романской архитектуре, а затем и в эпоху Итальянского Ренессанса.

Не менее важно было для зодчего прочностные и влагонепроницаемые характеристики камня. Вполне понятно желание строителей построить здание на века, оставив тем самым добрую память о себе.

Вызывает некоторые вопросы и целесообразность возведения здания в нехарактерной для сейсмических районов Средней Азии (в частности, для Хисорской долины) тектонической системе, а именно, в сводчато-арочной. Конечно, купола играли большую роль в конструкциях и в композиции построек. Из истории зодчества мы знаем о многочисленных купольных сооружениях Бактрии уже в эпоху античности. Например, сводчатое покрытие типа «балхи» сардоба в Дильберджине (Северный Афганистан), датируемое кушанским периодом. Наиболее прочно купольная структура установилась в Средней Азии, начиная с IX в., когда в обиход входит обожженный кирпич. Однако, массовая архитектура оставалась в стоечно-балочной тектонике, наиболее устойчивая к частным сейсмическим колебаниям. Именно в среде массовой архитектуры и возникали квартальные мечети, наиболее близкие по своей сущности к жилищу. Поэтому появление в гуще городского квартала центрально-купольной мечети с двухсторонней галереей вызывает множество вопросов как с позиций конструктивной целесообразности, так и исторической логики развития типологии сооружения.

Вышесказанное не означает, что в народном зодчестве Таджикистана купольные мечети являются редким исключением. Так, только в Худжанде и его окрестностях изучены три купольные мечети. Одна из них, Мачити Гумбаз, расположена также в гуще городской квартальной застройки Худжанды. Эта мечеть, построенная в XIX веке целиком из сырца, очень близка по своей структуре центральному объему Мачити Сангин. Нет здесь только сводчатой галереи — ее заменяет глубокий угловой айван с балочной кровлей.

Мачити Гумбаз, также как и Мачити Сангин, выделяется среди одноэтажной плотной застройки своим четким силуэтом купольного объема, приподнятого на высоком цилиндрическом барабане. Затесненный двор не позволил устройства здесь хауза-бассейна и посетитель через традиционные деревянные ворота сразу предстает перед мечетью, которая, однако, своей массой не подавляет человека, а, как не странно, создает впечатление уюта и покоя.

Археологические изыскания в Мачити Сангин выявили удивительные, на первый взгляд, особенности архитектуры. В частности, выяснилось, что сводчатая галерея появилась к XIV веку. Например, она построена без учета плановой композиции хонакох — расположение устоев арок не связаны с дверными проемами, одна из поперечных арок явно не соответствует сопряжению со стеной зимнего помещения, так как она примыкает к стене прямо над дверным проемом.

Что же дает в руку ученых этот факт? Очень многое и самое главное — материал для определения времени возведения первоначального здания, т. е. датировки. Остановимся более подробно на этом вопросе. Многие исследователи памятника (Е. Давидович; А. Мухтаров и др.) в целом при его датировке сравнивают с известными аналогами — бухарскими Мачити Баланд и Хонака Ходжа Зайниддина XVI в. Правда, последние несколько отличаются от Мачити Сангин: наличием колонных айванов и, конечно, великолепием резного и полихромного декора.

Несколько иную датировку памятника дает С. Г. Хмельницкий, считая наиболее вероятным временем возведения XVII — начало XVIII вв. Л. С. Бретаницкий в качестве аналогов приводит более ранние памятники Средней Азии, например, мечети в кишлаке Хазара, Рабати Малик около Кермине и др. Эти памятники в основном однокамерные без айванов, где перекрытия покоятся на колоннах. Однако ученый уже в конце 40-х годов предполагал отсутствие галереи Мачити Сангин. Нам представляется, что большего внимания заслуживает именно эта версия специалиста, которая сейчас подкрепляется археологическими данными.

В процессе корректировки проекта реставрации и в ходе самой реставрации памятника параллельно производились археологические исследования. На памятнике и его зоне в 1981—1991 гг. было произведено семь зондажей и пять шурфов, которые позволяют констатировать следующую картину. В первоначальном варианте это было центральнокупольное сооружение, без айванов. Айваны, судя по разности за-

кладки их оснований, в отношении основного плана, были возведены в более поздний период. Находки же монет и керамического материала в шурфах и зондажах, позволяют говорить, что начало функционирования памятника в безайванном виде падает на X—XI вв., а айваны появляются к XIV веку. Не исключено, что в первоначальном виде памятник нес в себе функции мемориальной архитектуры, то есть был мавзолеем.

Действительно, разнообразные типы мечетей стали формироваться с IX—X вв., после укрепления ислама в Средней Азии. Наряду с местными типами, получил распространение тип дворовой мечети, занесенный арабами, как отвечающий местным климатическим условиям: это прямоугольник пахсовых или сырцовых стен с открытой галереей по их периметру и внутренний двор. Однако в первые годы исламизации Средней Азии арабы из-за отсутствия нового архитектурного типа подобного сооружения приспособливали под мечети доисламские храмы (например, в столице историко-культурной области Уструшаны — Бунджикате храм идолов был переделан в колонную мечеть, как наиболее близкая знакомой им структуре здания для молений). В последующие годы во всех городах и селениях появляются поминальные, соборные, квартальные мечети, для массовых молений в крупные мусульманские праздники и др. Интересующие нас однокамерные купольные здания мечетей возводились в течение всей истории развития среднеазиатской архитектуры, начиная с середины VIII века. Например, как сообщает историк среднеазиатской архитектуры А. М. Прибыткова, в Марве в середине VIII в. были сооружены две купольные мечети: одна — у ворот Гяркалы, другая — на канале Маджан. Прообразом для них, как считают ученые (Л. Ю. Маньковская, А. М. Прибыткова и др.), послужили доисламские замкнутые святилища Средней Азии. Наиболее ранним известным памятником этого типа мечети является Ширкабир в Мисрияне (Южный Туркменистан), датируемый IX—X вв.

Это — купольное квадратное здание со скромным входом в углу, расчлененное внутри тремя арочками в каждой стороне. Предполагается, что все они, исключая михрабную нишу, были сквозными. Этот тип здания, называемый рядом ученых «чортаком», удивительно напоминает рассматриваемый нами Мачити Сангин, где центральное помещение также имеет проемы по трем сторонам, более развитые арки и тромпы. Это и понятно, так как структура центрально-купольного здания развивалась по мере совершенствования

строительной культуры. Постепенно такую же центрально-купольную структуру приобрели и мемориальные сооружения, появившиеся чуть позднее мечетей. Замечательным образцом подобного типа сооружения явился мавзолей Саманидов в Бухаре, построенный на рубеже IX—X вв.

Все вышесказанное приведено здесь с той целью, чтобы показать древние корни планировочной композиции Мачити Сангин, исходившего, как было указано выше, явно от центрально-купольных мечетей IX—X вв. Конечно, более развитая строительная культура Мачити Сангин не позволяет датировать ее IX—X вв. Анализ объемной композиции основного центричного помещения, его построение (например, наличие ложного цилиндрического барабана, крестообразность плана подкупольного пространства и другие конструктивные особенности) позволяет с большой долей вероятности отнести время возведения мечети к X—XI вв. Возможно, впоследствии здание несколько раз перекладывалось, а к XIV в. появляется сводчатая галерея с южной и восточной стороны, увеличившая вместимость молящихся и приблизившая мечеть к структуре квартальных колонных сооружений.

При исследовании памятника Е. Давидович и А. Мухтаров как любопытную особенность отмечают, что «...в основную кладку каменных стен тоже кое-где заложен кирпич, целый и обломанный. Кирпичи-квадратные, разных размеров, но преобладают мелкие (23-25X23-25 см.). Создается впечатление, что кирпичи эти более раннего происхождения, от какой-то другой постройки, а в Масджиди Сангин получили вторичное употребление» (Страницы истории Гиссара. — Душанбе, 1969, с. 67—69). Здесь возникает встречный вопрос — не принадлежали ли эти ранние кирпичи (такие же кирпичи, только сырцовые, были в мечети Шир Кабир в Дархистане, а жженные — в мавзолее Араб-Ата в Самаркандской области) самой Мачити Сангин, использованные вновь после перекладки? Традиция повторного использования конструктивных частей первоначальной постройки вообще была характерна для среднеазиатского зодчества, что наиболее наглядно проявляется в народной архитектуре.

А ведь именно в последующих веках в государстве Тимуридов и затем Шайбанидов начинается интенсивное строительство гражданских построек за пределами административных центров Мавераннахра. В это время во многих его уголках появляются скромные, но не лишенные монументальности, сооружения, несущие в себе основы народного зодчества. В частности, именно этим можно объяснить сходство

плановой структуры уже видоизмененной Мачити Сангин с квартальными мечетями каркасного варианта — замкнутое зимнее помещение с двухсторонним айваном на деревянных колоннах. Это сходство, между прочим, отмечают многие исследователи памятника. Например, Е. Давидович и А. Мухтаров в уже упомянутой книге пишут «...Масджиди Сангин — это как-бы третье звено, где все элементы каркасно-деревянной архитектуры полностью заменены камнем и кирпичем». И даже появление позднего минарета во дворе мечети в целом подтверждает близость памятника к произведениям народного зодчества Таджикистана. В подтверждении сказанному мы можем привести несколько примеров мечетей с минаретами: Джума Мечеть в Худжанде, мавзолей-мечеть Бобо Таго с небольшим минаретом, примкнутым к айвану, в Ура-Тюбе, минареты в Канибадаме, Исфаре, построенные во дворе мечетей-мадраса и др.

Завершая наш рассказ об этом древнем и любопытном здании, можно добавить, что оно не осталось безвестным в средние века, несмотря на то, что находится в окраине Мавераннахра. Только влиянием Мачити Сангин следует объяснять появление в соседней горной Зарафшанской долине, в городе Пенджикенте мечети Олим Додхо с центрально-купольным хонакох и сводчатой галереей с двух его сторон. Отличие плановой и объемной композиции лишь в размерах — пенджикентская мечеть более крупная. Она была выстроена в XVII—XVIII вв., а в XIX веке усто Салимбоем была приспособлена под мадраса.

Таким образом, в Хисорском заповеднике мы имеем весьма древний образец общественно-культового зодчества, сравнимый по возрасту разве что с самим городом Хисором, который, несомненно, существовал задолго до арабского завоевания Средней Азии. Мы уже выше писали о том, что в этом памятнике еще много невыясненного. Что, например, говорит легенда, записанная М. М. Дьяконовым у старожилов Гиссара по поводу времени строительства мечети: «...То говорится, что мечеть была построена во времена Халифа Омара, то, что она возникла «в древние времена» за одну ночь, причем жители слышали, как из мрака доносился голос: «Давай кирпич, давай гвозди». А ведь Омар, второй по счету «праведный халиф», т. е. преемник пророка Мухаммада, стал во главе мусульманской общины в 634 году, после смерти Абу-Бакра. Конечно, в VII в. Средняя Азия еще не знала мечеть, но то, что Сангин был построен в давние времена можно поверить».

Много вопросов таят в себе и обнаруженные во дворе мечети остатки каменных фундаментов двух колонн. Явно то, что на территории небольшого двора мечети в течение длительного времени происходили частые перестройки, связанные, возможно, с разрушительными землетрясениями или прихотью правителя города.

Несмотря на то, что Мачити Сангин уже является объектом туристического осмотра и здесь задумано создание Музея просветителей Хисора, нельзя считать законченными исследования памятника. Они еще будут продолжены и недалек тот день, когда будет снята завеса таинственности, связанная с мечетью.

А пока сюда будут ежедневно приходить туристы, любознательные школьники, жители Таджикистана и с интересом слушать гида об истории памятника, о легендах, связанных с ним. Может потом туристам уже не покажется аскетичным и скромным цельный облик здания, мастерски сконструированной по всем законам гармонизации и пропорционирования. Еще долго посетители будут хранить в памяти просторное подкупольное пространство хонакох, обращенные к солнцу сводчатые галереи, необычайный контраст кладки красного камня и обожженного кирпича и многое другое. Несомненно у них укрепится впечатление, что они соприкоснулись к древним историкам культуры таджикского народа, к искусству созидания безвестных мастеров.

Р. МУКИМОВ

МАВЗОЛЕЙ МАХДУМИ АЪЗАМ

На просторах Средней Азии рассеяны сотни памятников зодчества всех эпох. Время бессильно стереть красоту форм и орнамента, причудливых кирпичных кладок стен. Их руины овеяны не только дыханием столетий, но и легендами, поверьями и завесой таинственности. Облик этих памятников, какими бы величественными и, наоборот, скромными не были, неизменно не оставляют равнодушными ни исследователей, ни просто сторонних зрителей. Они всегда будят в человеке самые лучшие стороны характера, вызывают эстетические эмоции, заставляют оглянуться назад, чтобы почувствовать дыхание предков, мастерству которых мы воздаем должное.

Читателю, взявшему в руки настоящую брошюру, мы не обещаем встречу с жемчужинами мировой культуры и даже не беремся посетить известные исторические города Средней Азии, где собирався «цвет» наук и искусств, создавались исторические труды и шедевры поэзии, зрели политические замыслы, а искусные зодчие строили дворцы, мечети усыпальницы. Но тем не менее мы постараемся совершить с вами увлекательное путешествие в прошлое Таджикистана, территория которого на протяжении многих веков была ареной важных политических и культурных событий, оставивших о себе немые памятники прошлого.

К великому нашему сожалению, многие из блестящих сооружений прошлого уже давно не существуют, унеся с собой частицу нашей культуры. Только считанные памятники таджикского зодчества позволяют некоторым образом воссоздать страницы зодческого искусства древности и средневековья. Таким кладезем архитектурных памятников является Хисорский историко-культурный заповедник, доминантой которого является комплекс средневековых сооружений Хисора. Правда, сейчас мы не ставим своей целью рассказать о всех памятниках архитектуры средневекового города, но остановить ваше внимание на одном из интереснейших сооружений его центра — это основная наша цель в данном науч-

но-популярном издании. Мы имеем ввиду мавзолей Махдуми Аъзам.

Чтобы понять его место в сложившемся средневековом центре Хисора лучше всего подняться на вершину былой цитадели Хисорского холма. Сюда обычно в первую очередь направляются туристские группы. Это и понятно. Отсюда исторический центр Хисора виден как на ладони, где можно подробно рассмотреть взаиморасположение памятников, угадать контуры средневекового Регистана, проследить линии старых улиц, кварталов и даже увидеть остатки внешних стен всего города.

Мавзолей Махдуми Аъзам не сразу бросится в глаза новому человеку, он как-бы находится на втором плане Регистана, сформированного двумя монументальными мадраса (Кухна и Нав), каравансараем, тахоратхона, лобным местом, дахмами и др. Относительно небольшое сооружение мавзолея высится на некотором отдалении к югу от Мадрасаи Кухна, вдоль позднесредневековой улицы, идущей от площади к южным воротам Шахари. Отсутствие крупных построек в районе расположения мавзолея выгодно оттеняет его композиционно цельную многокупольную структуру посредине средневекового кладбища площадью 180x100 м.

Сейчас Махдуми Аъзам отреставрирован силами Специальных научно-реставрационных производственных мастерских, поэтому он с крепости выглядит четко как искусно выполненный макет на огромной площади центра. Но понять его плановую структуру, особенности тектоники, фактуру фасадов весьма трудно. Чтобы поближе познакомиться с этим памятником надо спуститься на Регистан и пройти к нему по узкому проходу-коридору, образованному между западной стеной Каравансарая «Хиштин» и восточной—Мадрасаи Кухна. Выгодность этого маршрута посетитель почувствует сразу после выхода из тесного прохода, некоторым образом напоминающего узкие улочки средневекового города, к дорожке, прямо ведущей к северному фасаду мавзолея.

Может быть мы несколько забегаем вперед, но хочется отметить, что в недалеком будущем выложенная камнем и песком дорожка, пересекающая кладбище с севера на юг, по замыслу ученых и проектировщиков должна стать необычайным путем в прошлое Таджикистана. Здесь намечено устройство специальной аллеи в сопровождении скульптурных моделей различных типов погребальных сооружений, установленные в определенной последовательности, а именно, по мере зарождения и развития мавзолея как типа мусульман-

ских усыпальниц с IX по XX вв. Еще одно замечание по этому поводу: моделирование архитектурных сооружений было обычным явлением в средневековом Востоке, особенно как метод архитектурного «проектирования» будущего сооружения. Модель будущего сооружения всегда сопровождал зодчего-строителя в его повседневной строительной деятельности. По нему он определял масштаб сооружения, гармоничное соотношение отдельных частей к целому и многое другое. Очень часто зодчий запечатлевался на средневековых миниатюрах именно с макетом сооружений. Чтобы убедиться в сказанном мы порекомендуем посмотреть хотя бы миниатюру великого таджикского художника Бехзода к «Зафарнамэ» или модель чирогхона на кладбище Чорбакр в Бухаре в виде центричного купольного сооружения.

Итак, мы вместе с вами отправляемся к одному из любопытнейших сооружений специфического назначения — мавзолею Махдуми Аъзам. Но мы чуть повременим со встречей с ним. Спросите, почему? Для небольшого экскурса в историю.

Во-первых, что означает само слово «мавзолей»? Как считают исследователи древнегреческой архитектуры, в русский язык слово «мавзолей» пришел от имени усыпальницы одного из правителей Галикарнаса в Малой Азии — Мавсола (353 г. до н. э.). Эта гробница, причисляемая к семи чудесам света, своим архитектурно-художественным достоинством стала так знаменита, что римляне впоследствии стали называть все крупные погребальные сооружения мавзолеями.

Во-вторых, возникает еще один вопрос — когда возникли мавзолеи в Средней Азии, в том числе на территории Таджикистана? Обычно считается, что ислам запрещал возводить надмогильные здания. И даже пророк Мухаммад завещал похоронить себя в том месте, где он умрет, без возведения специального сооружения, так как он не допускал идолопоклонничество.

Но и здесь нет полной ясности. Например, один из зарубежных исследователей Я. Захи указывает на 18 суру Корана, где, напротив, рекомендуется укрыть могилу под сенью навеса. Может поэтому большинство погребений халифов остаются неизвестными? Опять-таки здесь необходимо внести ясность, т. к. зарубежные авторы еще в начале XX века описали усыпальницу халифа Мунтасира в Самаре, известная под названием Куббат ас-Сулайбия и построенная около 860 года. Именно этот мавзолей в виде открытого купольного

«киоска» над погребением Мунтасира сейчас является наиболее ранним образцом погребального типа сооружения.

В Средней Азии в это время господствовал иной ритуал погребения, называемый оссуарный, т. е. в небольших глиняных объемах, устанавливаемые в склепах или погребальных камерах. В связи с этими устоявшимися традициями в период раннего ислама погребения производились в ямах, стенки которых облицовывались терракотовыми плитами, сырцовым или обожженным кирпичами. Такой своеобразный гроб, заполняемый над погребенным землей и выстилаемый кирпичом по алебастровому раствору, раскопан, например, исследователем И. А. Сухаревым в Бухаре. О том, что этот ритуал имеет глубокие местные корни говорит факт обнаружения в Душанбинском городище подобного «гроба» из квадратных известковых плит, датированного II—III вв. н. э.

Постепенно в Средней Азии распространяется возведение надземных сооружений — мавзолеев для светских и духовных лиц высокого ранга. Правда, эти погребальные сооружения были весьма скромны и не сравнимы с зарубежными аналогами. Некоторые из них известны по фотографиям конца XIX века, как, например, мавзолей IX—X вв. Марвского оазиса (Имамбаба, Гамбербаба и др.). Однако наиболее ранний и замечательный в архитектурно-художественном отношении мавзолеев был построен в Бухаре. Он был построен в период правления Исмаила Самани (874 — 907 гг.), может быть, как считает исследователь среднеазиатского зодчества А. М. Прибыткова, после его полного утверждения главой первого таджикского государства, т. е. после 892 г. Старинный вакуфный документ свидетельствует о пожертвовании Исмаилом Самани земель для строительства усыпальницы его отца Ахмада Самани. Три надгробия внутри здания позволяют считать мавзолеев династической усыпальницей.

Таким образом, мы уяснили, что купольные усыпальницы стали возводиться в Средней Азии в IX—X вв., причем прообразом их объемной формы были местные сооружения — храмы огня, наусы или домашние купольные святилища замков, дворцов и жилищ. Почему купольные, спросите вы? Да потому, что по древней символике народов Востока купол олицетворял небесный свод. Не случайно, замечает Н. Н. Негматов, в средние века в Средней Азии само слово «гумбаз» — купол стало обозначать место святое, почитаемое, культовое. Здесь уместно напомнить слова придворного летописца Тимура-Шарафаддина Али Язди, который восхва-

ляя мечеть Биби Ханым в Самарканде, сравнивает ее купол с небесным сводом: «Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением...».

Традиция отмечать куполом помещения культового назначения имеет местное происхождение. Для подтверждения сказанного достаточно вспомнить домашние святилища во многих усадьбах, замках, дворцах, отдельных домах раннего средневековья в Средней Азии, в том числе в Таджикистане: купольные святилища в замках Уртакурбан, Чильхуджра в Шахристанском районе Ленинабадской области, на городище Афрасиаб в Самарканде, замке Актепа под Ташкентом, в Малой Кызкале в Мавре и других местах.

Не будем утомлять внимание читателя столь пространными комментариями к объекту нашего посещения — мавзолею Махдуми Аъзам, хотя они были необходимы для понимания сущности этого своеобразного памятника. Итак, перейдем непосредственно к рассмотрению его архитектуры, которая несет в себе много оригинального, в чем-то даже уникального.

Мавзолей в плане состоит из трех купольных помещений, ориентированных по сторонам света. Он сложен из жженого квадратного кирпича 26х26х5 см, иногда 27х27х5 и 28х28х5 см. желтого и светло-коричневого тона на ганчевом растворе. В плановой композиции здания выделяются два крестообразные портално-купольные помещения обращенные соответственно на юг и запад и соединенные между собой небольшой купольной же камерой-усыпальницей размером 3,75х3,75 м. Помещение, обращенное входом на юг, представляет собой зиератхона (поминальня) квадратного плана, с четырьмя прямоугольными сводчатыми нишами в середине каждой стены, образующие упомянутую крестообразность. На северной арочной нише прорезан дверной проем в гурхону-усыпальницу. Последняя в плане образует квадрат, расположенный на оси главного входа зиератхона и перекрытая куполом на арочных парусах. На полу, ближе к северной стене, расположено невысокое ступенчатое надгробие-сагона с ганчевой облицовкой. Как показывают материалы археологического обследования памятника, произведенные археологом Т. Атахановым, на всех четырех стенах гурхона были прорезаны дверные проемы со световым люком — тобадон — над ними.

Проем на западной стене усыпальницы ведет в третье помещение, близкое по плановой структуре зиератхона: квадрат стен с четырьмя глубокими нишами по сторонам, пере-

крытая куполом на четырех пересекающихся арках, образованных ганчевыми отливками. Восточная ниша, пятигранная в плане, в торце перекрыта сомкнутым сводом. На полу помещения в юго-восточном углу расположено прямоугольное возвышение с тремя небольшими сагона. Четвертая сагона находится к востоку от возвышения. Также как и зисратхона и гурхона, третье помещение имело четыре прохода с наддверными проемами в середине ниш, впоследствии заложенные с северной и западной сторон. Во время реставрации все проемы были восстановлены. Просм на западной стороне, заполненная резной деревянной дверью и ганчевой решеткой над нею, выходит на глубокую порталную нишу.

Весьма живописно выглядит мавзолей снаружи, где привлекательность объемной композиции создают не декоративные элементы (их здесь просто нет), но сами геометрически уравновешенные купольные объемы отдельных помещений, воедино связанных общим, эстетически осмысленным зодческим замыслом. Своеобразие сооружения создается тем, что снаружи стены повторяют крестообразные линии плана, придавая многоплановость восприятия фасадов со всех без исключения сторон. Именно соответствие объемно-пространственной композиции мавзолея плановой структуре и отличает его от большинства памятников Средней Азии, характеризующиеся сложным сочетанием помещений различного назначения, но не отраженные во внешнем облике. Разве что более скромные и более поздние мавзолеи Худоера Ватлами в Ура-Тюбе и Тубахан в Худжанде несколько напоминают своими многоплановыми фасадами, повторяемых в плане крестообразные помещения усыпальниц.

Хотя и западная портално-купольная усыпальница построена позже (об этом красноречиво свидетельствуют различные строительно-конструктивные приемы возведения куполов и материалы зондажей), ее создатель обладал несомненно помимо зодческого искусства глубокими художественно-композиционными познаниями. В частности, он сумел таким образом дополнить более раннее сооружение что сформировался цельный конгломерат, неотделимый как в плановом отношении, так и объемно-пространственном. Эстетика неприкрытой кирпичной кладки на ганчевом растворе в сочетании с причудливыми и непонятными на первый взгляд членениями стен, разномасштабными порталами, дверными проемами и световыми зарешеченными люками над ними, циркульно выверенным абрисом куполов создала закончен-

ный ансамбль культовых сооружений, соразмерный человеку и окружающей среде.

При более близком рассмотрении мавзолея можно заметить и другие достоинства, не бросающиеся в глаза при общем взгляде на памятник. Правда, из-за неоднократных некачественных ремонтов многие эстетические стороны цельного искусства были утеряны, но искушенный взгляд ценителя архитектуры всегда сможет увидеть под позднейшими наслоениями истинный замысел создателей ансамбля.

Теперь обойдем памятник со всех сторон и более пристальнее всмотримся на мавзолей, вернее комплекс усыпальниц. На южном фасаде мы видим главным порталный вход в виде углубленной арочной ниши между выступающими плочами. Портал венчается, как и весь объем здания, кладкой дандона, т. е. рядом вертикально поставленных кирпичей. Как показывает анализ построения портала, он сохранился не на всю первоначальную высоту. Об этом в первую очередь говорят непропорциональность портала и небрежность кирпичной кладки в его верхних частях.

Слева от портала в глубине фасада виднеется вход со световым арочным проемом над ним, заполненный ганчевой решеткой. Левее от этого входа на плоскости фасада сохранилась широкая прямоугольная ниша. Как предполагает Т. Атаханов, возможно это след еще одного помещения, которое находилось когда-то к югу от помещения поздней усыпальницы.

Северный фасад также отличается многоплановостью из-за уступов стен, повторяющих линии плана квадратного гурхона и крестообразной молельни. На западной части северного фасада, у правого угла, имеется небольшой отступ, в который устроена пятигранная ниша, обращенная на юг. Своей формой она близка михрабу, но труднообъяснима по своей ориентации: михрабная ниша всегда направлена на запад или юго-запад, т. е. в сторону Мекки. И еще одна труднообъяснимая деталь — основание этой ниши возвышается над уровнем фундамента на 88 см.

Северо-восточный угол поздней усыпальницы скошен под углом в 45° и на этой грани устроена узкая глубокая ниша, откуда начинается винтовая лестница, ведущая на кровлю. Как свидетельствуют материалы раскопок, произведенные Т. Атахановым, входная площадка лестницы вымощена жжеными кирпичами, сложенными плашмя. Должно быть, как замечает исследователь, верхний конец лестницы был перекрыт сводом, не дошедшим до нашего времени.

На западном фасаде некогда выделялся монументальный входной портал, сохранившийся в виде двух мощных пилонов с незавершенной кладкой. Щипцовая стена этого портала имеет деревянную резную дверь и оконный проем над нею, закрытый ганчевой решеткой арочного очертания. На правой части фасада мы опять видим дальние планы уступов крестообразного зиератхона с дверным проемом на его оси запад-восток.

Восточный фасад является наиболее скромным в отношении наличия членений, хотя его многоплановость создает некоторую живописность. Некоторую нарядность придают дверной проем из зиератхоны с двухстворчатой резной дверью и ганчевая решетка над ней.

Со всех сторон Махдуми Аъзам над уровнем кровли выделяются разновысотные купола, придающие облику здания гармоничный силуэт. Особенно привлекает внимание купол над зиератхона. Здесь над последней поднимается кирпичный четверик, который при помощи скоса углов в верхней части переходит в невысокий восьмерик. Стены четверика над кровлей прорезаны по осям небольшими арочными окошечками. Грани восьмерика и угловых верхних частей четверика также увенчаны поясом дандона. Купол, возвышающийся над восьмериком, завершается небольшим «кубба» — ганчевым куполком на кирпичном цилиндре.

Несколько слов следует сказать и о внутреннем пространстве помещений мавзолея, где наиболее зримо заметны как приемы декорации, так и тектоника стен и покрытия. В западной сводчатой нише зиератхона на месте заложенной двери была устроена прямоугольная в плане михрабная ниша, перекрытая сводом и оконтуренная прямоугольной (углубленной) П-образной рамой. Углубленная плоскость покрыта была штукатуркой черного цвета. Такой же штукатуркой были выделены прямоугольные П-образные углубленные обрамления в тимпанах всех четырех сводчатых ниш. В северо-западном углу был устроен минбар — невысокое трехступенчатое возвышение — кафедра для чтения. Подкупольный пояс состоит из арочных поясов без внешнего прямоугольного обрамления, заполненных сомкнутыми сводами. Между ними располагаются такие же арочные ниши, прорезанные сводчатыми сквозными проемами. Последние были закрыты ганчевыми решетками — сотообразными ячейками-прорезями. Купол начинается на уровне пят арочных парусов. В целом, поверхность стен и купола помещения покры-

ты ганчевой штукатуркой (за исключением указанных тимпанов, арок и михраба).

В интерьере гурхона в основании парусного пояса выделяется консольная полка, которая между парусами превращается в обрамление промежуточных плоских ниш. Незаложенные окна в своих верхних частях врезаются в ниши. Между ними и арочными парусами промежуточные элементы отсутствуют, а купол начинается от пят парусов. Стены здесь также покрыты ганчевой штукатуркой.

Поздняя усыпальница в целом не нарушает характер интерьера двух рассмотренных помещений. Здесь также устроена консольная горизонтальная полка (на высоте 2,5 м от уровня пола), которая однако опоясывает стены по периметру. На эту полку опираются наддверные световые проемы, устроенные на щипцовых стенах арочных ниш. На некоторых заложенных проемах (северной и западной) сохранились следы ганчевых решеток. Недавно, после завершения реставрации, эти решетки были восстановлены.

Купол в этом помещении, как было отмечено выше, покоится на четырех пересекающихся арках, образованных ганчевыми отливками. Промежутки между пересекающимися арками-нервюрами и фасадами сводчатых ниш образуют распалубки, сложенные наклонными рядами кирпичей. Стены покрыты ганчевой штукатуркой. Таков, в общих чертах, внутренний облик мавзолея, где главное его достоинство — это простота и ясность тектоники интерьера.

Теперь, видимо, необходимо рассмотреть вопрос датировки памятника, привлекая как данные археологического исследования, так и историко-культурные параллели и данные рукописей, дошедших до нас.

Что касается данных археологии, то здесь Т. Атахановым достаточно ясно обосновывается первоначальное возведение двухчастного мавзолея (гурхона и зиератхона) в XVI веке, а затем чуть позже — поздней усыпальницы. Приводимые данные достаточно убедительны и подтверждены зондажами. Однако, в самом обосновании датировки Т. Атахановым можно уловить важную деталь, которая в корне меняет отношение ко времени возведения памятника. В частности, хотелось бы обратить внимание на структуру гурхона, которая, по мнению Т. Атаханова, «...первоначально представляла собой отдельное центрическое купольное сооружение типа «чортак»... Постройка этих двухкомнатных сооружений осуществлена, по-видимому, не сразу и даже не одним

мастером. Может быть гурхона была построена сначала по типу «киоск» намного раньше, чем зиератхона...».

К сожалению, впоследствии автор забывает о своей оригинальной версии и утверждает в мнении о единовременной постройке двухчастного мавзолея. А ведь купольные сооружения типа «чортак» или «киоск» были, как уже отмечалось выше, наиболее ранними типами погребальных сооружений, традиция которых не была ограничена только Средним Востоком. Например, как пишет один из известных исследователей истории архитектуры Востока В. Л. Воронина, мавзолей-киоски до середины XI в. были нормой и для Египта, Ганы, Индии и других стран. Причем, постройки типа «чортак» в Средней Азии встречаются в зданиях из обожженного кирпича, так и из сырца. И еще одна особенность рассматриваемого типа сооружения: его универсальность использования. И эта традиция была наиболее развита в Иране раннеисламского периода.

В Средней Азии наиболее ранним памятником погребального назначения из сырца считается мавзолей Қызбиби в западной части Старого Марва, представляющий небольшой купольный объем с открытыми проемами по всем четырем фасадам, т. е. здесь мы имеем прямую аналогию первичному ядру мавзолея Махдumi Аъзам в Хисоре, только в сырцовом варианте. Правда, в Хисоре «чортак» представлен с более усовершенствованными подкупольными конструкциями, а именно, купол на арочных парусах, заполненные сомкнутыми сводами. Это одно из свидетельств того, что последний был возведен чуть позднее, чем Қызбиби, т. е. предположительно в X—XI вв. Этому же времени в общем не противоречит и разработка структуры купольных построек в виде четверика, несущего восьмерик, на котором покоится купол (вспомним упомянутый выше мавзолей Исмаила Самани в Бухаре). Так что, можно предположить и более ранний период возведения зиератхоны, купольная структура которой соответствует традициям XI—XII вв.

Следует заметить, что прием объединения в одном комплексе усыпальницы с поминальной мечетью давно известен в Средней Азии и наиболее ранними примерами могут служить мечеть-мазар IX—X вв. Ширкабир в Машаде, Кусаман-Аббаса в Шахи Зинде (Самарканд) комплекс Кусамата в Фудине и др.

Из истории мы знаем, что на протяжении всего развитого средневековья, от X до XIX вв., прослеживается преобразование однокамерных мавзолеев в двухкамерные, а затем и

многокамерные здания, относимые Л. Ю. Маньковской, исследователем архитектуры Средней Азии, к типу «конгломерат», Мавзолей Махдуми Аъзам в законченном виде предстает перед нами именно как разновременный многокамерный комплекс типа «конгломерат», имеющий, предположительно, три этапа формирования: однокупольный киоск с четырьмя проемами по всем сторонам (X—XI вв.), затем двухкамерный мавзолей с поминальной мечетью и гурхона на главной оси (XI—XII вв.) и, наконец, многокамерный мавзолей (XVI в.).

В сформировавшемся виде Хисорский культовый ансамбль очень близок другому архитектурному комплексу ЗУ-л-Кифл Арал Пайгамбара, что лежит посередине Амударьи. Если коротко охарактеризовать памятник, под этим именем в исламе обобщены ветхозаветные пророки Илья, Осия и Захарий. Первоначально культ Зу-л-Кифля, принесенный в Среднюю Азию арабами, сложился в Келифе, а затем был перенесен на остров у Термеза, от чего он получил название Арал Пайгамбар, т. е. Остров пророка. Так вот, согласно исследованиям узбекистанских археологов и архитекторов (Э. В. Ртвеладзе и З. А. Аршавская) комплекс состоит из разновременных помещений мечети, гурхоны с саганой и двумя помещениями при ней. Наиболее ранним из этого комплекса является центрально-купольная часть мечети, построенная в XI—XII вв., позднее, но в пределах одной эпохи (как и в Махдуми Аъзам) к зданию мечети пристроили гурхону с двумя помещениями при ней. Следует добавить, что сама постройка, также как и Махдуми Аъзам, сложена из кирпичей трех размеров: 26х26х5, 27х27х5 и 28х28х5 см.

Возвращаясь к мавзолею Махдуми Аъзам, отметим, что поздняя пристройка несомненно была построена в XVI—XVII вв. Именно так и была датирована вся постройка мавзолея в 60-х годах XX века Е. А. Давидович и А. М. Мухтаровым в брошюре «Страницы истории Гиссара». Действительно, достаточно точное определение времени постройки дает, в первую очередь, применение системы пересекающихся подпружных арок в подкупольной конструкции. Эта замечательная по своим конструктивным и формообразующим качествам система была создана зодчими Мавераннахра и Хорасана в XVI в. Правда, это изобретение не было новым в зодчестве Востока. Идея перекрещивающихся арок восходит на иранской почве еще к сельджукской эпохе. Именно из Ирана она была заимствована в XIII в. зодчими Арменнии. И как считает Г. А. Пугаченкова, академик АН Узбекской ССР,

крупный специалист по истории искусств и зодчества Среднего Востока, создателем этой системы в ее наиболее совершенном виде был гениальный зодчий Кавамеддин Ширази. Перекрытия гератского мавзолея Гаухар-Шад и дарсхоны медресе в Харгирде (XV в.) запечатлели начальный и заключительный этап его творческого поиска.

Впоследствии этой системой уже овладели и иные мастера Мавераннахра. В середине XV в. пересекающиеся подпружные арки применяются при возведении мавзолея Чупаната под Самаркандом, во второй половине XV в. они были использованы в строительстве мавзолея Ишратхона и Аксарая в Самарканде. В XVI в. эта конструкция уже широко практиковалась в других монументальных сооружениях Средней Азии, в том числе в средневековом Хисоре.

Другим датирующим документом третьего помещения Махдуми Аъзам являются письменные данные, о которых достаточно подробно можно почерпнуть из труда Семенова А. А. «Уникальный памятник агиографической среднеазиатской литературы XVI в.», а также из брошюры упомянутых авторов «Страницы истории Гиссара» и статьи Т. Атаханова о мавзолее Махдуми Аъзам. Расскажем и мы об этих любопытных подробностях истории XVI в., имеющие отношение к Хисору и его сооружениям. В частности, здесь имеется ввиду жизнеописание шейха Лутфуллы Чустского, который после смерти своего наставника Ахмада Ходжа Касанского, носившего титул Махдуми Аъзам («Величайший господин») руководил орденом Накшбандов и неоднократно посещал Хисор и даже пытался отсюда съездить в Хадж.

У А. А. Семенова мы узнаем, что «...Прибыв в Хисар, Лутфулла проживал частью в нем, частью — в Чаганиане. Так как все местные султаны, вроде хисари Мухаммед-султана, были мюридами и последователями шейха, то они выстроили для него ханака внутри города Хисара. Все население Хисара и Чаганиани, «все его знатные, благородные и простые люди», удостоились принести шейху присягу в верности и стать его искренними последователями. Население Хисара и Дихи Нау было из числа людей, имевших благодать привлечения избранных к Истине..., и шейх высоко это население ценил, чего не проявлял по отношению других мест, кроме Ахангара». Далее из этой литературы явствует, что внук Махдуми Аъзама Ходжа Исхак, женатый на дочери Лутфуллы, был представителем ордена, которому впоследствии хисорцы присвоили почетное прозвище деда Махдуми Аъзам.

Особый интерес для нашей темы имеет рукопись Шарафиддина Хусейна «Широкая дорогая любящих (Истину)», посвященная жизнеописанию Шейха Хусейна Хорезмского, остававшегося до самой смерти во главе Ордена. Эта рукопись, изученная А. А. Сменовым, явилась вторым письменным источником, позволяющим пролить свет на историю мавзолея Махдumi Аъзам. В этой рукописи, написанной в 973 г. х. (1566 г.) рассказывается о том, что в 954 г. х. (1547 г.) главарь суфийского ордена Накшбендов шейх Хусейн Хорезмийский с целью посещения мазара Амира Саида Хамадони в Кулябе остановился на несколько дней в Хисоре. Здесь он посетил могилу шейха Ходжа Мухаммада Хейваки, умершего в 953 г. х. (1546 г.), который завещал свое состояние в пользу шейха Хусейна Хорезмийского. Последний рекомендовал хисорскому эмиру — Мухибилло Амиру Сарикбошу — построить над его могилой двухкупольное здание, подобно мавзолею шейха серахского, чтобы она удивила посетителей своей величием и красотой. После составления проекта здания мазара шейх Хусейн отправился далее через Пули Сангин. Это событие, как считает Т. Атаханов, уточняет название мазара, в котором был похоронен не Махдumi Аъзам, а Ходжа Мухаммед Хейваки и именно в 954 г. х. (1547 г.).

Конечно, нельзя все вышесказанное брать на веру, так как здесь возможно имелось ввиду и другой мазар, не дошедший до нас. Но несомненно тот факт, что в XVI в. рассматриваемый нами мавзолей существовал, возможно в виде двухкупольного сооружения с более древним захоронением в гурхона. Об этом мы попытались подробно рассказать выше.

Наше критическое отношение к толкованию рукописных документов вызывается не только желанием иначе датировать памятник. Просто комплексы под названием Махдumi Аъзам известны в Средней Азии в нескольких количествах. Например, в поселке Дагбит Самаркандской области находится историко-археологический комплекс Махдumi Аъзам. Название комплекса связано с именем одного из виднейших столпов среднеазиатского суфизма Ходжа Ахмедом бин Сейид Джалалуддином Касани, прозванным также Махдumi Аъзам. Он имел большой политический вес и являлся пиром (наставником) видных государственных деятелей первой половины XVI в. Последние десятилетия жизни Махдumi Аъзам провел в селении Дагбит, где и скончался в начале 40-х годов XVI в. в возрасте сорока лет. Не менее активную

роль играли и его потомки. Так, внук его Ходжа Хашим был известным религиозным деятелем и политиком, влиявшим на ход событий в государстве. Именно он в 1619 году возвел на родине своего прадеда обширную ханаку, служившую местом пребывания шейха, и мраморную дахму, в которой были захоронены его останки. Впоследствии дахма служила семейной усыпальницей многочисленных потомков Махдumi Аъзама.

В связи с вышесказанным приобретает особый смысл предание, записанное таджикистанским этнографом Н. Н. Ершовым в Каратаге, являвшимся еще в прошлом веке загородной резиденцией хисорских беков. По этому преданию, передаваемому местными жителями от поколения к поколению, Каратаг был основан около 300 лет назад выходцами из упомянутого селения Дагбит неким Махмад Ризо ходжой, который с несколькими своими мюридами (учениками суфийских шейхов, членами суфийских братств) приехал на место современного Каратага. Тогда ущелье было покрыто густыми зарослями арчи. Приезжие остановились на поляне среди леса на месте нынешнего квартала Далкон или, по другому варианту, Чорбог. Здесь ими была построена мечеть, первые жилища и мельница.

Все эти данные еще необходимо осмыслить и дополнить их новым комплексом данных (историческим, археологическим, письменным, эпиграфическим, архитектурно-композиционным и др.), что позволит получить достоверные сведения о приведенных выше предположениях. Однако, несмотря на многие невыясненные вопросы истории создания мавзолея Махдumi Аъзам, несомненно этот памятник является уникальным в своем роде, впитавшем в себе многие стороны культового зодчества в Средней Азии. Учитывая это обстоятельство, в данном сооружении началось создание Музея истории ислама, предполагающего раскрытие в своей экспозиции всех сторон развития этой мировой религии.

Архитектурный комплекс Махдumi Аъзам как нельзя кстати дополняет этот музей в культурно-историческом и архитектурно-строительном планах. Именно здесь, в экспозиционных помещениях, посетители смогут познакомиться не только с мировоззрением ислама, с историей распространения религии, но и с историей формирования архитектурных типов мемориальных сооружений Мавераннахра, в том числе Таджикистана. Именно для наглядности здесь предполагается устройство Аллеи истории погребального строительства от Махдumi Аъзам до проулка между мадрасан Кухна и Кара+

вансарай. Вдоль аллен, под сенью пергол с вьющимися растениями, посетители музея могут воочию увидеть макеты погребальных сооружений, начиная от мавзолея Саманидов в Бухаре, кончая мазарами XIX—начала XX вв.

Несомненно Музей истории ислама вместе с мавзолеем Махдуми Аъзам и Аллее истории погребального строительства станет одним из самых посещаемых мест Хисорского заповедника, куда людей будет тянуть не только как к месту поклонения мусульман, но и как к очагу просвещения и культуры таджикского народа.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Т. М. Атаханов. Мавзолей Махдуми Азам в Гиссаре.— В кн.: Материалы по археологии и истории Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1977, с. 95—99.
2. М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. — Тр. СТАЭ, т. 1. МИА СССР, № 15.— М.—Л.: АН СССР, 1950, с. 147—186.
3. Л. С. Бретаницкий. Архитектурные памятники Гиссара.— Там же, с. 204—205.
4. Е. Давидович, А. Мухторов. Страницы истории Гиссара. Душанбе: Ирфон, 1969, с. 58—67, ил.
5. А. А. Семенов. Уникальный памятник агнографической среднеазиатской литературы XVI в.— Тр. ФАН СССР.— Ташкент, 1940, вып. 12, с. 52—62.
6. А. Мухтаров. Чанд сухан аз Чодат ал-ошикин.— Маориф ва маданият, № 82, 1970, с. 3—4.
7. Н. В. Ласовская. Ансамбль Магдуми Аъзам.— Архитектура и строительство Узбекистана, № 2, 1984, с. 11—13, ил.
8. Э. В. Ртвеладзе, З. А. Аршавская. Архитектурный комплекс Зул-Кифл.— Архитектура и строительство Узбекистана, № 1, 1978, с. 36—39, ил.
9. Л. И. Ремпель. Архитектурные модели мемориальных сооружений и некоторые уроки наследия.— Архитектура Узбекистана. Альманах. Ташкент: Изд. литер. и искусства, 1985 г, с. 68—79, ил.
10. Л. Ю. Маньковская. Типологические основы зодчества Средней Азии. Мавзолей Фудины и Касби.— В кн.: Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М.: Наука, 1979, с. 96—104, ил.
11. Н. Н. Ершов. Каратаг и его ремесла. Душанбе: Дониш, 1984, с. 11—12.
12. И. Ф. Бородин. Типология среднеазиатских мавзолеев XI—XV вв.— Архитектурное наследство, вып. 33, 1985, с. 157—164, ил.
13. В. Л. Воронина. Мавзолей Саманидов и его зарубежные аналоги.— Там же, с. 191—197, ил.
14. А. М. Прибыткова. Строительная культура Средней Азии в IX—XII вв. М.: Стройиздат, 1973, с. 59—74, ил.
15. И. А. Сухарев. Мусульманское захоронение первых веков хиджры в Бухаре.— Известия Узб. филиала АН СССР, вып. 12, 1940.
16. Н. Н. Негматов, У. П. Пулатов, С. Г. Хмельницкий. Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе: Дониш, 1973, с. 30—37, ил.
17. Г. А. Пугаченкова. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ташкент: Изд. литер. и искусства, 1976, с. 19—22, ил.

Р. МУКИМОВ

МАДРАСАИ КУХНА

Если перелистать путевые записки путешественников, этнографов, сотрудников военных ведомств конца XIX— начала XX века, побывавших в Хисорской долине, то нередко можно встретить характеристику Хисора как небольшого уютного забитого городка, где грамотных хисорцев также трудно найти, как и более или менее сносного здания. Некоторые авторы вообще не упоминают Хисор, проезжая по всей Хисорской долине (Н. А. Бендерский, А. Борнс, Н. Бронников, А. Вамбери, Н. Маев, Н. С. Стремоухов и другие).

Так ли это было в самом деле? Да, действительно, Хисор находился на окраине Бухарского ханства, именуемого тогда Восточной Бухарой. Но никак нельзя согласиться с тем, что этот край был забитым и заброшенным.

Изучение архивных данных показывает, что в XIX веке Хисор был административным центром крупного Хисорского бекства, где правителем обычно назначался член семьи бухарского эмира. Город Хисор по масштабам позднего средневековья был достаточно большим, где, по словам Н. Стремоухова, «гиссарский базар может считаться самым значительным в ханстве, наравне с базаром самой Бухары и города Карши».

А были ли грамотные и образованные хисорцы? Давайте опять обратимся к мнению компетентных ученых. Так, Л. И. Ремпель, известный исследователь истории зодчества и искусства Средней Азии, проработавший в Бухаре долгие годы, в своей книге о старой Бухаре пишет, что большинство бухарских учеников мадраса (муллобача) были главным образом из Кулябского района, Бальджуана, Каратегина, Дарвазского, Хисорского, Шахрисабзского районов.

Более того, в Хисоре были и свои мадраса, причем несколько. Только изученными учеными Таджикистана здесь являются мадраса Кухна, Нав, Чашмаи Мохиев. А сколько еще лежат неизученными под грудой земли средневекового города, которому по крайней мере тысяча лет? Об одном из них и пойдет наш рассказ в данном научно-популярном очер-

ке о памятниках Хисорского заповедника, единственного в своем роде музея под открытым небом в Таджикистане, создаваемого на основе средневекового крупного города Бухарского ханства.

Всегда, когда разговор заходит о мадраса у читателей возникает вопрос о его сущности, его месте в образовательном уровне населения, о его архитектуре, несущей много реликтовых традиций мусульманского зодчества. Поэтому, очевидно, читатель не будет против, если мы перед непосредственным описанием мадраса Кухна несколько отвлечемся от темы нашего разговора и обратим внимание на само мадраса.

Итак, мадраса произошло от арабского «дараса», т. е. изучать. Эта мусульманская высшая и средняя школа, готовящая служителей культа, учителей начальной и средней школы-мактаб, а также служащих государственного аппарата — муфтиев, аглямов, казиев и др. Мадраса в странах Среднего Востока, в том числе и в Мавераннахре (земли между реками Амударья и Сырдарья), получило распространение в XI веке. Однако первые упоминания о мадраса относятся к X веку, когда историк Мухаммад Наршахи рассказывает о большом пожаре в Бухаре в 937 году, во время которого сгорело мадраса Фарджеке.

Мадраса обычно учреждались и существовали за счет вакфа — передачи частными лицами своего имущества на благотворительные цели. В мадраса преподавателям и прочим служителям платили жалованье, учащиеся обеспечивались стипендией, учебными принадлежностями и жильем. Программ в учебном заведении не было, обучение велось в форме лекций, проработкой определенных книг и диспутов. В мадраса дополнительно могли изучаться коранические дисциплины, арабский язык и литература, хадисоведение, богословие, а также арифметика, медицина и прочие «науки древних».

Разумеется, специфика обучения, культовое содержание многих дисциплин, принцип интерната и другое оказали влияние на формирование архитектурного типа сооружения. В частности, большинство мадраса Мавераннахры в композиционно-планировочном отношении представляют собой единую универсальную структуру с двором, замкнутым секционной застройкой «казарменного типа», связанную с организацией общественных процессов (преподавание, обряды молений и радений) и жилища гостиничного типа. Таким образом, мадраса представляли собой вуз-интернат, архитектурно офор-

мленный в виде дворового пространства с общественными помещениями (вестибюль, дарсхона, мечеть, библиотека) в парадной части, выходящей на главный фасад, и общежитием студентов, группирующимся вокруг открытого двора.

Однако нельзя категорично утверждать, что архитектурный тип мадраса был привнесен арабами. В науке давно исследуется проблема происхождения дворово-айванной композиции среднеазиатских мадраса. Еще в начале века В. В. Бартольд, опираясь на тот факт, что число мадраса было особенно значительным, в областях, зависящих от Балха, в местностях по обе стороны Амударьи (а как известно, ислам застал здесь господство буддизма), высказал предположение, что образцом для мусульманского мадраса послужила буддийская вихара, т. е. буддийский монастырь. Это точку зрения поддерживают археологические исследования Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль, проведенные на Аджинатепе. По их мнению, четырехайванно-дворовое композиционно-планировочное решение существовало на юге Средней Азии во всяком случае, в VI—VII веках, причем в культовых буддийских постройках — вихара-сангхарама.

Н. Б. Немцева, изучая средневековые каравансарай, расположенные на территории Средней Азии, указывала, что дворово-айванная композиция этих сооружений связана с перистильными дворами каменной архитектуры Древнего Египта. В раннемусульманский период дворово-айванная схема сооружений развивается в замках, крепостях и рабатах стран арабского халифата. И именно этот архитектурно-планировочный прием укрепленного арабского рабада в последующем оказал влияние на мадраса, по своему назначению не нуждавшееся в оборонной функции, но явно выраженной в архитектурном облике сооружений.

Однако нельзя сравнивать приемы зодчества, сложившиеся в столь территориально удаленных друг от друга регионах, как Египет и Средняя Азия. Как считает Т. Ф. Панкратьева, появление, с первого взгляда, похожих планировочных композиций в архитектуре приходится в этих странах на разные исторические эпохи, происходит в различных природно-климатических и социально-экономических условиях (древние рабовладельческие государства Египта прекратили свое существование к IV в. до н. э., тогда как расцвет культуры среднеазиатских государств происходит в X—XI вв. в условиях развитого феодализма). Причем, сооружения возводят в различных строительных материалах: в Египте им служит камень, в Средней Азии — жженный кирпич.

Для завершения нашего разговора о происхождении архитектурного типа мадраса приведем мнение другого ученого — А. Годара, который, долгое время занимаясь проблемой происхождения и эволюции архитектурного типа иранских мечетей и мадраса, возводит генезис четырёхайванно-дворовой композиции этих сооружений к планировке хорасанских жилых домов.

Теперь несколько слов о культовой сущности мадраса. Исследования истории развития мадраса на территории Таджикистана историком А. Мирбабаевым показало, что это сооружение было не только высшей духовной школой на мусульманском Востоке, призванным служить сохранению и укреплению мусульманской идеологии, а было общественно-образовательным центром, которому не были чужды элементы светского образования и науки, нашедшие отражение в произведениях классиков таджикской литературы и философско-этических трактатах средневековых мыслителей. В подтверждении сказанного можно привести пример Садриддина Айни, родоначальника таджикской современной литературы, который окончил в Бухаре мадраса. Из мадраса вышел известный таджикский просветитель Ахмад Дониш и др. Да и в самом мадраса преподавали просвещенные люди. Например, в самом Худжанде большой известностью пользовались муэдаришсы Мухиддин Ходжаи Накиб, поэт-демократ Ташходжа Асири, ученый-путешественник Ходжи Юсуф Мирфаезов, народный певец Содирхон Хофиз и др.

Правда, не сразу мадраса стало местом распространения светских знаний. Например, история мадраса Низамийе связана с преподаванием в нем Ширази, который возглавлял его кафедру 17 лет. Его карьера охватила две стадии развития этих учреждений. До Низамийе Ширази преподавал право в школе при мечети — масджиде, напротив которой находился хан, где жили его ученики. После преподавания в этом комплексе он перешел в Низамийе, которое объединяло оба эти учреждения в единый архитектурный комплекс. Вероятно, в это время мадраса существовали наряду с комплексами масджид-хан. Этот факт подтверждал А. Мец, который считал, что в XI веке занятия проходили в библиотеках либо при мечетях, либо при домах вельмож. Тогда каждая более или менее значительная мечеть имела библиотеку.

В X веке происходит некоторое преобразование методов преподавания: филологи отказались от богословской манеры чтения и диктования лекции и ограничились толкованием (тадрис) произведения, которое читал один из слушателей

(следует отметить, что именно такая система преподавания существовала во всех мадраса Средней Азии). Новый метод преподавания наук вызвал и новый тип учебного заведения — мадраса, где преподавались правоверные науки ислама: фикх, шариат, калам, арабский и персидский языки. Все нерелигиозные науки, преподаваемые в мадраса, находились под контролем и влиянием калама и сами были его следствием.

Теперь, наконец, вернемся к мадраса Кухна, одному из любопытных монументальных сооружений хисорского Регистана. Это один из самых приметных (помимо ворот Хисорской крепости) зданий историко-культурного заповедника. Не так уж много в нашей республике зданий подобного рода (известны, например, два мадраса в Канибадаме), поэтому мадраса Кухна привлекает внимание гостей республики. Конечно, оно не сравнимо с более величественными мадраса Самарканда, Бухары, Хивы, где в первую очередь поражает полихромный декор фасадов, огромные масштабы минаретов, куполов, порталов и дворов. Однако, несмотря на скромность облика, мадраса Кухна имеет много отличительных особенностей, где-то уникальных и более нигде не повторяющихся. Чем же примечательно это мадраса, куда с интересом направляются ежедневно туристы и просто гости нашей республики.

Не сразу Мадраса Кухна раскрывает свои особенности, так как хисорский Регистан пока еще полностью не раскрыт для обозрения, отсутствует здесь и полное благоустройство, чему не позволяет незавершенность раскопок на территории городской площади Хисора. И еще одно обстоятельство — рядом с Мадраса Кухна на возвышении высится другое мадраса Нав, которое своим двухэтажным фасадом выглядит несколько монументальнее чем рядом стоящее Кухна.

Но достаточно чуть подняться на Хисорскую крепость и отсюда взглянуть на всю площадь Регистан, чтобы понять всю уникальность архитектурного облика объекта нашего посещения. Отсюда, с высоты крепостных стен, отчетливо можно увидеть, что Мадраса Кухна в целом не выходит за рамки нижеуказанных параметров, но все-таки имеет ряд отличительных черт, выводящих его на уровень общепризнанных памятников Средней Азии. Так, оно (внешние размеры мадраса 50х45 м) имеет обширный прямоугольный двор размером 27х26 м, окруженный худжрами, мечетью, аудиториями и вспомогательными помещениями. Входная часть — дарсхона или по-другому миенсарой, как и подобает столь

представительному учреждению средневекового города мусульманского Востока, представляет собой портално-купольное сооружение.

Справа от входного портала расположена купольная мечеть, а слева — своды над аудиториями-дарсхона. Нарушение функциональной взаимосвязи мадраса привело к нарушению симметричности композиции главного северного фасада, где справа на уровне кровли выделяется четверик со ступенчатым куполом. Невысокие угловые башни украшены рельефным кирпичным орнаментом — каждая своим.

Прекрытия интенсьеров—своды балхи и купола на арках и щитовидных парусах. Мадраса не имеет архитектурного декора ни внутри худжр и мечети, ни на главном фасаде. Пластику фасадов создают качественная кладка кирпича и многочисленные арочные ниши. Художественному восприятию облика сооружения способствует геометрически выверенный монументальный портал, поддержанный угловыми башнями-гульдаста. Чрезвычайно эффектно выглядит мадраса с высоты Хисорской цитадели, откуда наиболее четко предстает геометризованная структура дворового сооружения с многочисленными сводами над худжрами и высоким куполом мечети.

Одно из примечательных особенностей входной части мадраса является наличие болохона, т. е. верхнего этажа, закрытого с главного фасада монументальным порталом. Сюда можно подняться по узкой винтовой лестнице, устроенной в толще кирпичной кладки боковой стены миенсарая-вестибюля. Лестница выходит на кровлю одноэтажных худжр и отсюда можно попасть в купольную болохону. Через прямоугольный проем в щипцовой стене порталной ниши можно выйти на айван, устроенный над входными воротами в виде площадки. Отсюда открывается прекрасный вид на городскую площадь и монументальные ворота хисорской крепости. Болохона использовалась как китобхона, т. е. библиотека мадраса.

Другая особенность мадраса заключена в наличии глубокого сводчатого айвана в северо-восточном углу двора, примыкающего с юга к мечети. Отсюда можно попасть в последнюю через небольшую двухстворчатую деревянную дверь. Необычно устройство основного входа в мечеть. Так, с восточной стороны мечети устроен арочный айван, отделенный от входной части деревянной решеткой-панджарой.

Весьма пластично разработана фасадная плоскость мадраса, обращенная на площадь. Здесь помимо монументально-

го портала-пештака с П-образным рамным обрамлением из углубленных арочных ниш. Глухие поверхности одноэтажного мадраса оформлены арочными нишами. Причем в левой половине ниши более глубокие чем в правой части фасада. Такая трактовка архитектурной пластики оправдывается стремлением создателя мадраса как-то зрительно уравновесить ассиметричную композицию фасада (правое крыло обогащено многоступенчатой купольной структурой мечети). Действительно, углубленные тени в глубоких нишах некоторым образом компенсируют зрительную «тяжесть» правого крыла, где ниши создают лишь рельефную разработку фасадной плоскости.

Особую остроту восприятия главного фасада мадраса придают двухстворчатые резные деревянные ворота в порталной нише здания. Скромная, но благородная резьба ворот дополняется металлическими атрибутами — полусферическими шляпками креплений-кубба, кольцами, фигурными накладными пластинами и др. Деревянные двухстворчатые резные двери, но более скромные по облику и размерам, украшают входы и в каждую худжру. Поверх дверных коробок устроены световые проемы, закрытые сквозными ганчевыми решетками с орнаментальным рисунком. Через них освещаются и вентилируются помещения.

Теперь, познакомившись с общим описанием мадраса и его внешними характеристиками, видных снаружи, спустимся по пандусу, ведущему от ворот крепости на площадь, где сейчас все еще проходит автомобильная дорога, прорезающая Регистан с востока на запад. Далее посетителям придется спуститься в пониженную часть площади, где устроена дорожка, выложенная крупным галечником и обрамленная с двух сторон каменными бордюрами красноватого цвета. Эта часть Регистана, раскопанная археологами и реставраторами до уровня материка, т. е. до уровня поверхности земли, которая была построена во времена строительства мадраса — XVI-XVII вв. За прошедшие три-четыре века уровень площади поднялся за счет различных культурных наслоений, например, строительного мусора, остатков развалившихся построек, искусственного выравнивания наносным грунтом или песком и т. п.

Каменная дорожка ведет прямо к уже описанному portalу Мадраса Кухна, откуда через двухстворчатые резные ворота посетители могут более близко познакомиться с планировочными, декоративными и конструктивными особенностями памятника архитектуры XVI—XVII вв. Еще два десятиле-

тия назад мадраса находилось в весьма плачевном состоянии, когда специалисты-реставраторы из Ташкентского СНРПМ (Специальных научно-реставрационных производственных мастерских) Ю. Саночкина, П. Гиниатулина, А. Ткаченко и другие приступили к разработке проекта реставрации мадраса (1971—1972 гг.). К этому времени несмотря на некоторые ремонтные работы, произведенные местными организациями, около 50% надземной части сооружения было разрушено. Двор был захламлён строительным мусором на высоту более одного метра. Это наглядно запечатлели в своих отчетах реставраторы из Ташкента.

А если взглянуть на фотографии 20-х годов (к счастью в архивах республики сохранилась летопись послереволюционного Хисора), то можно увидеть хорошо сохранившийся облик мадраса, да и других построек Регистана. О чем это говорит? Говорит, очевидно, о намеренном разрушении памятника, что было вызвано «борьбой с рассадниками религиозного фанатизма», каким считались мадраса, мечети, хотя бы в представлении официальных властей 20-30-х годов. Точно таким же образом был полностью разобран совершенно целый каравансарай «Хиштин», находившийся слева от Мадрасаи Кухна. Интересно заметить, что в одном из архивных документов по строительству театра оперы и балета в Душанбе сказано, что здесь были использованы кирпичи от развалившихся исторических памятников Хисора. Не с караван-сарая ли были эти кирпичи, которые никак не шли в сравнении с так называемым кирпичем «русского» образца?

Фотографии 20-х годов достоверно свидетельствуют и о том, что монументальные ворота крепости были разрушены в результате интенсивного обстрела артиллерией Советской Армии. И опять фотография тех же лет, прямо указывающая как разрушались памятники. Так, в книге Х. Мамадназарова «Рожденный Октябрем» (изд. «Ирфон», 1975 год) в подборке архивных фотографий снимок 20-х годов, где запечатлен момент разборки монументальных ворот Хисора и под фотографией написано: Строительный материал из древней крепости.

Такая же участь постигла Мадрасаи Нав. А ведь во многих книгах и справочниках разрушение хиссорских памятников преподносится как влияние времени, атмосферных осадков, землетрясений и других объективных причин. И сейчас, после 70 лет Советской власти археологам приходится заново открывать средневековые памятники Хисора, проводя исследования и выполняя графические реконструкции сле-

пую, ориентируясь лишь на незначительные остатки былых величественных сооружений средневекового Хисора. Фотографии архива стали доступны лишь в последние 7—10 лет. И только сейчас мы можем проверить достоверность графических реконструкций, выявить новые особенности конструкций и объемно-пространственной структуры построек. Так случилось с бекской резиденцией на высоком холме хисорской цитадели, с мечетью Одина, мадраса Чашман Мохиев, баней, тахоратхона и многими другими памятниками, исчезнувшими в результате варварского отношения Советской власти к достояниям культуры таджикского народа.

Наше отступление от рассказа о Мадрасаи Кухна необходимо было для того, чтобы читатель мог уяснить те масштабы вандализма, которым были подвергнуты так называемые культовые сооружения со стороны не местного населения, а официальных органов, которые были обязаны по одному из первых декретов 1918 года охранять и реставрировать памятники национального зодчества. Это оказалось большим уроном в деле воспитания у населения уважения к памятникам старины, влияние которого до сих пор дает знать в нашей современной жизни. Например, население Хисора перестало воспринимать отреставрированные памятники как свое архитектурное и общекультурное наследие. До сих пор имеются факты вандализма уже со стороны самих жителей, которым ничего не стоит опоганить, захламить, а кое-где и разобрать объекты гордости всего Таджикистана.

Давайте, вернемся вновь к Мадрасаи Кухна, которую постараемся осмотреть глазами не просто созерцателя, а знатока среднеазиатского зодчества. Это позволит по-настоящему оценить достоинства памятника, который, правда, в результате многочисленных ремонтов, реставрации и приспособлений утерятил некоторые свои особенности.

Как было отмечено выше, главной доминантой северного фасада Мадрасаи Кухна является монументальный портал-пештак, выделяющийся над одноэтажной линейной застройкой вокруг открытого внутреннего двора. Двухстворчатые ворота, отделяющие арочную нишу от вестибюля, не принадлежат мадраса, они выполнены современными народными мастерами, сохранившими секреты мастерства своих отцов и дедов. Старые ворота, очевидно, не менее красивые по орнаментальной резьбе и украшению, были сняты в момент запуска мадраса и утеряны.

Вестибюль-миенсарой, открытый с юга во двор и имеющий арочный проход в правую группу помещений, перекрыт

куполом на простых щитовидных парусах, распространенных в памятниках позднего средневековья. Последние — это вид купольных конструкций, позволяющих плавно перейти от прямоугольного плана четверика стен к круглому основанию купола. Этот вид паруса появился в XIV веке и на территории Узбекистана он позднее получил название «гаджак» или «кафтардуши каджак», т. е. парус в форме голубиного хвоста.

Подкупольный квадрат вестибюля расширен неглубокими нишами по оси входа и более глубокими в поперечном направлении. Ниша справа от входа сливается со сводчатым проходом в помещение-айван, примыкающий к мечети. В нише слева от входа прорезан указанный выше лестничный проем шириной 1,02 м из 13 ступеней с тремя овальными маршами.

Давайте теперь более внимательно рассмотрим самое крупное помещение всего мадраса, расположенное в северо-западном углу двора — мечеть. Она представляет собой купольное помещение, где подкупольный квадрат расширен четырьмя сводчатыми нишами. Западная и восточная ниши гораздо глубже, чем южная и северная. Западная ниша отмечена михрабом. По его сторонам устроены две прямоугольные нишки. На щечковых стенах западной ниши устроены также по одной прямоугольной нишке. Такая же прямоугольная нишка в щипцовой стене северной ниши.

В южной нише находятся прямоугольная дверь и арочный оконный проем слева. Фасады больших ниш были оконтурены выступающими прямоугольными обрамлениями. По низу стены идет выступающая ганчевая панель. Четверик завершается полочкой с ганчевой резьбой по нижнему краю. По прямоугольным обрамлениям ниши был проведен резной ганчевый бордюр. Арки больших ниш, кроме северной, были украшены ганчевым жгутом. При последней перестройки мечети по проекту приспособления все эти скромные украшения исчезли под слоем ганчевой штукатурки.

Подкупольного восьмерика нет, поэтому купол начинается между троповыми арками на уровне пят. Тропы заполнены отрезками сомкнутого свода. Между троповыми арочными нишами устроены стрельчатые проемы. Все арочные перемычки были оформлены ганчевыми отливками. В зените купола был устроен ганчевый куполок-куба для подвески светильника.

С восточной стороны мечети пристроено упомянутое прямоугольное помещение-айван, открытое в сторону двора

и перекрытое стрельчатым сводом. Углубленный айван соединяется с входным вестибюлем арочным проходом. Последний по фасаду была оконтурена ганчевой отливкой, состоящей из отдельных кусков. Такая же ганчевая отливка оконтуривала арку изнутри. В стенах примыкающего к мечети с востока помещения-айвана устроены пять горизонтальных прямоугольных нишек с деревянными перемычками: две по сторонам двери, ведущей в мечеть, две на противоположной стене и одна рядом с окном, выходящим на фасад.

С южной стороны мечети, как уже было отмечено, примыкает еще один сводчатый айван, обращенный во двор. Здесь на стенах также устроены прямоугольные нишки — две на северной стене, слева от входной двери мечети и одна на противоположной стене.

С восточной стороны от входного вестибюля проходит ряд (их четыре) относительно больших аудиторий-дарсхона, обращенных входами во двор. Они перекрыты в основном сводами в комбинированной технике, т. е. в клинчатой кладке. Подобная техника применяется при кладке сводов на четырех стенах, а также в больших сквозных арках.

Помимо рассмотренных помещений северной парадной стороны двора, на последний с трех других сторон выходят 27 худжр, где в основном проживали учащиеся мадраса. Это в подавляющем большинстве прямоугольные помещения размером 3х4 метра. Среди них выделяются лишь угловые квадратные помещения (юго-западный и юго-восточный углы) с удлиненными входными коридорами, устроенные по диагонали двора.

Каждая худжра в интерьере имеет три ниши по трем сторонам и одну нишу, где устроен камин-мури, служившая как для обогрева, так и приготовления пищи. На полу кроме этого отопительного устройства было устроено углубление для сандали. Худжра освещается через дверь и наддверный световой проем, зарешеченный ганчевой панджарой. Все помещения-худжры перекрыты куполами типа «балхи», нашедшее большое распространение в жилищной архитектуре Афганистана, северо-восточного Ирана и в ряде районов Средней Азии (например, в Хорезме). Это было вызвано тем, что для возведения свода балхи не требовалось высококвалифицированных мастеров. Свое название свод получил от города Балх в Северном Афганистане, где и был он впервые применен в сырцовом варианте еще в I веке до н. э. (сардоба в Дильберджине).

Техника кладки «балхи» позволяет перекрывать как квадратные, так и прямоугольные в плане помещения без применения кружал, т. е. деревянных форм. Кладка свода начинается с угла, где наклонными отрезками, которые с каждым рядом увеличиваются, выкладываются стрельчатые арочки. После встречи на середине каждой стены арочки начинают опираться друг на друга и образуют кладку «в елочку». Уклон отрезков постепенно уменьшается и к вершине свода они имеют тенденцию стать вертикальными, а стрельчатость арок постепенно сглаживается. Верхняя половина свода выкладывается отрезками в виде плоскоэллиптических арок, образующих в горизонтальной проекции квадрат.

Каждую худжру предваряет айван-портик, оформленный снаружи арочным сводом с П-образным рамным обрамлением. Угловые помещения размером 378х415 см перекрыты системой «балхи» с кольцевой кладкой купола вверху. Стены всех худжр в интерьере покрыты ганчевой штукатуркой без каких-либо декоративных украшений.

Таков, в целом, облик всех помещений, которые образуют целую систему взаимосвязанных составляющих мадраса, где архитектура воспринимается большей частью изнутри двора. Последний по-своему не лишен эстетической целостности, чему способствует архитектура дворовых фасадов с неприкрытой кладкой жженого кирпича и ритмическим чередованием глубоко затененных сводчатых айванов худжр и едва различимым пластичным силуэтом сводов над горизонтальной линией кровли. Определенную эстетичность придает и сама горизонтальная разработка поверхности двора, покрытого жженым кирпичем плашмя. По периметру двора вдоль айванов худжр устроена приподнятая площадка, ограниченная по краю кладкой «дандона».

Наиболее монументально выглядит двор с северной стороны, где мы видим заднюю часть высокого портала с купольной надстройкой над входным вестибюлем, а также не менее внушительный наружный объем мечети. Завершенность зрительному восприятию этой части двора придают и угловые башни-гульдаста, купольная ротонда которых четко просматривается за линией кровли.

Таким образом, мы в целом познакомились с одним из любопытнейших сооружений средневекового Хисора — Мадрасаи Кухна. Много сил отдали реставраторы СНРПМ Минкультуры республики для восстановления былого облика сооружения. Впоследствии силами проектировщиков этой же организации был разработан проект приспособления мадра-

са под современные нужды Хисорского заповедника (предполагалось, что в худжрах мадраса разместятся народные мастера по жанрам декоративно-прикладного искусства).

В 1991 году ученый Совет Заповедника решил пересмотреть использование памятника и принял решение исключить капитальное переустройство мадраса под современные службы (например, по вышеназванному проекту в северной стороне намечалось устройство современного бара, облицовка стен худжр дорогостоящей резьбой по ганчу, ракушечником, мрамором и другими материалами). Теперь же решено здесь с минимумом приспособления организовать музей народного быта, где посетители могли бы воочию познакомиться с традициями населения, включая свадьбу, бракосочетание, одежду, музыку и др. Решено также во дворе во время национальных традиционных праздников устраивать импровизированную сцену с концертом фольклорных ансамблей. Придет время и музей заполнится любознательными туристами, которые могут с помощью опытных экскурсоводов прикоснуться к истокам народного быта, искусства и творчества таджиков и узбеков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, П.—СПб, 1900.
2. А. Соболев. Заметки о Гиссарских владениях и о среднем течении Сурхоб—Дарьи.—Известия, ИРГО, IX: 1873.
3. Н. Маев. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства.—Известия ИРГО, 1876.
4. Н. Маев. Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств Бухарского ханства.—Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. V.—СПб, 1879.
5. Н. Н. Ершов. Каратаг и его ремесло.—Душанбе: Дониш, 1984.
6. Г. А. Андреев. В Хисаре.—Туркестанские ведомости, 1906, № 6.
7. А. Борнс. Путешествие в Бухару.—М.: 1848.
8. Н. С. Стремоухов. Поездка в Бухару.—Русский вестник, 1875, № 6.
9. Л. И. Ремпель. Бухарские записки. Далекое и близкое.—Ташкент, 1981.
10. Л. Ю. Маньковская. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX—начало XX вв.).—Ташкент: Фан, 1980.
11. Т. Ф. Панкратьева. Истоки среднеазиатских медресе.—В кн.: Вехи времен.—Ташкент: 1989.
12. А. Мирбабаев. Из истории медресе Ходжента.—В кн.: Материалы по археологии и истории Таджикистана.—Душанбе: 1977.
13. Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа.—М.: Искусство, 1971.
14. Н. Б. Немцева. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана.—Советская археология, № 3, 1969.

Р. Мукимов

МАДРАСАИ НАВ

Мадраса. Одно это слово в зрительном образе жителя Средней Азии, умудренного опытом бытия, вызывает представление о нечто возвышенном, грандиозном по размерам сооружении, о величии которого, например, Алишер Навои писал следующее: «От изразцовой облицовки этого мадраса (Мадрасаи Гаухар-Шад в Герате, 1432 г.—Р. М.) приходит в изумление ум архитектора и от блеска позолоты пронизательный строитель теряет голову». По поводу другого, не менее величественного Мадрасаи Нигматабад, воздвигнутое Султан-Хусейном Байкарой в 1492/93 гг. в Герате, Навои поэтически писал, что «арка которая своей высотой достигла небесного свода и каждый купол возвышался над голубым сводом небес».

Каждый правитель государства или города, каждый член царской династии, не говоря уже о богатых визирих, министрах, эмирах, купцах, баях, почитали богоугодным делом сооружение мадраса и поэтому они старались превзойти своим меценатством друг друга, привлекая к их строительству лучших мастеров своего времени.

Слово «мадраса» вызывает также противоречивое чувство при определении его роли в государстве или городе. Большинство населения, да и многие ученые относят сооружение мадраса к культовому строительству, участие в котором, как отмечалось выше, считалось богоугодным делом. Но всегда ли можно причислять мадраса к культовому типу сооружения? Ведь строительство мадраса преследовало и практические цели — подготовку образованного и мусульманского духовенства, а также лиц, предназначенных к административной деятельности в канцеляриях, судах и при дворе, искушенных в законоведении, владеющих литературным слогом и каллиграфией. В мадраса Самарканда, Бухары, Хивы, Худжанда, Герата, Шахрисябза, Хисора получили образование большое число известных просветителей Востока, поэтов-демократов, историков и др.

Так что, в мадраса, в этом удивительном по содержанию и облику сооружении сконцентрировались все противоречия

восточной жизни и мусульманского мира. Как пишет известный историк среднеазиатского зодчества и искусства, академик Республики Узбекистан Г. А. Пугаченкова, «...в зависимости от исторической ситуации мадраса играли роль главных центров то книжной учености, то религиозного мракобесия, схоластика сосуществовала в них с изучением точных наук: наряду с механическим зазубриванием религиозных текстов велись дискуссии по философским проблемам бытия, мистические собеседования перемежались с лекциями по астрономии и математике. Мударисами мадраса бывали то влиятельные шейхи, то высокопросвещенные, перодовитые люди — ученые, поэты».

Такие мадраса были в признанных центрах Востока — Герате, Багдаде, Самарканде, Бухаре, Худжанде и др. А какие они были на периферии, в провинциальных центрах огромных государственных владений мусульманского мира, например, в средневековом Хисоре, что расположен в горной части Восточной Бухары, в предгорьях Хисорского хребта?

Здесь во все времена исторического развития средневековья также воздвигались монументальные сооружения — мадраса, мечети, хонаки, дворцы, рабаты, мавзолеи. Но в силу географической отдаленности от городских центров они несли в своем облике слабый отблеск того великолепия и величия, что было характерно для описанных выше сооружений.

Но тем не менее нельзя сказать, что провинциальные мадраса не несли черты монументальности и величия. Они почти все следуют разработанной архитектурной типологии мадраса на Среднем Востоке, хотя появление самих мадраса в Средней Азии относится к IX—X вв., архитектурный же генезис этого чисто мусульманского здания восходит, согласно исследованиям многочисленных ученых (Б. А. Литвинского, Г. А. Пугаченковой, Л. Ю. Маньковской, В. Л. Ворониной и др.), к традициям местного доисламского зодчества. В частности, мадраса за пределами культурных и административных центров имеют прямоугольный план. Замкнутый быт обитателей определяет изоляцию мадраса глухими стенами от внешнего мира, главный (чаще и единственный) вход выделен порталом-пештаком с входным вестибюлем, перекрытым куполом. Организующее ядро постройки составляет квадратный или прямоугольный двор, окруженный в большем случае с трех сторон однообразным рядом худжр для проживания учащихся-студентов. Помимо худжр одна сторона мадраса (со стороны главного фасада) занята купольной мече-

тью и несколькими купольными дарсхона-аудиториями, где происходили занятия под руководством мударрисов. Часто углы главного фасада фланкируют башни-гульдаста с купольной ротондой.

Конечно, отдаленность от городских культурных центров дает все-таки знать: на периферии редки случаи устройства двухэтажного ряда худжр, более упрощена входная часть мадраса, где в крупных сооружениях часто устраивают коленчатые изломы. Здесь редки случаи устройства внутренних айванов, обращенных во двор, что является одним из отличительных черт типологии мадраса — четырехайванная композиция на основных осях здания. Весьма скромна и архитектурная декорация фасадов и интерьеров мадраса, где требуются большие вложения средств, которые под силу только правителям и им подобным.

Вместе с тем, именно здесь, вдали от ревнивого глаза сановитого заказчика или мецената, строили, в большинстве своем приглашенные из центральных городов, могли безбоязненно отдаться не классическим канонам строительства монументальных зданий, а своей интуиции, своей творческой фантазии, не всегда совпадающей с правилами, например, «Уложения Тимура» или др. Вот почему на периферии появляются удивительно гармоничные по планировочной и объемно-пространственной композиции здания, не всегда следовавшие классическим образцам центров Востока.

Именно здесь строители могли свободно творить, несмотря на скудность средств местных беков, купцов и баев, материалов и низкой квалификации рабочей силы. Давайте, для наглядности рассмотрим поближе одно из известных мадраса средневекового Хисора, тем более что этот очерк посвящен именно ему, мадраса Нав на Хисорском Регистане.

Очень трудно представить былой облик этого своеобразного, несущего в себе более характерные черты величественных мадраса Самарканда и Бухары, т. к. к моменту реставрации этот памятник представлял собой почти полностью разрушенные руины кирпичного сооружения на возвышенном участке в западной части городской площади — Регистан. К нашему счастью мадраса Нав наряду с другими монументальными сооружениями средневекового Хисора уже в середине XIX века стал объектом внимания ученых и путешественников, оставивших после себя многочисленные описания. А уже в Советское время на площади начались археологические изыскания, отраженные в отчетах и научных изданиях Таджикистана. Поэтому перед тем как начать описание Мад-

расан Нав, видимо, следует сделать небольшое отступление для того, чтобы познакомить любознательных читателей с интересными данными XIX—начала XX вв.

Как известно из исторических источников, уже в начале XIX века в средневековом Хисоре сформировалась городская площадь в виде архитектурного ансамбля, состоящего из крепости с монументальными воротами и двух мадраса, известные сейчас под названием Мадрасан Кухна (Старое мадраса) и Мадрасан Нав (Новое мадраса), и Каравансарая «Хиштин». На сохранившихся фотографиях 20-х годов XX века на площади помимо всего видны легкие базарные ряды—раста, древний мазар у подножья ворот и постройки хисорского бека на вершине цитадели крепости.

На протяжении длительного времени памятники Хисора привлекали внимание различных исследователей, которые помимо описания других сооружений Регистана давали характеристику и мадраса Нав. Так, в 1875 году этот район был впервые обследован географической экспедицией, известной под названием Гиссарской экспедиции, организованной генерал-губернатором генерал-адъютантом фон Кауфман в апреле 1875 года. Руководил экспедицией редактор «Туркестанских ведомостей» майор Н. А. Маев, который более или менее подробно описал памятники в своих очерках.

Может возникнуть вопрос — а были ли раньше здесь кто-либо из ученых? Да, известно, что Хисор в начале 30-х годов XIX века посетили английские путешественники А. Борнс и Г. Юль. Еще более раньше, т. е. в 1820 году Хисор в составе русского посольства в Бухару посетил Маендорф.

В конце XIX века район Хисора неоднократно посещали путешественники, которые также в своих записях оставили описание памятников хисорского Регистана (например, Н. Н. Покотило).

В 1898 году здесь побывал известный востоковед А. А. Семенов, квалифицированно описавший мадраса и крепость. Важными являются сведения известного этнографа М. С. Андреева, собранные в 1925 году и опубликованные в сборнике «По Таджикистану» в 1927 году.

Наиболее длительное обследование архитектурных памятников Хисора проведено было Кафирниганским отрядом Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946 году, работавшим под руководством М. М. Дьяконова. Материалы этого отряда впоследствии были опубликованы в сборнике «Материалы и исследования по археологии СССР», посвященном полностью данным СТАЭ. Здесь же впервые

были опубликованы обмерные материалы мадраса Нав и Кухна, произведенные архитектором Л. С. Бретаницким в 1946 году.

Помимо обмерных данных Л. С. Бретаницкий дает подробное описание Мадрасаи Нав, считает, что «...несмотря на возможно значительный перерыв между строительством «старого» и «нового» мадраса, они возводились в композиционной связи между собой. Характерная фронтальность и симметричность композиционных решений этих зданий, общая уравновешенность архитектурных объемов и характер фасадных членений несколько напоминает здания подобного же рода архитектурных ансамблей Бухары и других городов Средней Азии первой половины XVII в. и последующих столетий». Из всего Хисорского комплекса новое мадраса является наиболее поздним и его возведение Л. С. Бретаницкий датирует концом XVIII века. Это, пожалуй, первый профессиональный архитектурно-композиционный и типологический анализ Мадрасаи Нав, выполненный архитектором Л. С. Бретаницким на основе натурного исследования памятника. Датировка мадраса также наиболее близко характеризует памятник, хотя в связи с удревнением Мадрасаи Кухна, данным в научно-популярном очерке об этом памятнике, можно было бы согласно анализу ученого датировать Мадрасаи Нав концом XVII века, позволяющим уменьшить разрыв между двумя в общем одновременными объектами архитектурного ансамбля.

В 1950, а затем в 1957 гг. археологами Н. Н. Забелиной и Е. Д. Салтовской была проведена шурфовка у основания памятников Хисора. До этого стратиграфия слоев под архитектурными памятниками никем не изучалась. Было заложено 8 шурфов, один из которых в основании северо-восточной части входа «нового» мадраса. Керамика из этого шурфа оказалась самой разнообразной — с XI—XII вв. до XIX в. В силу большой перепутанности материалов Е. Д. Салтовская пишет, что делать какие-либо выводы рискованно, однако территория, на которой возведены обе мадраса начали обживаться в XI—XII вв. и, конечно, особенно обильны находки керамики XV—XVIII вв.

Очень жаль, что Е. Д. Салтовская не вспомнила древнюю архитектурную традицию Среднего Востока: строить монументальные здания, крепости, замки и др. на фундаментах более древних сооружений. Причем, эта традиция, как показывают многолетние наблюдения, наиболее характерны не только для античности, а особенно для X—XII веков. А

ведь именно этими веками характеризуется самая ранняя керамика из шурфов Мадрасан Нав. Не было ли построено сооружение мадраса на фундаментах более древнего здания? На это могли ответить только археологи, производившие шурфы у основания мадраса. Жаль, что шурфы были заложены только в северо-восточной части входа «нового» мадраса. Не обязательно, чтобы последующая постройка в точности должна была повторить более раннее сооружение, да и этого не следовало делать, т. к. вполне вероятно, что первое (а может и не первое?!) здание несло другие функции и оно было построено из более недолговечного материала — сырца или дерева.

Вышесказанное показывает, как важно для науки возможно полное исследование памятника прежде чем перейти к разработке проекта реставрации. Но зачастую в практике реставрации Таджикистана, да и всей советской Средней Азии, имеет место поспешность в деле организации заповедников и музеев под открытым небом. Как при этом не вспомнить реставрационную практику, например, Кипра или Греции, где с созданием заповедника археологические исследования на всей территории охранной зоны не прекращаются. Это даже интересно для туристов, которые могут пусть издали, но воочию увидеть тяжелый, но благородный труд археологов и реставраторов. Только для благоприятного их труда территорию раскопок с охранной зоной огораживают легкой оградой (а это очень часто просто веровочный условный «забор», протянутый между металлических стоек) и устраивают легкие мобильные навесы-тенты над раскопом.

А что произошло со средневековой площадью Хисора? Не завершив даже реставрацию основных наземных объектов, вся территория города была объявлена заповедной и открытой для туристического осмотра. Постепенно были свернуты и археологические работы на территории Хисорской крепости и его цитадели, не исследовав до конца основание Каравансарая Хиштин поспешно закрыли древние фундаменты новой кладкой на высоту 1,2 метра. Также поспешно были выявлены другие постройки на площади (тахоратхона и лобное место), закреплены современной кладкой на уровне фундаментов и на этом завершили изучение всего Регистана. И вот только сейчас, в 1990-е годы Ученый совет Хисорского историко-культурного заповедника поднял вопрос более фундаментального исследования основания площади, а также некоторых отдельных памятников (например, каравансарая Хиштин, Мачити Одина, Мадрасан Чашман Мохиев и др.).

Кто знает, может именно на площади Регистан, на том месте, где еще сейчас проходит оживленная автомобильная трасса, будут обнаружены более монументальные постройки, которые помогут раскрыть тайну двух мадраса Кухна и Нав. А пока нам остается лишь всматриваться в старые фотографии и перелистывать те немногие письменные источники, которые дают незначительные сведения об этих интересных, и в чем-то загадочных зданий средневекового города Хисора. Давайте, перелистаем одну из таких источников, предоставляющие нам в руки таджикские ученые-историки Е. А. Давидович и А. М. Мухтаров, производившие исследование памятников Хисора в 60-х годах.

Это — научно-популярная книжка «Страницы истории Гиссара», вышедшая в свет в 1969 году. В разделе «Памятники архитектуры» имеется описание «нового» мадраса и помещен план мадраса, выполненный Л. С. Бретаницким, т. е. план 1946 года. Авторы соглашаются с датировкой этнографа М. С. Андреева, который согласно опросным данным считает, что Мадрасаи Кухна было построено в конце XVIII — начале XIX вв., а через 50 лет, т. е. в середине XIX века построили Мадрасаи Нав.

Авторы использовали данные М. С. Андреева, но почему-то не учли итогов работ Н. Н. Забелиной и Е. Д. Салтовской, которые первыми провели стратиграфическое изучение памятников Хисора и на основе керамического материала согласились с более ранней датировкой Л. С. Бретаницкого. И опять же авторы пренебрегли версией о существовании более раннего сооружения на месте Мадрасаи Нав.

Дальнейшие археологические раскопки и разведки на хисорском комплексе проводились археологом Т. М. Атахановым, сотрудником Института истории, археологии и этнографии им. А. Донниша АН Республики Таджикистан. Археологическим отрядом было проведено научное обследование памятников, описание и обмеры, археологическое исследование путем шурфовки и раскопок.

В результате раскопочных работ был раскрыт фундамент двадцати худжр, одного коридорообразного помещения в юго-западной половине, а также раскопаны наружные юго-восточные и юго-западные стороны Мадрасаи Нав. При разборке завала на северо-западной стороне мадраса были обнаружены постройки, напоминающие хозяйственные комплексы с айванчиками в виде торговых лавок, которые были все снесены при постройке дороги. Эти «базарчики» обрамляли всю северную сторону мадраса. Особых находок не было, обнару-

жен только поздний культурный слой, а именно XIX— начало XX вв. Следует сказать, что раскопы так и не дошли до материка, т. е. до основания сооружения без культурного слоя.

А теперь хотя-бы бегло рассмотрим старые фотографии, дошедшие до нас благодаря Центрального Государственного архива Республики Таджикистан, где имеется уникальная фототека с негативами. На этих фотографиях мадраса Нав и Кухна уже были разрушены, но не в такой степени, к которой привела бессмысленная гражданская война между Красной Армией и народным в своей основе ополчением, названных впоследствии басмачами.

Судя по фотографиям и по описаниям исследователей-реставраторов, мадраса Нав дошло до начала 70-х годов в весьма плохом состоянии, причем, если в «старом» мадраса разрушения связаны, преимущественно, с отсутствием надлежащего за зданием наблюдения и простых укрепительных работ в период беспощадной «борьбы» с религиозными предубеждениями, то в данном случае имело место проводившийся и затем приостановленный снос здания. Последнее было вызвано поиском дешевого строительного материала для строительства «дворцов» для народа.

От здания, по существу, сохранились лишь помещения переднего фасада. О характере же постройки, а также внутреннего, по-видимому обширного двора можно сделать лишь некоторые предположения, опираясь, при этом, на данные, представляемые сохранившейся фасадной частью. От самих помещений, некогда окружавших квадратный или прямоугольный формы плана двор, сохранились лишь аккуратно сложенные штабеля строительных материалов. Наиболее вероятно, что двор был выстроен в два этажа небольшими помещениями-худжрами в основном типового плана. В первом этаже эти помещения были обращены непосредственно во двор, во втором — они объединялись сквозными открытыми галереями, как это обычно наблюдается в сооружениях подобного назначения Тимуридского и более поздних периодов.

Значительный интерес представляет собой несколько необычное плановое решение сохранившейся части сооружения. Расчлененный тремя стрельчатыми арками на два перекрытых куполами квадрата проход ведет во внутренний двор. Небольшой входной проем ведет в помещение значительных размеров, служившее, очевидно, мечетью. В торцевой стене этого помещения следует отметить, обычно редко встречающийся в первых этажах, низко расположенные оконные прое-

мы — единственный скудный источник освещения и вентиляции.

Интересен проем купольного перекрытия помещения. Система перекрывающих глубокие торцевые ниши стрельчатых сводов и слегка вспарушные арочных проходов определила близкую к квадрату центральную часть, с кыблой, подчеркнутой нишей михраба, скромно декорированного сталактитами.

В противоположном крыле сохранившейся части здания расположены два помещения, входы в которые вели с наружного фасада. Одно из них имеет в плане широко распространенную крестообразную форму. Значительной глубины ветви креста перекрыты стрельчатыми арками, а центральная часть тщательно выведена куполом.

Примыкающее, но не соединяющееся смежное помещение представляет собой в плане сильно вытянутый прямоугольник. Центральная часть его перекрыта куполом, связанным системой стрельчатых арок, образующих подкупольный квадрат. Как и в мечети, в торцевой стене этого помещения находится оконный проем. Углы двора по обыкновению были скошены. В скосах сохранились лишь небольшие пятигранные, перекрытые сводами ниши, которые вели в разрушившиеся угловые помещения.

План второго этажа существенно отличается от плана первого. За плоскостью торцевой стены центрального портала находится перекрытое куполом квадратное помещение, соединенное проемами с двумя неширокими проходами, меняющими под углом свое направление. Проходы огибают расположенные по три в каждом крыле сравнительно небольших размеров комнаты, также перекрытые куполами. Несмотря на значительные разрушения, нетрудно обнаружить, что эти проходы представляли собой, по наружному фасаду, открытые стрельчатые аркады. В торцах проходов находятся небольшие лестницы, которые ведут в помещения, расположенные вверху угловых башен сооружения. Подобного рода открытые галереи на наружных фасадах в архитектуре Средней Азии появляются, в основном, в послетимуридский период, в строительстве, преимущественно, XVI—XVII столетий. Примером сказанному можно назвать мадраса Ширгазихана в Ичанкале Хивы, построенное в 1718—1720 гг., где также двухэтажной является фасадная часть здания с проходной аркадой-галереей на втором этаже. Более ранний период и более монументальное здание мадраса характеризует самаркандский Тиллокори, построенное в период с 1646 по 1660 гг.,

замыкающего площадь Регистан, реконструированного по инициативе правителя области Самарканда Ялангтуш Бахадура. Здесь мы также видим двухэтажную фасадную часть, выходящую на площадь стрельчатой аркадой второго этажа. Конечно, это здание по масштабу застройки и архитектурному декору не идет ни в какое сравнение с Мадрасан Нав, но принцип формирования объемно-пространственной композиции налицо.

Открытая, также по-видимому, со стрельчатыми арками галерея, объединяющая все помещения второго этажа по периметру двора связана, кроме того, с расположенными в углах лестницами, которые вели на крышу сооружения.

Помещения сохранившейся части здания не сообщают дополнительных данных для уточнения назначения сооружения, упорно называемого населением «новым» мадраса, в отличие от «старого». И анализ плановой структуры здания подтверждает это назначение здания, построенное, как нам представляется, на месте более раннего сооружения. Ярким примером сказанному является тот же Тиллокори, которое было построено на средства Ялангтуш Бахадура на месте каравансарая Мирзон. И здесь невольно, пусть и ничем не подтвержденное, предположение — не является ли Тиллокори наглядным образцом для строителя Мадрасан Нав в вопросе формирования площади Регистан в средневековом Хисоре, когда в XVI—XVIII вв. здесь несомненно велись реконструктивные работы по обновлению обветшавших зданий старого Регистана?! А если идти еще дальше в своем предположении — не находился ли на месте Мадрасан Нав каравансарай, число которых в относительно крупном Хисоре было не один (Хиштин), а два или три?! Но не будем забегать вперед предполагаемому раскопу на площади Регистан Хисора, который во многом разрешит сомнения исследователей по поводу назначения «нового» здания и его времени строительства.

К слову сказать, Мадрасан Тиллокори в Самарканде заключал в свои стены и городскую соборную мечеть. А где была городская соборная мечеть средневекового Хисора? Весьма мало вероятно предположить такую роль для мечети. Однако, раскопки которой начались недавно за пределами городской площади. И опять произвольный вопрос: не объединяло ли Мадрасан Нав в своих стенах и городскую соборную мечеть? Ведь, как явствует из археологических исследований, размеры Мадрасан Нав не подтверждены раскопками и даже не известно какой формы был двор — квадратной или прямоугольной?

Возвращаясь к описанию Мадрасаи Нав, следует отметить архитектурное решение фасада, которое близко для фасадных композиций многих типов сооружений Средней Азии и прилегающих стран Ближнего Востока. Однако имеются некоторые обращающие на себя внимание особенности. Так, в основу решения взята центрально-осевая, со строго симметричным расположением объемов, пятичленная композиция. Центр подчеркнут объединяющим оба этажа порталом с довольно глубоко затененной, несколько крутого подъема стрельчатой аркой. Арка портала имеет традиционное прямоугольное обрамление с расположенным в нем в несколько ярусов прямоугольным и со стрельчатым завершениями плоскими филеками. Общие пропорции портала найдены менее удачно, нежели в портале «старого» мадраса.

К portalу с незначительным отступом примыкают, в общем сходно решенные, плоскости фасадов. В верхнем этаже проходила открытая стрельчатая галерея, оживляющая глухие плоскости главного фасада игрой своих глубоких теней. Нижний ярус в обоих крыльях решен не одинаково. Левая плоскость, скрывающая пространство мечети, решена совершенно гладко. На противоположной имеются обычные сочетания стрельчатых арок и прямоугольных обрамлений, пластически слабо выявленные. По оси арок расположены ведущие во внутренние помещения небольшие проемы. Подобного рода, несколько необычная при общем характере решения фасада, асимметрия вряд ли является результатом позднейших переделок ранее законченного фасада, поскольку следы их не обнаружены. Скорее всего, асимметрия главного фасада (архитектурно-композиционная грамотность строителя мадраса Нав не вызывает сомнения) была вызвана наличием на фасаде объемной архитектурной детали, нарушающей зрительную уравновешенность здания. Такой архитектурной деталью могло быть купольное перекрытие несохранившейся дополнительной дворовой мечети в левой части дворовых построек (вспомним многоколонную мечеть в левой части двора Мадрасаи Тиллокори!). Такое предположение, конечно, приемлемо, если подтвердится версия о том, что планировка мадраса была иная. Без дополнительных археологических раскопок у основания сооружения и на площади Регистан, разумеется, наша версия останется всего лишь богатым воображением архитектора.

С углов фасад фланкирован сильно выступающими за плоскость стен, сужающимися кверху своеобразными угловыми башнями. Последние значительно возвышались над общим уровнем линии стен. Вверху имелись небольшие поме-

щения, способствовавшие обозрению городского пейзажа. И опять на память приходят две угловые башни (в мадрасаи Нав также две) Тиллокори, которые также сильно выступают из плоскости стен и также намного по высоте превышают стены здания. И наконец, последнее: археологические исследования свидетельствуют также, что Мадрасаи Нав полностью был лишен архитектурной декорации, что было характерно в основном только для столичных городов государства Шейбанихана в Средней Азии. Скудность денежных отчислений бека и иных меценатов не позволила достойно завершить здание мадраса Нав, приблизив его по завершенности и архитектурной композиции к лучшим образцам своего времени на Среднем Востоке. Таков, в общем, облик Мадрасаи Нав, который вырисовывается по результатам натурных исследований археологов и реставраторов, приступивших к разработке проекта целостной реставрации с последующим приспособлением мадраса к нуждам заповедника.

К проекту реставрации Мадрасаи Нав приступили специалисты-реставраторы Специальных научно-реставрационных производственных мастерских Минкультуры Республики Таджикистан Х. Рахматуллаев, С. Репин, В. Попугаев, Л. Стружанова, руководитель группы проектировщиков Н. Брус, автор проекта Хисорского историко-культурного заповедника. Проектирование началось в 1977 году и в этом же году завершено. Авторы проекта использовали полный комплекс исследований археологов, провели сравнительный анализ с подобными сооружениями Средней Азии и, конечно, учли местные особенности строительства мадраса. Здесь хорошим примером реставрации явился проект реставрации Мадрасаи Кухна, выполненный специалистами СНРПМ Республики Узбекистан в городе Ташкенте. Более 15 лет шли реставрационные работы, которые завершились только в 1991 году. К этому времени был уже подготовлен проект приспособления Мадрасаи Нав под музей «Классики таджикской культуры».

А теперь, давайте, взглянем с площади Регистан и войдем во внутрь отреставрированного Мадрасаи Нав, где строители-реставраторы постарались возродить дух средневекового учебного заведения. С площади, мадраса выглядит весьма выгодно, относительно Мадрасаи Кухна из-за своего расположения на искусственной возвышенности — стилобате высотой 2 метра, обработанный прямоугольными квадратами колотого местного камня красного цвета по всему периметру здания (внешние размеры 35,2х38,4 м). Сложный рельеф участка предопределил различный подход к зданию. От вто-

ростепенной дороги (между прочим, древней), идущей на юг, к входным воротам средневекового Хисора, вдоль восточного фасада мадраса устроена каменная лестница, находящаяся на основной продольной оси сооружения. Со стороны основной трассы, прорезающей площадь Регистай с востока на запад, на площадку перед главным фасадом можно пройти прямо без дополнительных лестниц и пандусов.

Поднимаясь по лестнице зритель полностью может окинуть взглядом пластично обработанный аркадой и высоким порталом (9,8x11,3 м), где в глубине арочного входного проема выделяется золотистое прямоугольное пятно резных ворот. Это одно из примечательных акцентов входной части, привлекающий внимание богатством орнаментации и примененными металлическими атрибутами традиционных ворот — полусферической кубба, кольцами, накладными фигурными пластинами крепления и т. п. Эти ворота вырезаны недавно народным мастером-резчиком по дереву из города Канибадама на основе древних традиций резьбы по дереву. Этим же мастером выполнены резные двухстворчатые двери худжр, выходящие во внутренний двор размером 20x21 м.

Особенностью фасада является то, что портал не выступает за плоскость стены (так же, как и в Мадрасаи Кухна), а как-бы он встроен в толщу фасада, выступая над уровнем кровли на 2 метра. Разработка фасада углубленной аркадой на втором этаже и плоской, рельефной на первом этаже (здесь правое крыло украшено эффектной системой рельефных лопаток и тяг, в которые вписаны арочные ниши и проемы, а левое крыло совершенно гладкое. Только внимательный взгляд может уловить здесь следы таких же, как справа, но тщательно заложенных рельефных членений. Реставраторы решили восстановить их и сейчас рельеф четко читается на симметричном фасаде мадраса) оживляется ганчевыми наддверными решетками, выделяющимися своей белизной на общем золотисто-охристом фоне неприкрытой кирпичной кладки. Трехчетвертные угловые башни придают композиционную завершенность фасаду и отдаленно своей массивностью напоминают крепостной характер.

Весьма удачно кирпичная кладка дополняется каменным стилобатом, который своей массивностью и укрепленной кладкой крупных прямоугольных каменных блоков с необработанной лицевой поверхностью красного цвета подчеркивают монументальность главного фасада.

Не менее выразительно мадраса и со стороны внутреннего двора, где однообразный метрический ряд арочных сводов

айвана худжр с трех сторон (с юга, запада и севера) композиционно поддержан арочным айваном-порталом, обращенным на запад. Выложенное кирпичом основание двора разделено на два уровня за счет приподнятой площадки, идущей по периметру двора вдоль худжр. С краю площадка оформлена кирпичной кладкой «дандона». Для сбора дождевых и талых вод в середине двора устроен круглый в плане колодец, к которому имеет наклон поверхность пола. Эффектно выглядит восточная сторона двора с двухэтажной частью, где также выделяется сквозная аркада, ведущая в купольное помещение над вестибюлем-миенсарой и несколько крупных худжр. Купола над худжрами не выделяются из-за их низкого подъема (они закрыты невысоким парапетом). Не видны купола и над купольными помещениями восточной двухэтажной части, так как они сделаны невысокого подъема.

Учитывая актуальность мадраса в нынешней ситуации, Ученый Совет Хисорского историко-культурного заповедника в 1991 году решил переориентировать приспособление мадраса под музей классиков Востока: Рудаки, Абуали ибн Сино, Фирдоуси, Борбада, Джами, Ахмада Дониша и других. По замыслу ученых Заповедника каждому выдающемуся классику Востока будет отдана отдельная худжра, где будут устроены стенды с трудами классиков, их биографией, описанием их вклада в развитие культуры таджикского и других народов Востока, предметы личного обихода, фотодокументы, оригиналы рукописей и т. п. В настоящее время идет сбор материала для этого уникального в своем роде музея, которого нет, пожалуй, на всем Среднем Востоке. Не пройдет и двух лет—и музей откроет свои двери для любознательных посетителей и станет одним из действенных средств культурного воспитания населения. А пока посетители могут уже в этом году посетить Мадрасаи Нав и познакомиться с высоким искусством зодчих хисорских мастеров, которые могли не только возвести гармоничное здание, но и искусно связать его с окружающими постройками площади, создав тем самым настоящий ансамбль средневековых памятников хисорского Регистана.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Г. А. Пугаченкова. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ташкент, 1976.
2. Всеобщая история архитектуры, в 12-ти томах, т. 8. М.: Стройиздат, 1979.
3. Л. Ю. Маньковская. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX— начало XX вв.), Ташкент: Фан, 1980.

4. Л. Маньковская, В. Булатова. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978.
5. Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа. М.: Искусство, 1971.
6. А. Тоатов. Историческим памятникам — долгую жизнь. Душанбе: Ирфон, 1986.
7. А. Тоатов. Историко-культурный заповедник. В кн.: Гиссарская долина. Душанбе: Ирфон, 1987.
8. Методическое пособие для экскурсоводов. Площадь Регистан. Гиссар, 1986.
9. Н. Маев. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства.— Известия ИРГО, 1876.
10. Н. Н. Похотило. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару.— Известия ИРГО, XXV, 1889.
11. А. А. Семенов. Памятники арийской культуры в Средней Азии.— В кн.: Таджикистан. Ташкент, 1925.
12. По Таджикистану. Сборник статей, вып. 1. Ташкент, 1927.
13. МИА СССР, № 15 (Тр. СТАЭ, т. 1). М.— Л.: АН СССР, 1950.
- Л. С. Бретаницкий. Архитектурные памятники Гиссара.— МИА СССР, № 15 (Тр. СТАЭ, т. 1). М.— Л.: АН СССР, 1950.
14. Е. Д. Салтовская. О работах в Гиссаре в 1957 г.— Археологические работы в Таджикистане, вып. V. Сталинабад, 1959.
15. Т. М. Атаханов. О работах Гиссарского отряда в 1969—70 гг.— Археологические работы в Таджикистане, вып. X.—М., 1973.

Р. Мукимов, З. Алиева, П. Самойлик.

КАРАВАНСАРАЙ ХИШТИН

Посетители Хисорского историко-культурного заповедника всегда с нетерпением ждут встречи с монументальными памятниками прошлого средневекового Хисора, которые своим величественным обликом поражают воображение и внушают особые необъяснимые чувства уважения к мастерству неизвестных зодчих. Как, например, не восхититься воротами крепости, которые по своему масштабу сопоставимы разве что с монументальным входом Бухарского арка! И даже импозантные Мадрасаи Кухна и Мадрасаи Нав, обрамляющие с юго-запада Регистан Хисора, по-своему впечатляют своей неприкрытой глазурованным покровом суровой простотой фасадов, оживленных геометрически выверенным силуэтом куполов, порталов и угловых башенок-гульдаста.

Но вот ваш взгляд, привыкший уже к объемным разновысотным формам, вдруг переводится на странное, на первый взгляд, сооружение, расположенное к востоку от Мадрасаи Кухна. Где же здесь арочный монументальный портал с сопутствующими ему куполами, сводами и гульдаста?! Действительно, мы видим невысокий кирпичный лабиринт из непонятных камер вокруг открытой площадки. Экскурсовод, сопровождающий вашу группу, ответит на ваш вопрос — это Каравансарай Хиштин, построенный в начале XIX века.

Конечно, очень трудно поверить, что эти кирпичные стенки с бетонированным верхом были стенами каравансарая. Но это в самом деле так и есть. То, что перед вами — консервационный метод закрепления остатков фундаментов и стен бывшего величественного сооружения и чтобы понять этот метод нам придется дать некоторые пояснения в целом к методам реставрации памятников архитектуры. Тем более, в связи с последним мы должны затронуть весьма принципиальные вопросы использования рассматриваемого объекта в музее под открытым небом, т. е. Хисорском историко-культурном заповеднике.

Итак, согласно общепризнанной современной концепции восстановления древних памятников культуры существует

три метода реставрации: консервация, фрагментарная и целостная реставрация. Первый метод предусматривает максимальное сохранение подлинного материала памятника. Он обязателен для памятников нередко дошедших до нас в виде руин, поэтому «исправление» подлинника совершенно недопустимо. И если все-таки для обеспечения сохранности памятника необходимы дополнения, элемент обновления должен быть как можно менее заметен, не внося диссонанса в общий архитектурный облик сооружения.

Фрагментарная, т. е. частичная реставрация в целом должна сводиться только к раскрытию памятника, к освобождению его от искажениях наслоений. В ряде случаев при этом методе докладываются не существующие ныне части здания. При этом реставратор должен располагать бесспорными данными о его форме, размерах, характере внешней фактуры. Однако даже при наличии документальных обоснований (фотографий, обмеров, описаний и др.) целесообразность восстановления должна быть тщательно взвешена с учетом не только эстетического, но и технического фактора.

Наконец, третий метод реставрации ставит своей целью максимально полное, хотя и не всегда опирающееся на абсолютно точные данные, раскрытие древних особенностей сооружения, выявление существенных черт его как памятника истории архитектуры. Работы в этом случае носят наиболее сложный характер, включая в себя наряду с элементами консервации и фрагментарной реставрации также и воссоздание частей с привлечением всех прямых и косвенных данных. При этом непременно необходимо помнить основополагающий принцип целостного метода, сформулированный в известной Венецианской хартии (принята в Венеции в 1964 году на II Международном конгрессе архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам): «Реставрация прекращается там, где начинается гипотеза».

Что же имели реставраторы, когда в 1979 году они приступили к археологическим раскопкам под наблюдением младшего научного сотрудника О. Никитиной? Каравансарай был почти полностью разрушен и представлял собой разрозненные остатки фундаментов и стен высотой не выше одного метра. Здание было построено из жженного кирпича размером 24x24x4 см (отсюда и название Каравансарая Хиштин, т. е. Кирпичный). Причем фундаменты в некоторых местах (западная часть) были полностью утрачены. Оставить памятник в таком бесформенном виде было невозможно, так как атмосферные осадки ухудшили бы состояние фундаментов,

состоящих из бутовых камней, скрепленных только поверху ганчевой обмазкой. Учитывая это обстоятельство, было решено законсервировать вскрытие стены и фундамента, дополнив их до определенной высоты (1,20 м) кирпичной кладкой до уровня раскреповок с последующей ее изоляцией от внешних атмосферных воздействий. Поэтому над кладкой появилась плита с цементной обмазкой сверху.

В процессе раскопок были выявлены материальные свидетельства, позволяющие датировать памятник поздним средневековьем, как нам представляется XVIII веком. Празда, казалось бы письменные источники, в частности, книга «Литературное наследие поэтов Гиссара», предоставляет более точную дату постройки каравансарая — 1808 год. Последняя датировка основана на данных устных опросов старожилов и поэтому она не может служить определяющим фактическим документом. Ориентируясь на некоторые архитектурно-планировочные, конструктивные особенности (например, традиция устраивать каравансарай в XIX веке из каркасных, плоскостровельных построек или отсутствие среди материальных находок явных данных по XIX веку), мы все-таки вынуждены критически отнестись к указанной «точной» дате и не настаивать категорически на начале XIX века.

Уже в процессе консервации памятника, возникла необходимость устройства в его дворовой части водосборного колодца. Перед его устройством, участок был прошурфован. В результате, впервые, была получена стратиграфия места расположения каравансарая. Получен археологический материал от первых веков до нашей эры по XIV—XV вв. Однако разговор об этом материале пойдет в другом месте.

Конечно, неискушенному посетителю, как было отмечено выше, весьма трудно по лабиринту кирпичных стен представить былой облик этого своеобразного сооружения. Ему только приходится на слово верить экскурсоводу, который в зависимости от своего красноречия мог живо или бедно представить утраченный облик каравансарая. И примеров-то сохранившихся зданий у нас в республике нет, разве что руины былых монументальных каравансараяв Среднего Востока, как, например, Рабати Малик в Кармина, Рабати Шераф, Рабати Султан, Дая Хатын в Хорасане и др. Поэтому в 1985 году сотрудники Специальных научно-реставрационных производственных мастерских Министерства культуры Республики Таджикистан решили разработать проект целостной реставрации каравансарая, тем более, что создание графической реконструкции первоначального облика памятников —

это один из этапов реставрационных работ. Чем же располагали реставраторы при создании целостного облика руинированного сооружения?

Во-первых, достаточно документированным материалом для воссоздания плана и структуры основания каравансарая. Во-вторых, пусть скудными, но реальными описаниями облика памятника очевидцами. Например, в 1925 году известный ученый-этнограф М. С. Андреев вместе с Е. М. Пещеровой, побывав в Хисоре, выясняют некоторые сведения о Каравансараяе Хиштин, построенном «...около 120 лет назад одним и тем же лицом — отцом упомянутого выше Сенд-Бия Аталика, по местному произношению «Сайид-Вали-Мин».

В третьих, реставраторам удалось обнаружить фотографию 1913 года, запечатлевшую каравансарай в первоначальном виде. Эта фотография была опубликована в 1915 году в книге Рикмера Рикларса. Давайте, посмотрим в эту уникальную фотографию, тем более, что она была снята с крепостной цитадели с охватом всего Регистана, занятого одноэтажной плотной застройкой вдоль торговой базарной улицы. На заднем плане последней четко просматриваются фасады Мадраса и Кухна и слева от него — Каравансарай Хиштин. Последний по своим масштабам не уступает мадраса и в целом создает цельный силуэт Регистана с двумя монументальными порталами и одноэтажными рядами помещений худжр, обращенных наружу глухими, но архитектурно обработанными стенами и нишами. Цельность двух рядом стоящих памятников усиливается и характером членений плоскостей фасадов глубокими арочными нишами, лопатками, системой открытой кирпичной кладки. В отличие от более внушительного мадраса, каравансарай не имеет угловых трехчетвертных башен-гульдаста, завершенных купольной ротондой.

Таково в общем, содержание фотографии, которая явилась основным фактическим документом (и наверное, единственным в своем роде) для графического воссоздания памятника и подготовки рабочих чертежей целостной реставрации (автор проекта: архитектор Н. С. Талбакова при участии архитекторов С. Репиной и Х. Рустамовой). Нет необходимости писать о той кропотливой работе проектировщиков по поиску других, в том числе, косвенных материалов.

В частности, реставраторы изучили многие подобного рода сооружения, дошедшие до нас в лучшем состоянии и поэтому способные служить дополнительным материалом в работе над проектом. Здесь может возникнуть закономерный вопрос этического плана — можно ли воссоздавать руиниро-

ванные памятники на основе археологических данных и единственного фотодокумента? Ведь в этом случае реставраторы создают новую, по сути дела, материальную и эстетическую ценность, современный памятник архитектуры. Что в этом случае подсказывает современная мировая и отечественная практика реставрации?

Всякое здание — памятник истории материальной культуры. Казалось бы в таких условиях возможна только консервация памятника или, в крайнем случае, лишь фрагментарная его реставрация, имеющая целью закрепить исчезающую форму или «подчеркнуть эстетическую или историческую ценность»; чего требует Венецианская хартия. Однако, нередко возникает потребность восстановить важный для истории архитектуры, весьма оригинальный для своего времени, редкий по своим формам, имеющий особое значение для завершения целостной градостроительной системы памятник средневекового города. В этом случае может ставиться вопрос о целостной реставрации здания. Здесь уже подлинность уступает место достоверности. Единственным оправданием в глазах общества может служить то обстоятельство, что здание-памятник должен характеризовать важный этап в истории общей культуры народа. В таких случаях иногда требуется восстановление такого памятника даже в виде научно обоснованной копии. А это значит, что для общества важно, чтобы зафиксированный этим зданием этап развития культуры не исчез из памяти, чтобы зритель не из книг, а наглядно узнал, что такой этап жизни народа был. Поэтому иногда приходится жертвовать памятником истории материальной культуры ради воссоздания памятника истории культуры. Примеров сказанному в зарубежной и отечественной практике много, особенно в послевоенные восстановительные годы, когда осознанно пришлось отойти от концепций венецианской хартии (например, Старо Место в Варшаве, дворцовые комплексы под Ленинградом и др.).

Столь длительное отступление от тематики данной брошюры было необходимо, чтобы подчеркнуть уникальность ситуации, которая возникает в связи с претворением в жизнь проекта целостной реставрации Каравансарая Хиштин. Такая ситуация возникает сейчас в связи с завершением облика средневекового Регистана Хисора. Дело в том, что заповедник носит название «историко-культурный», целью которого является воссоздание на основе средневекового города важнейшего этапа в культурной жизни таджикского народа. До сих пор о древнейших традициях строительства и архи-

тектуры жители республики и ее гости узнавали по отдельным, разрозненным памятникам различных времен, причем разбросанных в разных частях горной республики, а значит и часто недоступных для их обозрения. В Хисоре же появилась возможность своеобразным образом воссоздать крупный целостный фрагмент истории культуры таджикского народа. И здесь метод целостной реставрации, граничащий с созданием копии какого-либо утраченного типа сооружения просто необходим и оправдан со многих позиций. В частности, целостное воссоздание каравансарая диктуется следующими соображениями. Во-первых, как было отмечено выше, необходимостью существенного дополнения Регистана типом сооружения торгово-гостиничного назначения. Во-вторых, как еще будет отмечено ниже, курпичная структура каравансарая для Таджикистана является уникальным и нигде более не повторяющимся, т. к. подобные городские сооружения в XIX веке представляли собой невзрачные каркасные постройки с плоскими балочными кровлями. Кирпичный же вариант каравансарая с классической схемой планировки и архитектурной, характерной для средневекового периода, придаст памятнику важное звено в развитии подобной типологии в Таджикистане.

В-третьих, для создания соответствующей средневековому Регистану среды необходимо в него «вдохнуть жизнь». Что это означает? По плану создания историко-культурного заповедника в мадраса Регистана намечается создание музеев истории быта и традиционных обрядов, ученых-энциклопедистов Востока. Эти музеи несомненно будут привлекать посетителей, но ожидать постоянного использования их с большим притоком людей не приходится. Значит Регистан, несмотря на частое посещение туристических групп, будет безлюден, «без жизни». Каравансарай же является в прошлом средоточием кипучей торговой жизни, куда людей привлекал частный проезд торговых караванов, лавки, мастерские и другие предприятия. Сюда людей привлекала и возможность узнать новости за пределами Хисора и всей Восточной Бухары, здесь люди общались как духовно, так и на уровне торговых сделок, обмена и культурного обогащения.

Интерес современных жителей республики и гостей к последним не иссяк и его (т. е. интерес) вновь можно возродить, организовав здесь действующий музей народных ремесел и торговые ряды (вспомним фотографию 1913 года, где изображена торговая базарная улица, ведущая от площади Регистан к каравансарая). Именно тогда Регистан будет

жить как в былые времена, здесь будет звучать многоголосье и разноязычная речь и современная жизнь как бы сольется со средневековой. Вот почему решено воссоздать каравансарай, вот почему стоит частично пожертвовать подлинностью памятника.

Например, для постройки стен, устройства портала, купольных и сводчатых покрытий над помещениями придется полностью зарыть, а кое-где и заменить подлинные остатки стен и фундаментов. Ведь для противостояния частым сейсмическим колебаниям почвы необходимо будет укрепить железобетонной «рубашкой» ослабленный из-за подпочвенных вод фундамент из бутовых камней. В наиболее конструктивно ответственных местах (устой портала, арочных покрытий и др.) придется устанавливать железобетонный сердечник для погашения нагрузок и многое другое. Вот почему очень тщательно были взвешены «за» и «против» необходимости целостной реставрации памятника и графической реконструкции, выполненной названными выше архитекторами-реставраторами СНРПМ.

В разработанном проекте при всем его научном обосновании есть все-таки домыслы, гипотезы, субъективные интерпретации архитектурных приемов. Это было неизбежно. Уж очень недостаточно достоверных сведений о памятнике, где главным в реконструировании фасада является единственная фотография! Но, как уже было отмечено выше, столь дорогая жертва (подлинность) должна оправдаться благородной целью, т. е. воссозданием памятника истории культуры. И в завершении темы разговора о проекте реставрации отметим, что при его разработке авторы за образец для подражания (так же как и зодчий каравансарая) приняли Мадрасаи Кухна. В частности, на основе пропорционального построения портала мадраса был построен портал каравансарая. Почти без изменения реставраторы приняли и существование верхнего помещения над входным айваном за порталом, была повторена ритмика и пластика фасадов худжр, выходящих во внутренний двор, высота и конструкция интерьера и его покрытия, приемы устройства внутренних лестниц на кровлю и многое другое. Читатель конечно понимает, что все это в общем предположения, хотя и основанные на достоверных фундаментах и фрагментах стен, но не будем вновь и вновь приводить доводы в оправдание необходимости столь большой жертвы.

Теперь перейдем непосредственно к описанию архитектуры каравансарая, ориентируясь на его графическую рекон-

струкцию, по которой и будут произведены реставрационные работы в ближайшие годы. При этом мы будем совершать небольшие экскурсии в историю формирования этих своеобразных сооружений, распространенных на огромной территории Среднего Востока, Закавказья и Восточной Европы. Для подтверждения последнего назовем только несколько примеров каравансараяв: Атарбекяна, Ахкенда, Яйджи, Неркин Джрапи в Армении, Дербенте на Восточном Кавказе, в Баку, Осетии и др.

По своей планировке Каравансарай Хиштин представляет вытянутый прямоугольник из одно-двухэтажных построек вокруг замкнутого внутреннего двора, ориентированного центральной продольной осью на север-юг с размерами внешних сторон 37,5х47,5 м. Двор, занимающий центральную часть прямоугольника, имеет размеры 25х33 м. На северной стороне прямоугольника на продольной оси устроен портал-пештак с проходом во внутренний двор. Арочная ниша портала ведет снаружи в прямоугольного профиля переходной отсек с полотнищами деревянных резных ворот. Непосредственно за воротами в левой части отсека устроена винтовая лестница со сводчатым покрытием, ведущая в помещение второго уровня. Здесь устроена мехмонхона, т. е. гостиная с купольным покрытием. Это помещение имеет в плане квадратную форму размером 3,4х3,4 м, получившая крестообразную структуру за счет арочных ниш по четырем сторонам стен. Купол опирается на эти арки и щитовидные паруса, устроенные на углах четверика. Освещение мехмонхоны происходит через оконные проемы в середине четырех стен. В северной стене световой прямоугольный проем выходит на щипцовую стену арочной ниши портала.

За проходным отсеком устроено квадратное помещение, увеличенное за счет двух арочных ниш. За этим помещением, перекрытое сводом на щитовидных парусах, следует глубокий арочный айван, обращенный во двор.

Сквозной проход, но более узкий (ширина 153 см), устроен и в противоположной главному порталному входу стороне, т. е. южной. Со стороны двора он оформлен в виде небольшого портала со сводчатым проходом в середине. Этот проход представляет собой сплошной коридор, выходящий наружу. С восточной стороны коридора в толще стены устроена внутренняя сводчатая лестница, ведущая на верхний уровень. Здесь над сводчатым проходом устроено прямоугольное помещение с обращенным во двор прямоугольным проемом, через который и осуществляется освещение комнаты на

втором уровне. Третий узкий коридор устроен и на узкий проулок, образованный западной стеной каравансарая и восточной — Мадрасан Кухна.

На северном фасаде по обе стороны от портала устроен ряд небольших камер (их по 6 с каждой стороны), обращенных в сторону базарной улицы Регистан. Они выполняли роль торговых лавок площадью каждая около 6 кв. м. Глубина этих лавок-ниш — 3,2 м. Перед лавками устроена чуть приподнятая над уровнем улицы площадка-суфа, выложенная кирпичем плашмя и оформленная с краю кладкой вертикально уложенных кирпичей — дандона. Такая же суфа-площадка проходит внутри двора с его западной и восточной стороны, определяя входную площадку более одного метра перед худжрами.

Худжры — жилые помещения, выходящие на внутренний двор, образуют однорядную застройку. Их количество 34, включая и четыре угловых помещения, наиболее крупные по площади (410х425 см). В одном из худжр в юго-восточной части двора устроена лестница, выводящая через сводчатый фонарь на уровень кровли каравансарая.

В каждой типовой худжре, перекрытой сводом «балхи» эллиптического очертания в плане, в углу стены с выходным проемом устроена ниша с очагом-камином с дымоходом, выходящим на кровлю. Этот очаг помимо своего прямого назначения, т. е. приготовления пищи, служил и как дополнительный отопительный прибор. На полу худжр, как это было выявлено раскопками, были устроены сандалы — отопительные устройства в виде углубления со столиком поверху, накрываемого одеялом. Вокруг этого столика и сидели в зимние вечера, опустив ноги под одеяло, где было тепло от горящих углей, находящихся в углублении.

Названные бытовые устройства не имеют только угловые залы, которые, видимо, использовались как складские помещения особо богатых иногородних купцов. Каждую худжру предварял обращенный во двор углубленный арочный айван (глубина 80 см при ширине 259 см). В более глубокие айваны, устроенные на углах двора, выходят по три дверных проема с решетками-панджара над ними из ганча. Все двери худжр и мехмонхона выполнены из дерева по типу «багдо-ди» со скромной орнаментированной резьбой. Пол худжр, айванов и площадок, о которых говорилось выше, выложен квадратными жжеными кирпичами.

Ниже уровня выстилки пола двора от северного входа к южному проходу устроена дорога, вымощенная камнем.

Поверхность дороги-прохода, ограниченной с восточной и западной сторон каменной стенкой и кладкой дандона поверху, представляет собой пандус с понижением к югу. По этому пандусу проносили товары для складирования. Возможно, наиболее тяжелые грузы заносились во двор животными, здесь они разгружались и вновь выводились наружу, т. к. двор не приспособлен для содержания лошадей или верблюдов.

На кровле выделяются своды над худжрами — они эллипсоидного очертания. Над угловыми квадратными помещениями своды имеют циркульные очертания в плане и они несколько выше остальных. Вся поверхность кровли, как и своды и купола, облицованы квадратными кирпичами плашмя. Атмосферные осадки, т. е. дождевые и снеговые воды, с поверхности кровли выводятся с помощью внутреннего водостока, устроенного в толще внешних стен каравансарая, а также через деревянные водосливы, устроенные на боковых фасадах сооружения. По краю кровли как внутри, так и снаружи проходит кирпичный бортик-парапет, оформленный поверху кладкой кирпича дандона. Для того, чтобы вода из водослива не попала в фундамент, вокруг здания сделана железобетонная отмостка, облицованная сверху кирпичем. Вода по наклонной плоскости отмостки сливается в канаву и оттуда выносится за пределы каравансарая.

Архитектура каравансарая, как уже отмечалось выше, близка Мадрасаи Кухна. Внешнюю эстетику фасадов создавала тщательно выполненная кирпичная кладка, где само сочетание кирпича желто-охристого цвета с ровными полосками ганчевого раствора служило эффектным декоративным средством. Особенно привлекательна пластичная разработка северного, главного фасада, где глубокие затененные арочные ниши лавок-дуканов композиционно подчеркивают значимость импозантного портала-пештака. Профилированная внешняя плоскость последнего образует П-образную раму вокруг арочной ниши, в которой врезана еще одна арка с прямоугольным проемом ворот. В верхней части на оси щипцовой стены портала виден прямоугольный световой проем мехмонхоны, устроенный за порталной плоскостью над входным айваном. Некоторую утонченность в облике фасада каравансарая придает пояс дандона поверху бортика кровли и криволинейные очертания купола над угловыми квадратными помещениями. Помимо этого, понизу стен четко выделяется ровная горизонтальная деревянная полоса, отделяющая фундамент от стены. Она не только подчеркивает разноуров-

неность поверхности земли вокруг здания, но является важным конструктивным элементом стен. Это деревянный брус, уложенный поверху выровненного фундамента, выполняет роль антисейсмической прокладки, погашающей за счет своей упругости сейсмические колебания при сильных разрушительных землетрясениях. Такая особенность строительной культуры весьма характерна для горных районов Таджикистана. Например, еще в древности в фундаменты монументальных сооружений вводили деревянные балки или брусья. Эта веками выверенная строительная традиция дошла до XIX века. И сейчас деревянные прокладки можно увидеть в толще фундамента мечетей как в предгорной долине Хисора, так и в соседней Зарафшанской, на Каратегине, Дарвазе и других местах.

Теперь, видимо, необходимо остановиться на вопросе о самом типе каравансарая, возникновение которого ученые относят еще к доарабскому времени. Причем, формирование каравансарая тесно было связано с другим типом сооружения — рабатом. Последний был укрепленной станцией для конной охраны в пограничных зонах и их строили уже римляне и сасаниды на Ближнем и Среднем Востоке. При арабах эти крепости получили специальный термин «рабат» и они приобрели дополнительную функцию специальных сооружений для газиев — борцов за веру в первые годы исламизации завоеванных территорий. Как свидетельствует В. В. Бартольд, известный востоковед, рабаты впервые учредил в первой четверти VII века Омейядский наместник в Хорасане Ашрас ибн Абдаллах (727—729).

Несомненно, уже в VIII веке рабаты были и в Мавераннахре, где борьба против ислама была особенно ожесточенной. Но к X веку с утверждением ислама повсеместно в Средней Азии значение рабатов в их первоначальном смысле (крепости газиев) постепенно утрачивались, первоначальная функция рабатов как военных крепостей была забыта и крепости эти использовались как гостиницы, каравансарай или превращались в обители религиозных подвижников — хонака. Термин «рабат» продолжает существовать в каравансараях в отдельных местах вплоть до развитого средневековья, например, Рабаты Малик близ Кармина, каравансарай XI века, расположенный на старой дороге Самарканд—Бухара. Правда, хисорский каравансарай весьма отдаленно напоминает Рабаты Малик, т. к., во-первых, последний пример—это наиболее ранний этап эволюции рабатов в каравансарай. Во-вторых, хисорское сооружение — это городское и здесь ми-

нимальный набор помещений, необходимый для классических каравансараяв, возводимых, в основном, в открытой местности, вдали от городов. Вот почему в Рабати Малик мы имеем укрепленное башнями и крепостными стенами многодворовое сооружение с целым комплексом построек внутри него: здесь были не только жилые помещения, но и хозяйственные, охранные, складские, круглая купольная ротонда, мечеть, сардоба и др.

Хисорский памятник, вобрав в себя тысячелетний опыт строительства каравансараяв, в условиях городской застройки превратился в узкоспециализированное, но многофункциональное торгово-гостиничное сооружение, где не держали животных, где не было мечети, сардоба и других сопутствующих им частей. Здесь только сгружали караваны и тут же начинали торговлю в лавках и торговых рядах-раста на городской площади. Верблюды, лошади или ослы с грузом оставались у ворот, а может, и у внутреннего прохода. Отсюда заносили во двор грузы, а животных уводили в специально отведенное место за пределами Регистана. Необходимости в защите караванов от разбойничьих нападений не было, поэтому здание не было укреплено угловыми башнями. Эти функции выполнял сам город, имевший четверо укрепленных ворот.

В каравансараях в основном жили торговцы, погонщики, купцы, путешественники, приехавшие в город издалека, т. е. его основная функция — это гостиничный двор у городского рынка. Как пишут А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович и О. Г. Большаков в своей книге «Средневековый город Средней Азии», в небольших городах торговый центр, пассаж, как правило, располагался в центре, т. е. в регистане. Да и само понятие «каравансарай» в «Толковом персидском словаре» трактуется как синоним гостиницы, постоялому двору, «хану». Это свидетельствует о совмещении функции жилища и торговли в одном здании под названием «каравансарай». Таким образом, как замечает Л. Ю. Маньковская, в городском каравансараях объединялись функции временного жилища, общежития, производства и торговли.

Многофункциональность каравансараяв в городах отмечают, например, Ибн Хаукаль и Носир Хисрав: «Я видел там (в Мисре) каравансарай, где жили торговцы касабом, в нижнем этаже жили портные, а в верхнем — штопальщики... В Исфагане на улице Вышивальщиков было 50 каравансараяв, в каждом из них жило много торговцев и жильцов». К слову сказать, вот почему решено в реконструированном ка-

равансарая Хисора устроить музей народных ремесел, воссоздающих былые функции этого своеобразного сооружения.

Теперь еще раз о дуках, устроенных на северном фасаде каравансарая. Такой планировочный прием в целом редко находит аналогии в среднеазиатском зодчестве и он в основном стал характерным в XVII—XIX вв. в условиях городов. Сам по себе дука — это отдельная постройка с плоской крышей, где совмещаются функции ремесленной мастерской и места сбыта ее продукции. Вписанную же в каравансарай дука в виде помещения с входной нишей-айваном перед ним мы можем увидеть в поздних каравансараях Бухары, Хивы, сохранившихся до наших дней в несколько искаженных вариантах (Калта Сарай, XVI в., Мадрасан Диван беги, XVII в., в Бухаре, каравансарай Аллакули хана, XIX в. в Хиве и др.). Так, из названных памятников интересен каравансарай Аллакули хана в Хиве, построенный в XIX веке.

Это городское сооружение существовало некоторое время как самостоятельный комплекс дворового типа с обширным двором, обстроенным жилыми худжрами в два этажа. На главный фасад, по сторонам от портала, как и в хисорском памятнике, выходили арочными нишами лавки. В хивинском каравансараяе такое же, как и в хисорском, решение угловых квадратных помещений, где вход организован через коридор, проходящий по диагонали двора. Правда, здесь нет сквозного прохода в противоположной главному входу стороне. Здесь это место выделено укрупненным айваном-порталом, ведущим в две худжры. Нет здесь и центрального заглубленного пандуса. Однако близость планировочной композиции (двухайванно-дворовой) очевидна. В 1836 году к главному фасаду хивинского каравансарая был пристроен купольный торговый пассаж-тим для продажи шелка-сырца и изделий из шелка, которые завозили сюда.

Последний пример приведен здесь с целью показать трансформирование торговых лавок в пассаж, что было обычным явлением в зодчестве Средней Азии и Переднего Востока. Например, близким рассматриваемому типу образцом каравансарая в зодчестве Переднего Востока является торговый центр Дербента, где каравансарай XVIII века представляет собой квадратный в плане двор с многочисленными жилыми помещениями. Снаружи каравансарай был обстроен жилыми домами и лавками. На торговую площадь каравансарай был обращен монументальным порталом. В середине XIX века большинство помещений этого сооружения было перестроено.

Не является ли вышеназванная традиция подсказкой дальнейшего развития каравансарая Хисора, который необходимо будет дополнить, например, с восточной стороны торговыми рядами-раста в виде одноэтажной легкой каркасной застройки. Таким образом можно было бы завершить Регистан с востока, где сейчас мы видим не благоустроенную территорию.

Вышеприведенное позволяет утвердиться в том, что Хисор в позднем средневековье был одним из экономически развитых бекств в Восточной Бухаре. Многочисленные караваны, проходящие по Хисорской долине от Бухары в горные районы и на юг в Хорасан, не миновали этот многолюдный город. Здесь они могли не только сбыть свой товар, но и приобрести новые, не менее ценные. Например, Хисор и его округа славились высококачественными гончарными, ткацкими, металлическими, оружейными и другими изделиями, которые вывозились далеко за пределы долины. Во всей Восточной Бухаре была известна шелковая ткань под названием хисорской «алачи». Более того, в начале XX века американский археолог Р. Пампелли писал, что «шелк, сотканный в Каратаге и Хисоре, ценится во всех городах Центральной Азии». Да и сам Хисорский базар, по словам Н. Стремоухова, побывавшего там в 1874 году, считался самым значительным в Бухарском ханстве, наравне с базарами самой Бухары и города Карши.

Все это говорит о том, что в Хисоре был не один каравансарай с лавками, а больше. Видимо, они были более скромные как по конструкциям и строительным материалам, так и по размерам. Но время не донесло до нас эти сооружения, да и сам раскопанный кирпичный каравансарай дошел в руинированном состоянии. И он был, несомненно, одним из достопримечательных зданий городского центра. Возродить его функции и сделать каравансарай еще одним из объектов Гиссарского историко-культурного заповедника — это одна из важных задач ученых, реставраторов и строителей. Хочется верить, что через несколько лет Хисорский Регистан со своим торговым центром вновь станет местом притяжения не только жителей Таджикистана, но и гостей из-за рубежа. И вновь Регистан заживет полнокровной жизнью — торговой, ремесленной, культурной. Всему этому будет способствовать музей ремесел и торговый центр на базарной площади.

ЛИТЕРАТУРА:

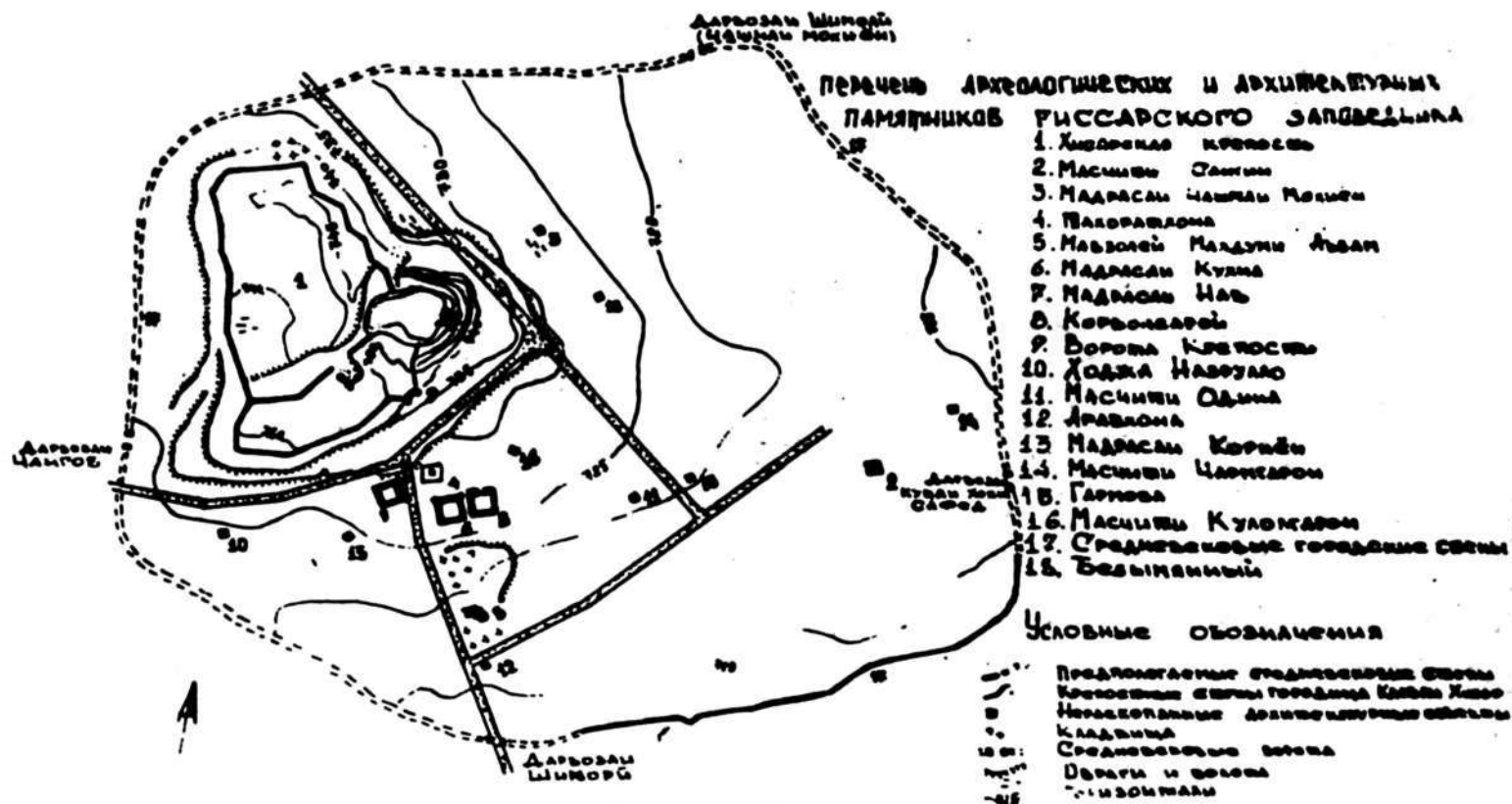
1. И. Ф. Бородина. Среднеазиатские торговые центры.— Архитектурное наследство, вып. 24, 1976, с. 176—185.
2. В. Л. Воронина. Ансамбли среднеазиатских городов.— Там же, с. 162—168.
3. С. О. Хан-Магомедов. Общественно-торговый центр Дербента.— Там же, с. 143—150.
4. О. Х. Халпахчян. Гражданское зодчество Армении.— М.: Стройиздат, 1971, с. 184—209.
5. О. Х. Халпахчян. Караван-сарай Армении.— Архитектурное наследство, вып. 11, 1958.
6. М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. История архитектуры Азербайджана. М.: Стройиздат, 1963.
7. А. М. Прибыткова. Строительная культура Средней Азии в IX—XII вв. М.: Стройиздат, 1973.
8. М. С. Андреев. Сб. по Таджикистану. Ташкент, 1925.
9. Методика реставрации памятников архитектуры. М.: Стройиздат, 1977.
10. Консервация и реставрация памятников и исторических зданий. Перевод с французского. М.: Стройиздат, 1978.
11. Р. С. Мукимов, С. М. Мамаджанова. Зодчество Таджикистана. Душанбе: Маориф, 1990.
12. В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских.— Соч., т. II, ч. I. М.: Наука, 1963, с. 247.
13. Н. Б. Немцева. Рабат-и Малик.— В кн.: Художественная культура Средней Азии IX—XIII вв. Ташкент: Издат. литер. и искусств., 1983, с. 112.
14. А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973, с. 296, 297.
15. Л. Ю. Маньковская. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX—начало XX вв.). Ташкент: Фан, 1980, с. 53.
16. Носири Хисрав. Избранное. Пер. А. Адалис и др. Сталинабад, 1949, с. 98.
17. О. Д. Чехович. Самаркандские документы XV—XVI вв. (о владениях Ходжа-Ахрара в Средней Азии и Афганистане). М., 1974, с. 378, прим. 4.
18. Л. Маньковская, Б. Булатова. Памятники Зодчества Хорезма. Ташкент: Издат. литер. и искусства, 1978, с. 58—59, рис. 54.
19. Н. Н. Ершов. Каратаг и его ремесло. Душанбе: Дониш, 1984, с. 3.
20. Н. С. Стремоухов. Поездка в Бухару.— Русский вестник, 1875, № 6.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Хисорский заповедник и его архитектурные памятники. (Вступительные статьи на русском, таджикском, английском и фарси языках).	2
Н. Н. Негматов. Хисорский заповедник: история создания	17
З. Алиева, Р. Мукимов, П. Самойлик. Мачити Сангин	40
Р. Мукимов. Мавзолей Махдун Аъзам	53
Р. Мукимов. Мадрасаи Кухна	68
Р. Мукимов. Мадрасаи Нав	81
Р. Мукимов, З. Алиева, П. Самойлик. Каравансарай Хиштин	96

Сдано в набор 19.08.92. Подписано в печать 20.12.92.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. печ. л. 6,51. Усл. кр. от. 6,63. Уч. изд. л. 6,55. Тираж 5.000.
Заказ 176. Цена договорная.

Типография АН Республики Таджикистан, 734029, Душанбе,
ул. Айни, 121

"Гиссарский заповедник..."

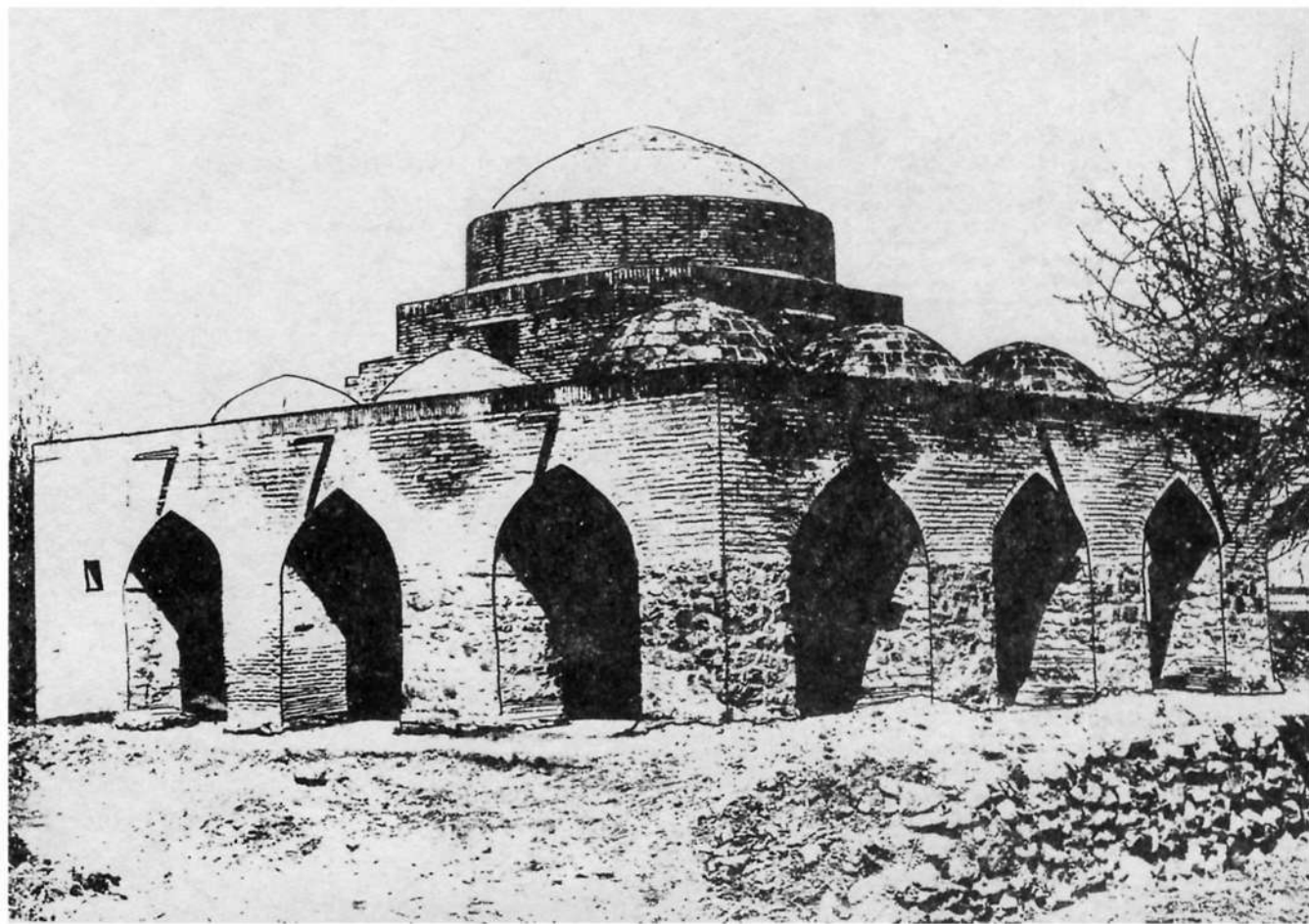

Рис. I. Масгити Сангин, современный общий вид после реставрации, 1990г.

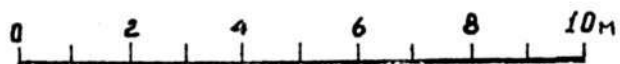
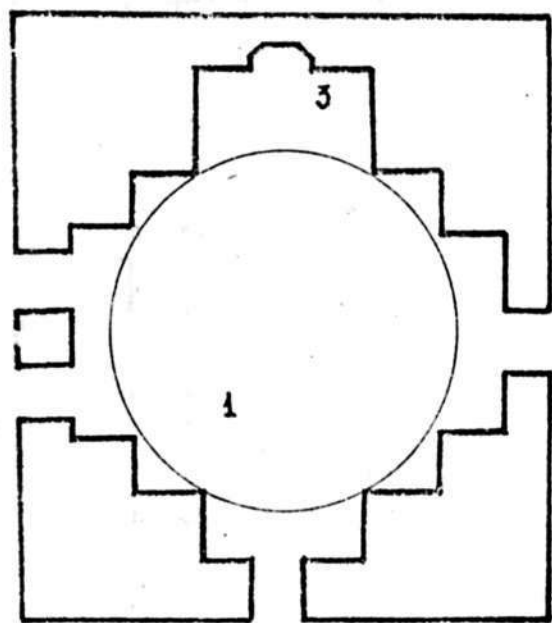
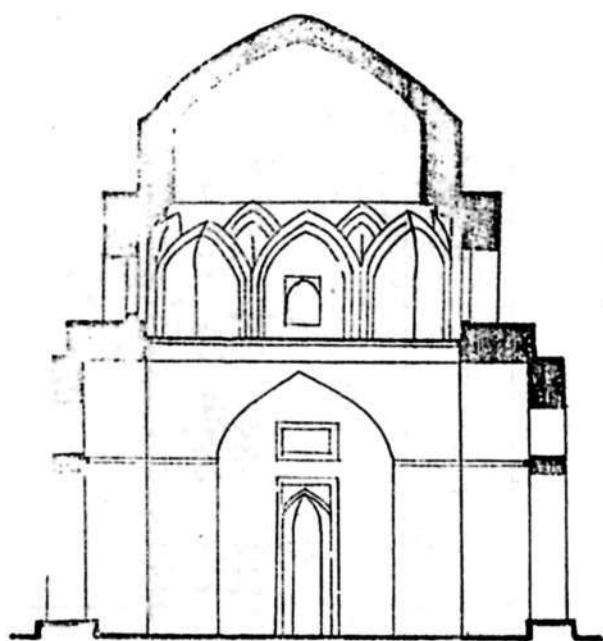

Рис.2 Разрез и план. Мачити Сангини в первый период существования

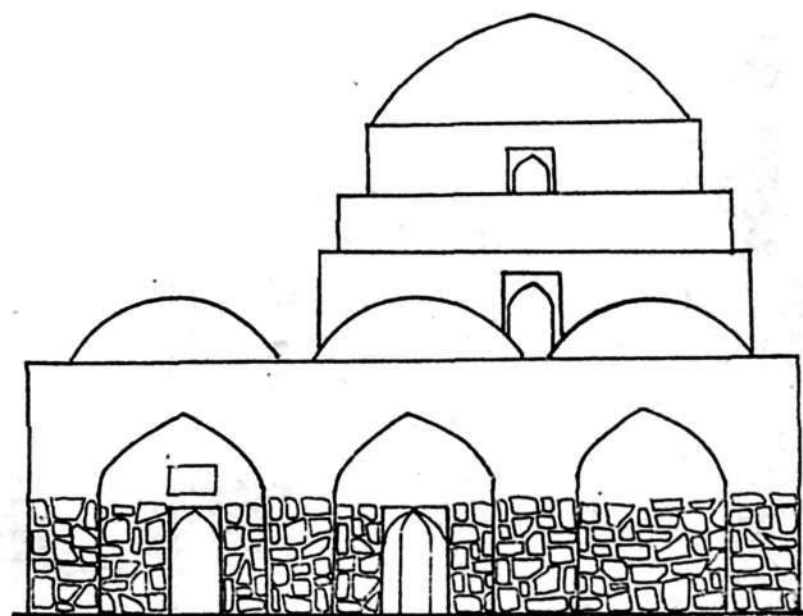
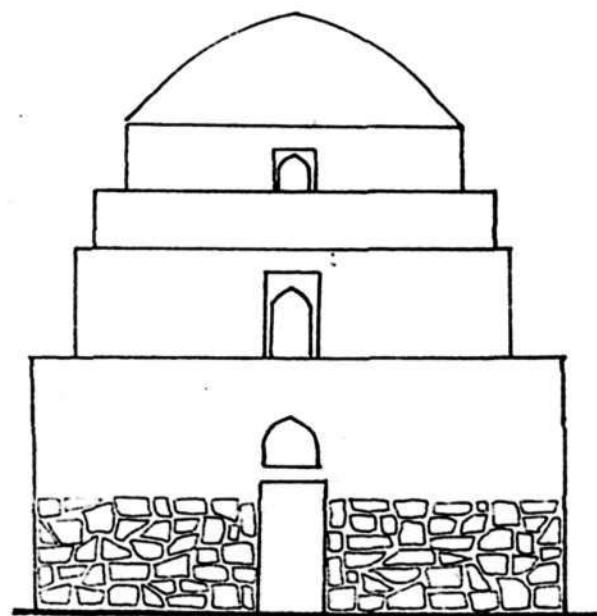

Рис.4. Фасады Мечети Сангина

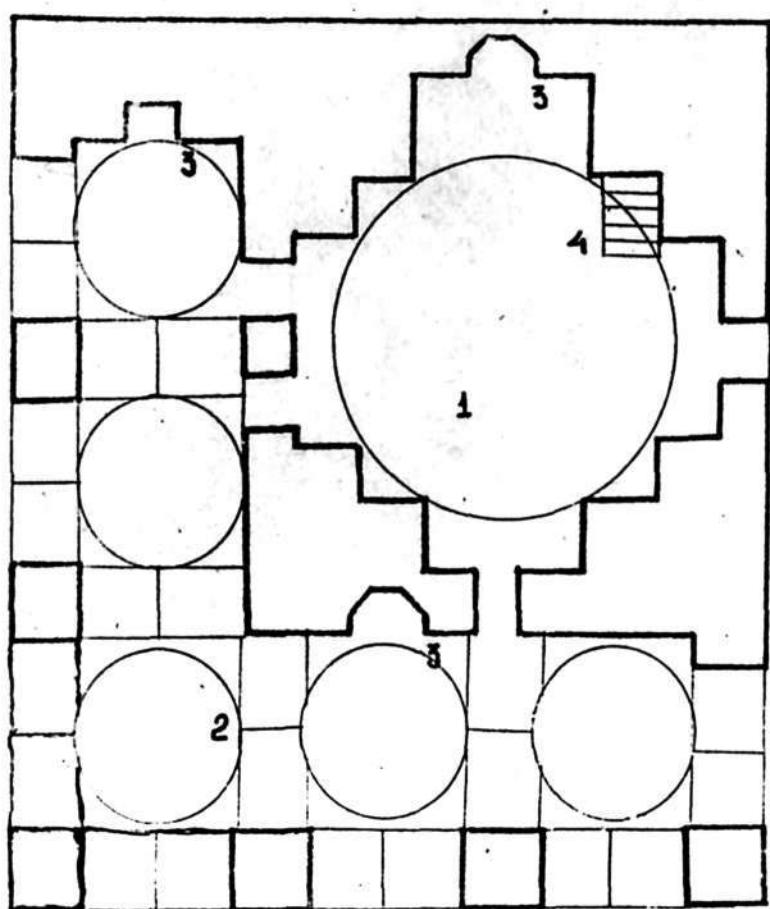
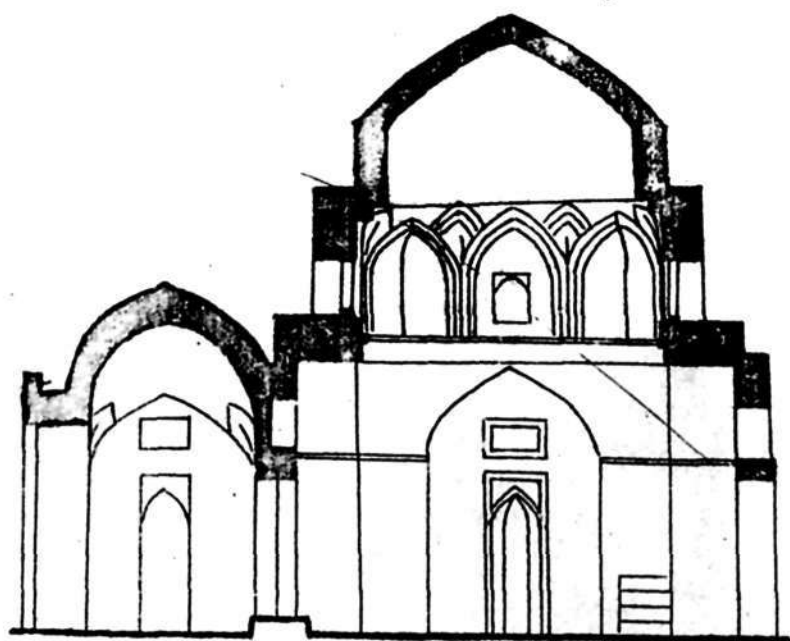

Рис.3. План и разрез Мачити Сангина

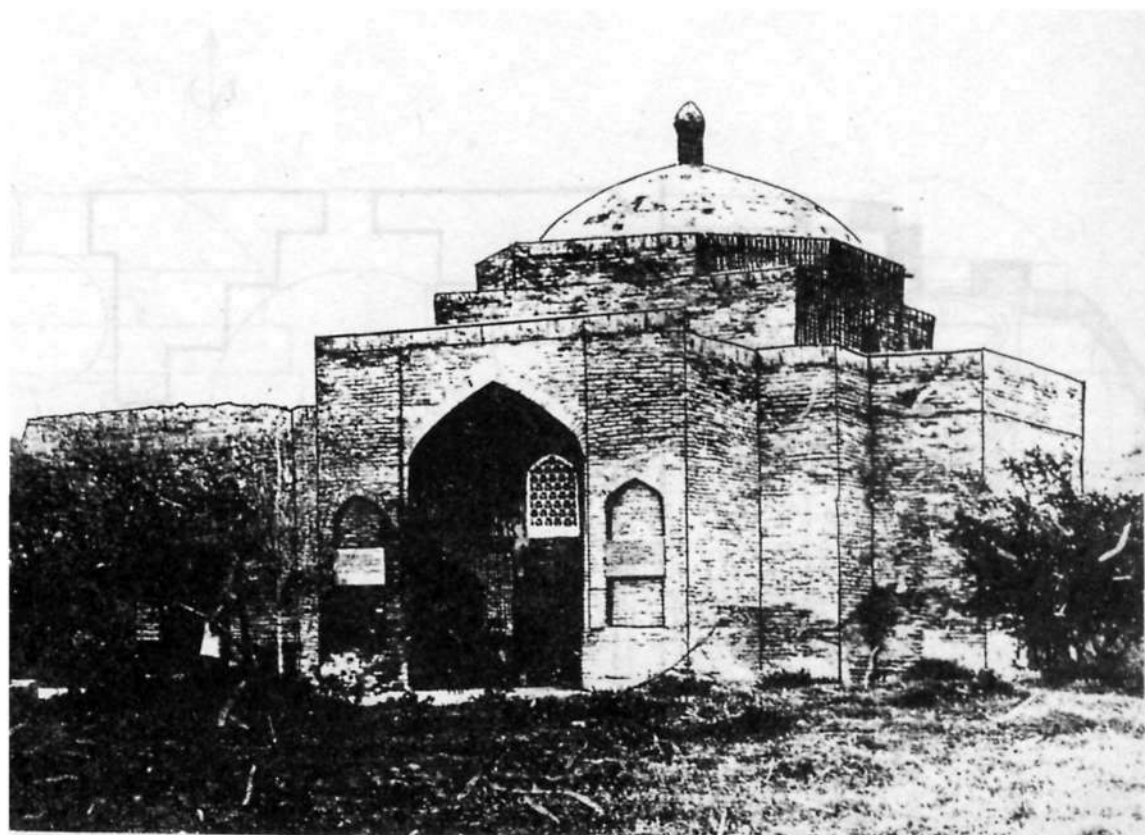

Рис. I. Махдуми Аъзам.

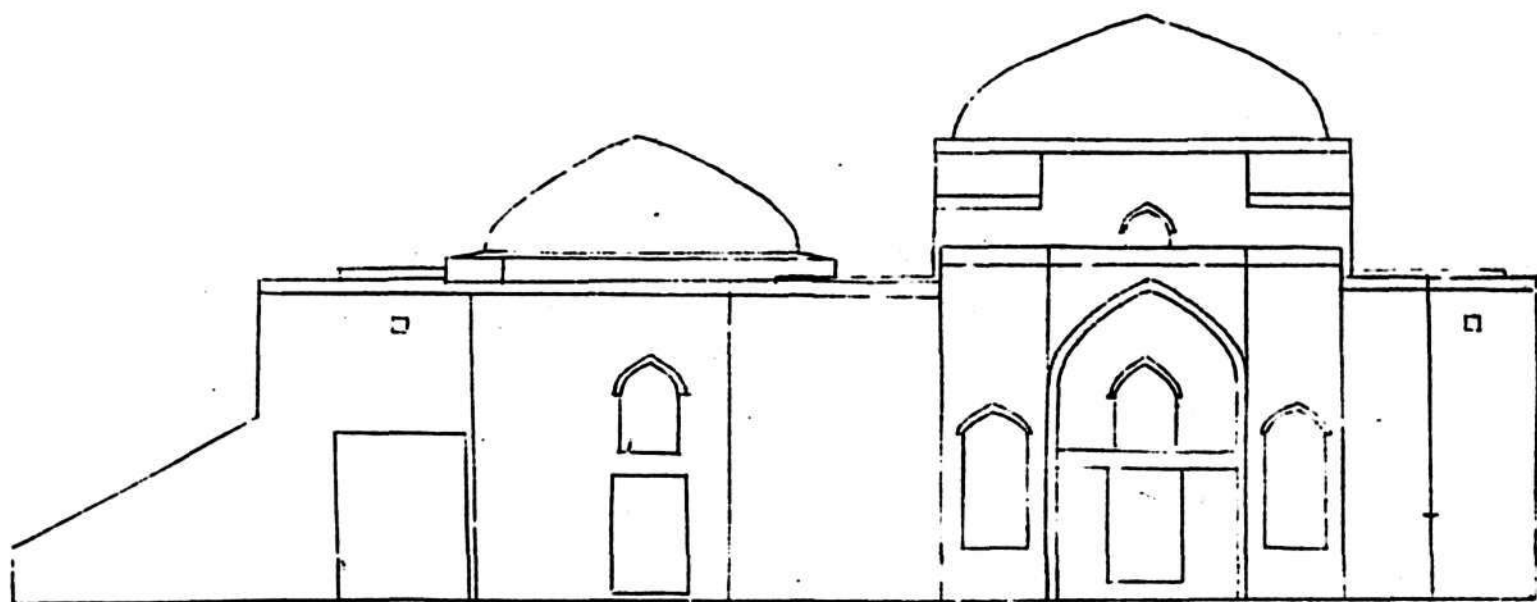

Рис.2. Фасад южный

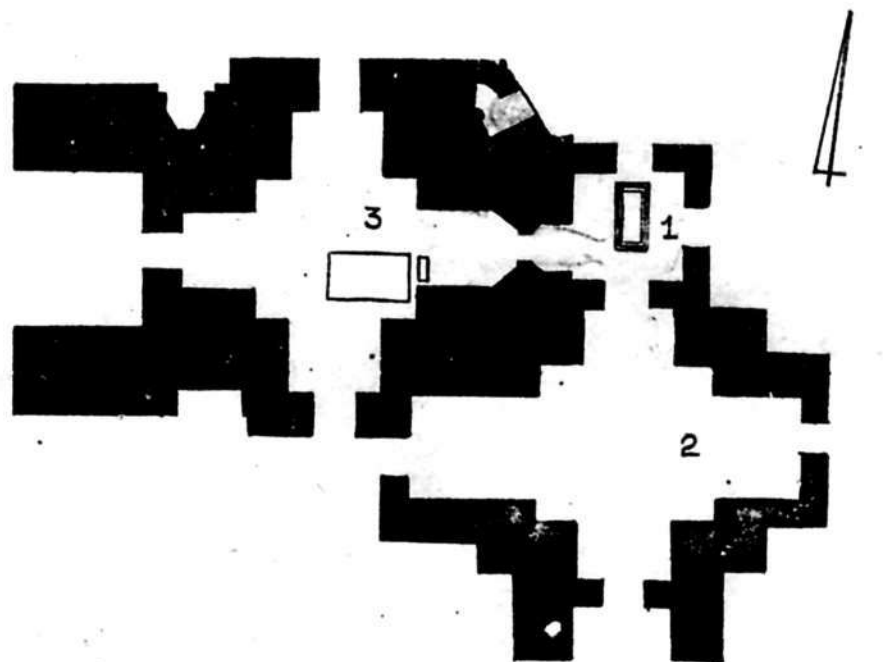

Рис.3 План
1.гурхона XIв.
2.зиератхона XIIв.
3.гурхонаXV-XVIвв.

0 2 4 6 8 10 м

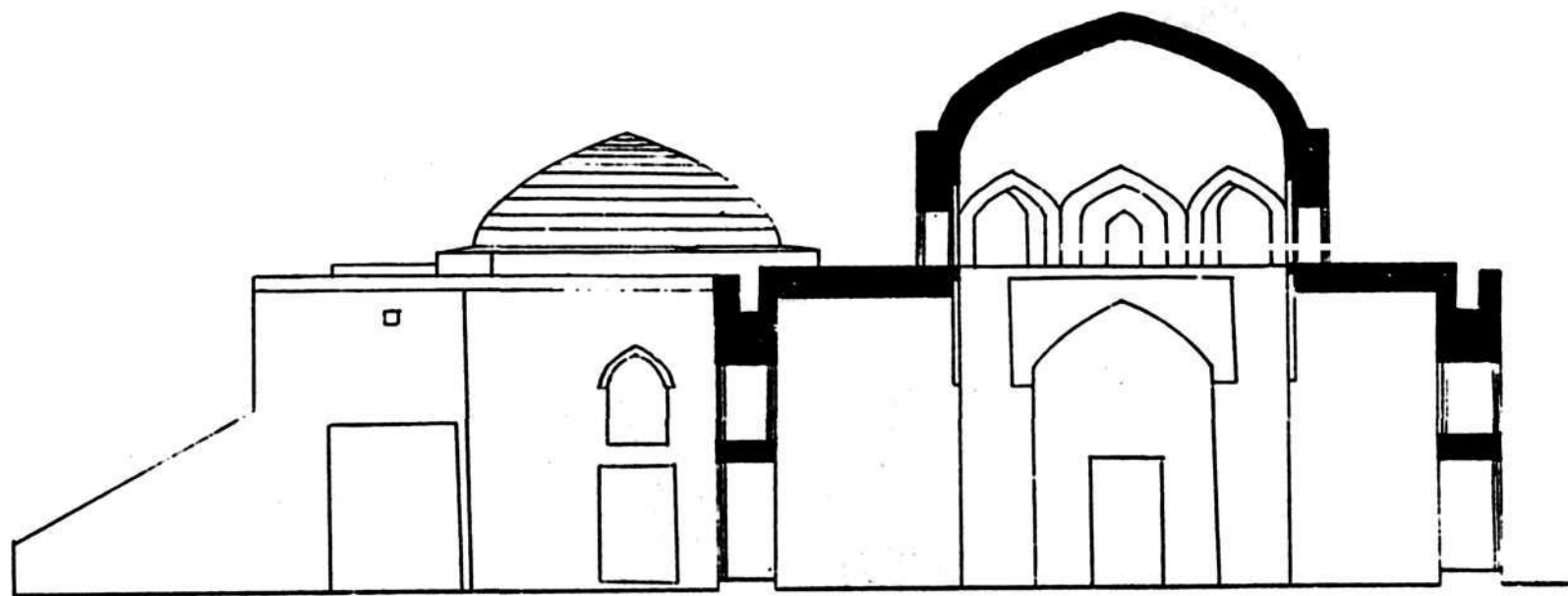
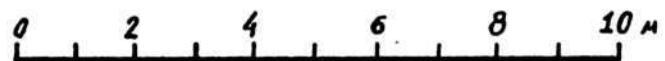

Рис.4 Разрез

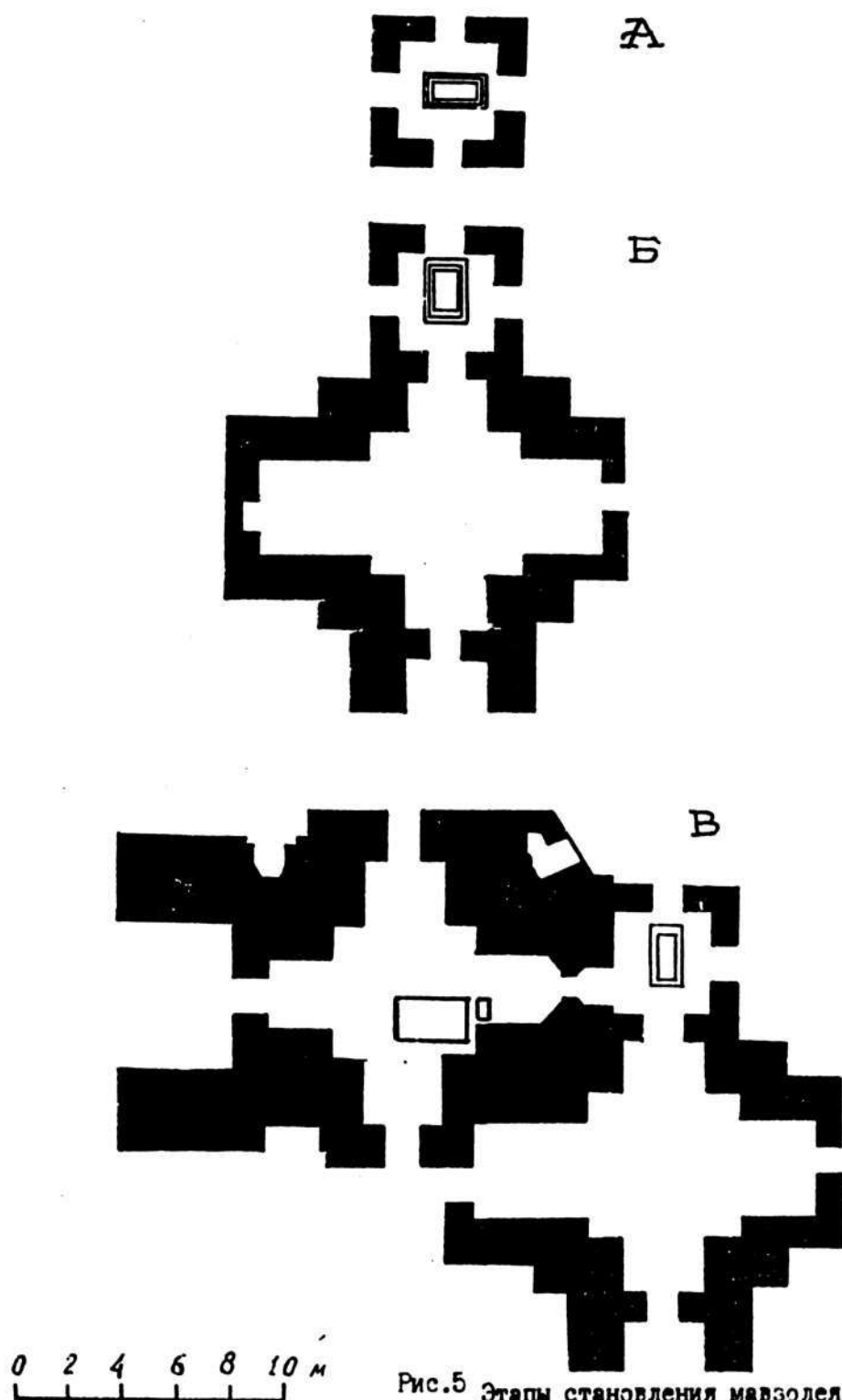

Рис.5 Этапы становления мавзолея
 А-чортак-мавзолей, XI в.
 Б-двухкоммерный мавзолей, XII в.
 В-мавзолей-конгломерный, XV-XVI вв.

Рис. I. Вид с городской площади средневекового
Хисора, фото 1991 года

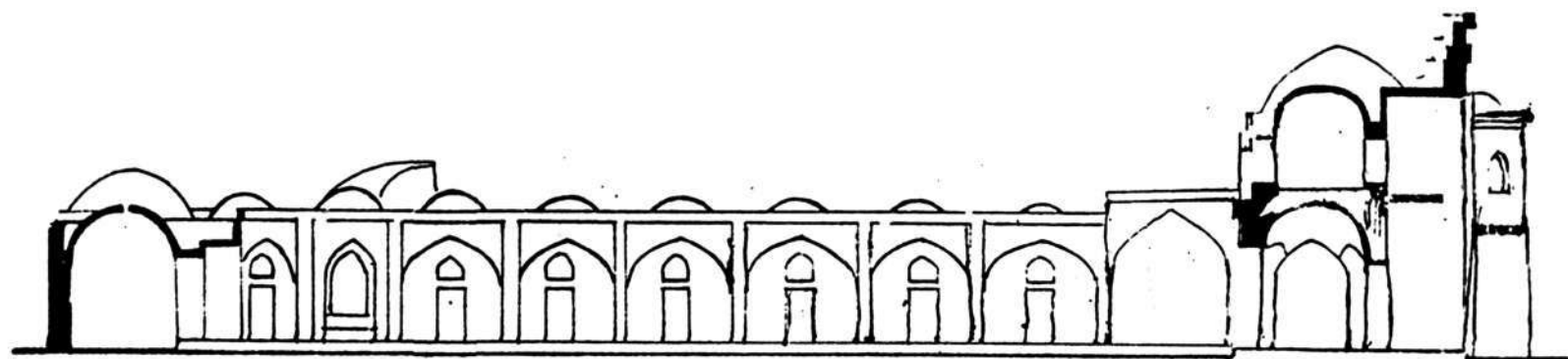
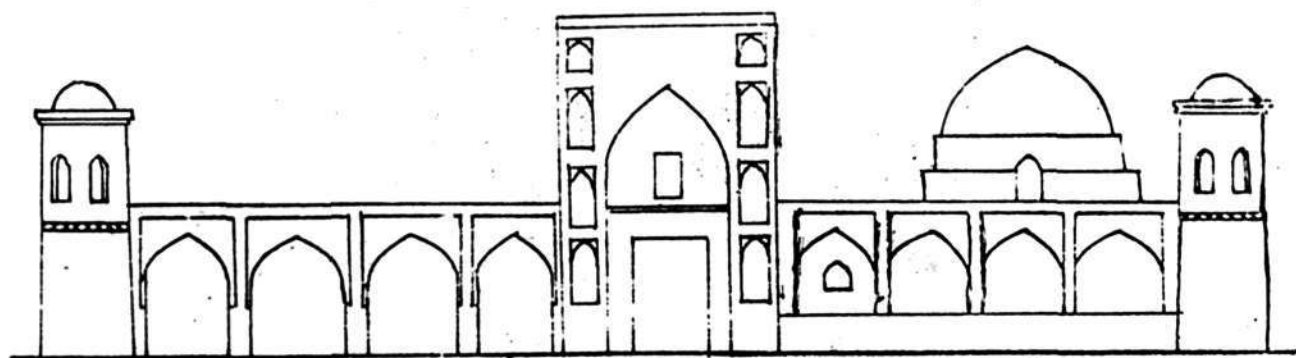

Рис.2.Северный Фасад и разрез Мадрасаи Кухна.

0 2 4 6 8 10

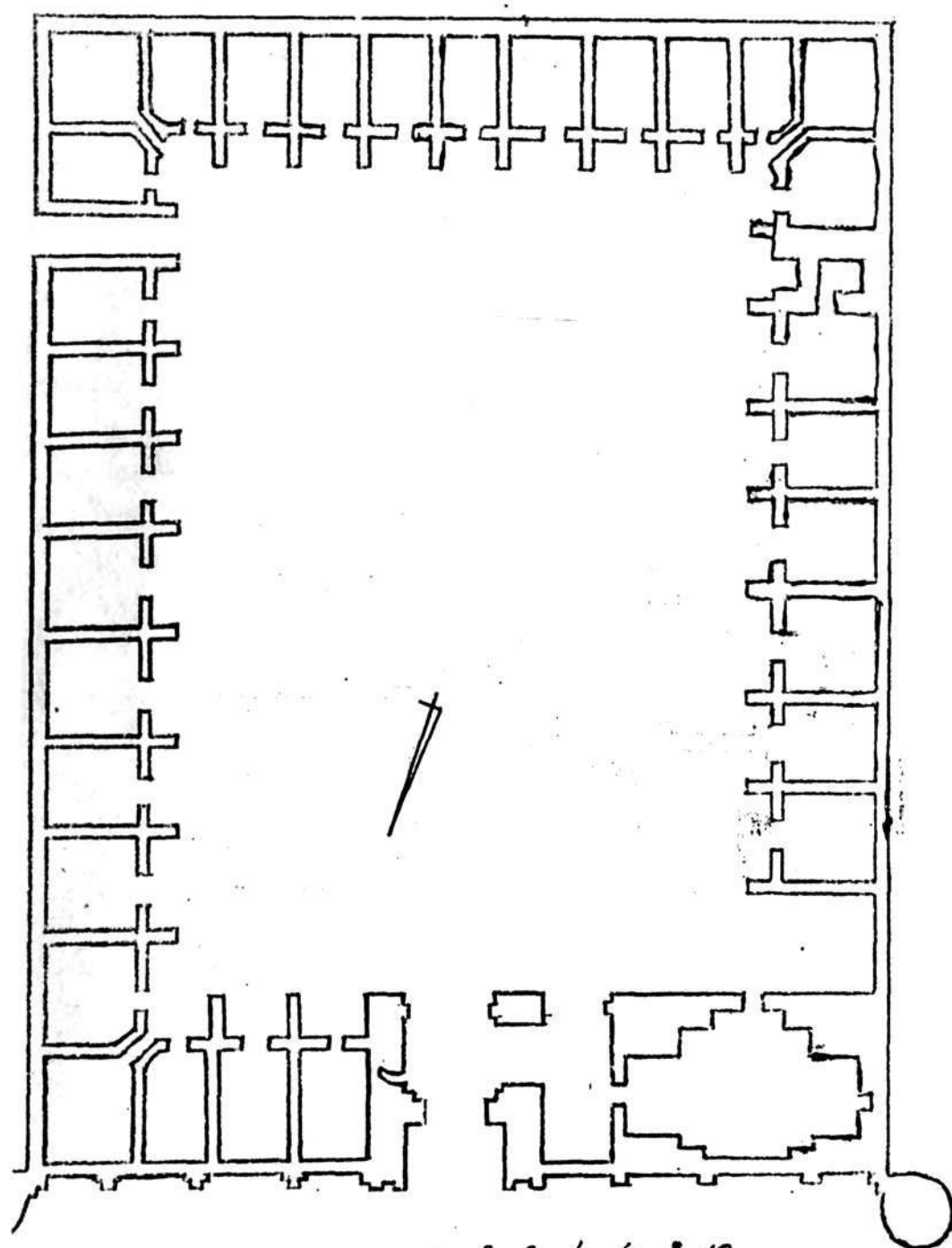

Рис.3. План Мадрасаи.

0 2 4 6 8 10

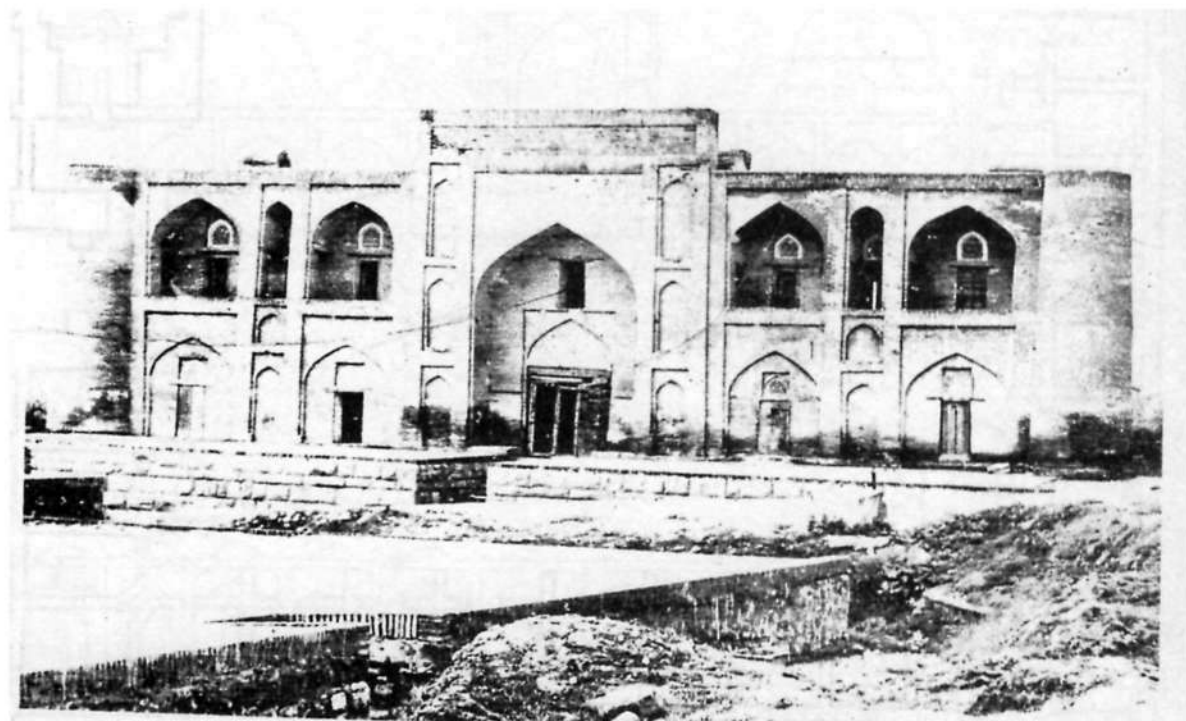

Рис. 1. Мадраза Хазра. Н.в.

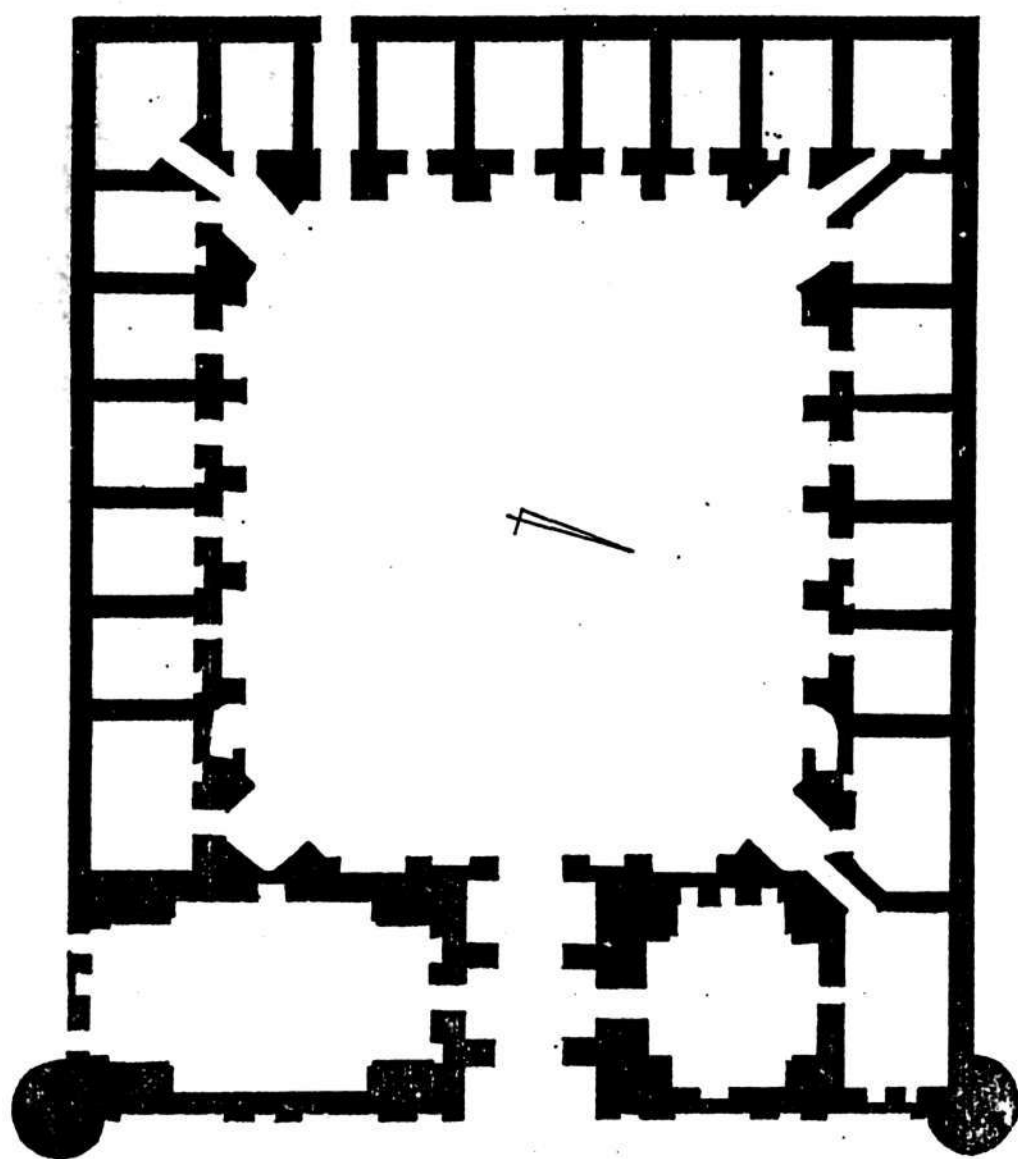

Рис.3.План I-го этажа

0 2 4 6 8 10 м

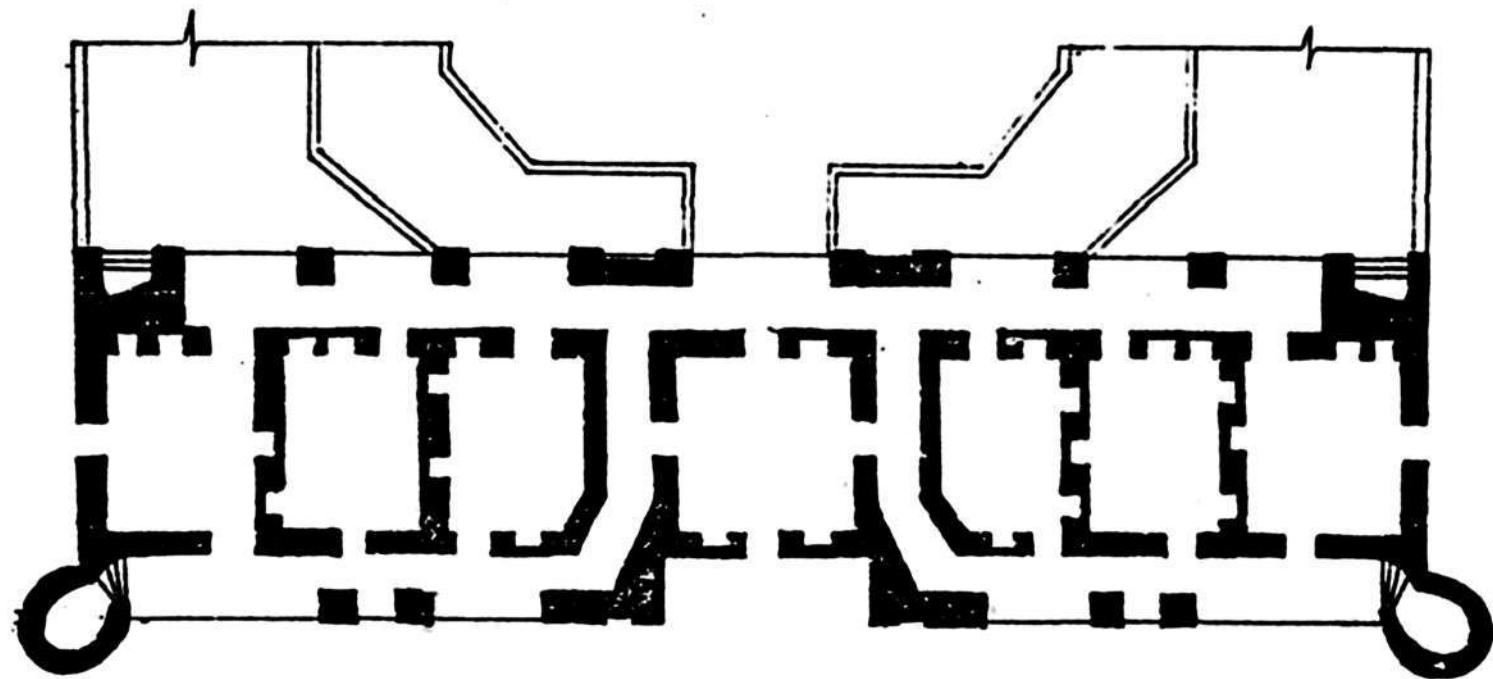

Рис.4. План 2-го этажа

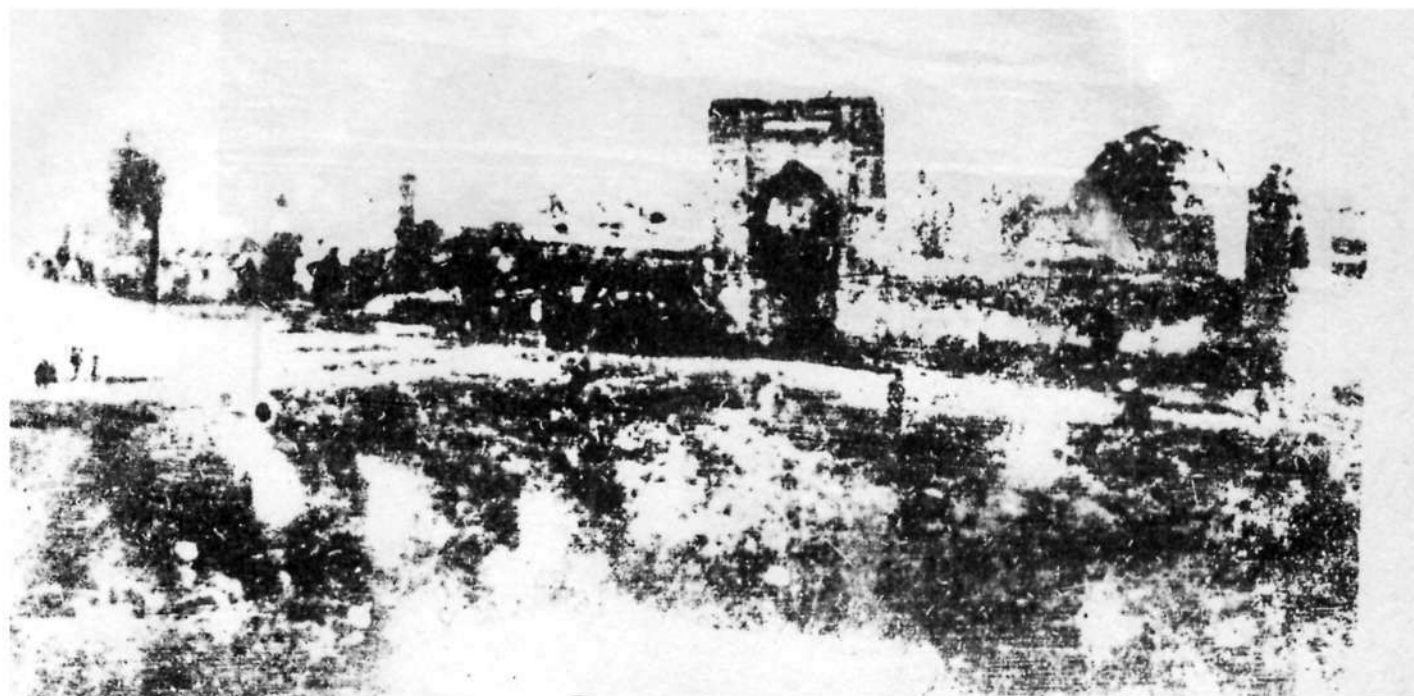

Рис. I. Корвонсарай

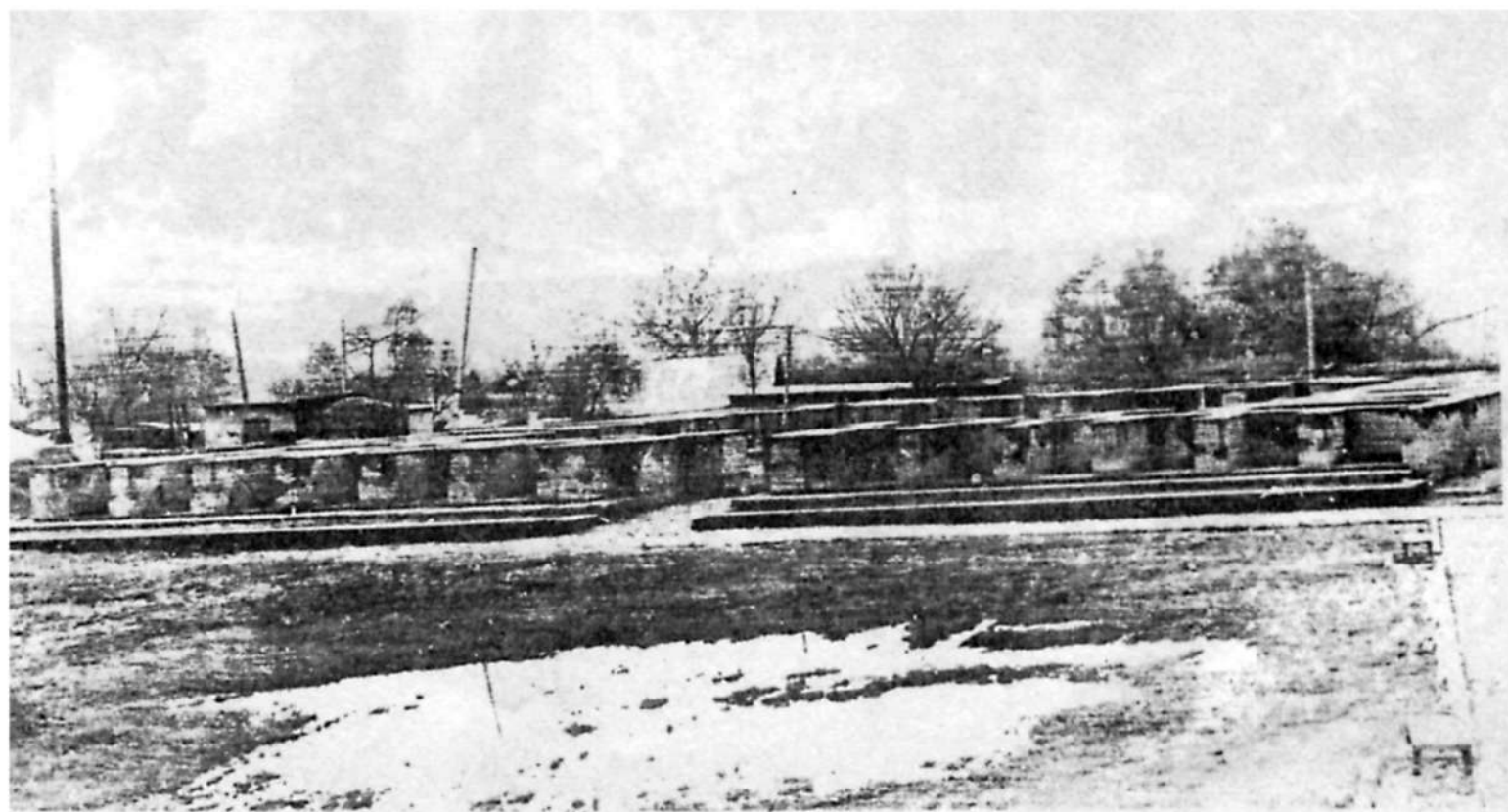

Рис.2. Фасад Корвонсарая /Консервация/

Рис. 5. Разрез

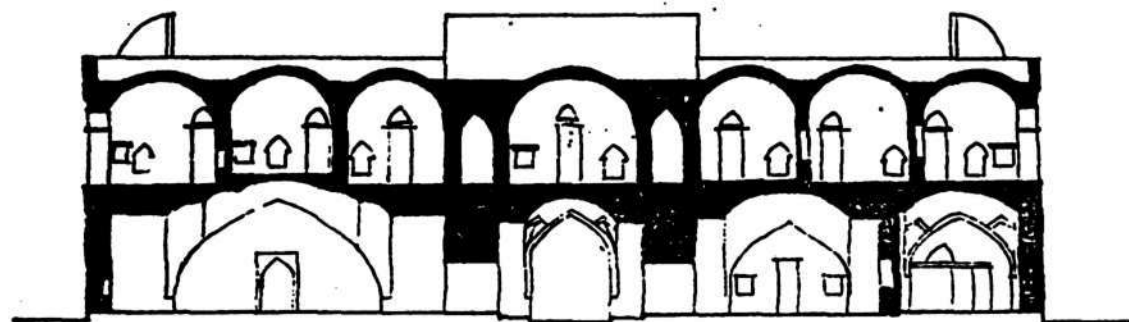
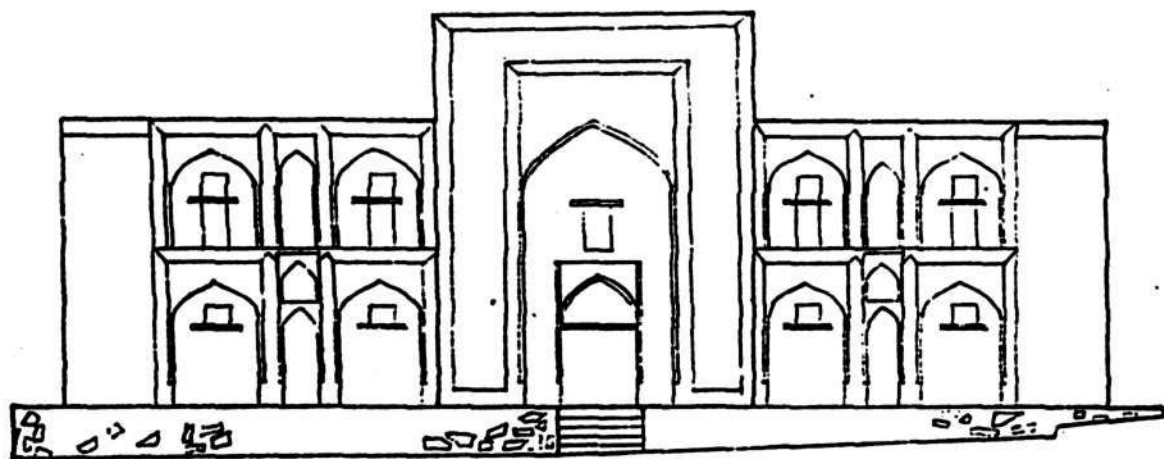

Рис.2. Западный фасад и разрез по фасаду

0 2 4 6 8 10 м

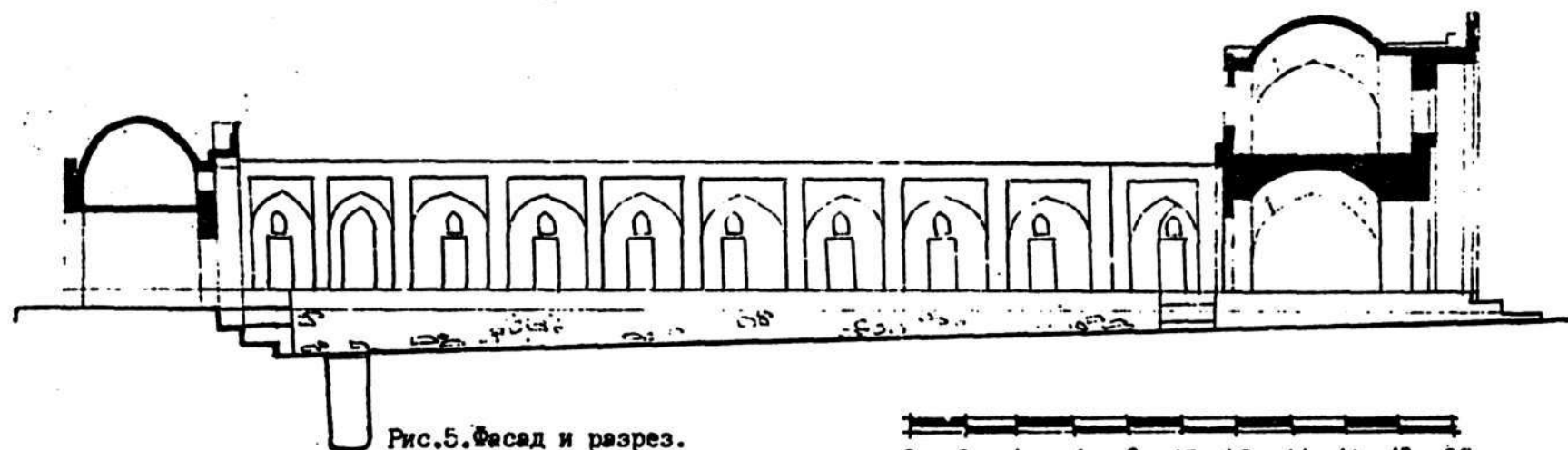
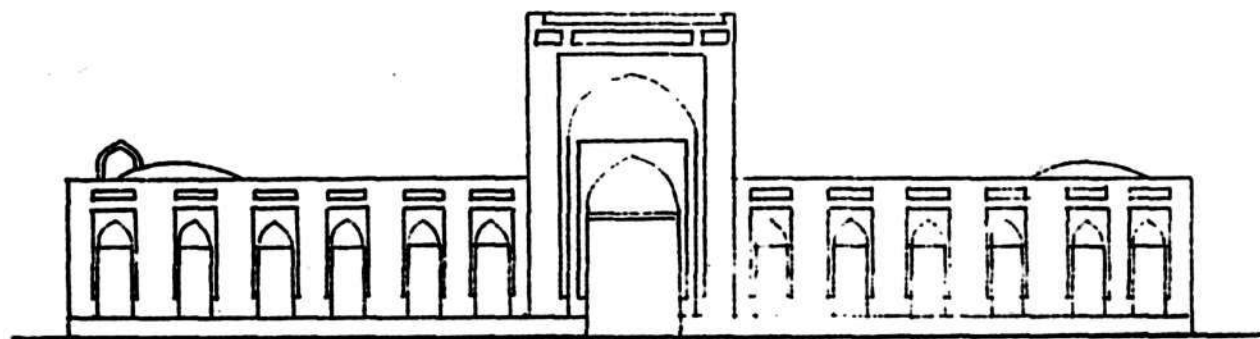
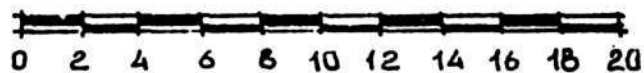

Рис.5.Фасад и разрез.

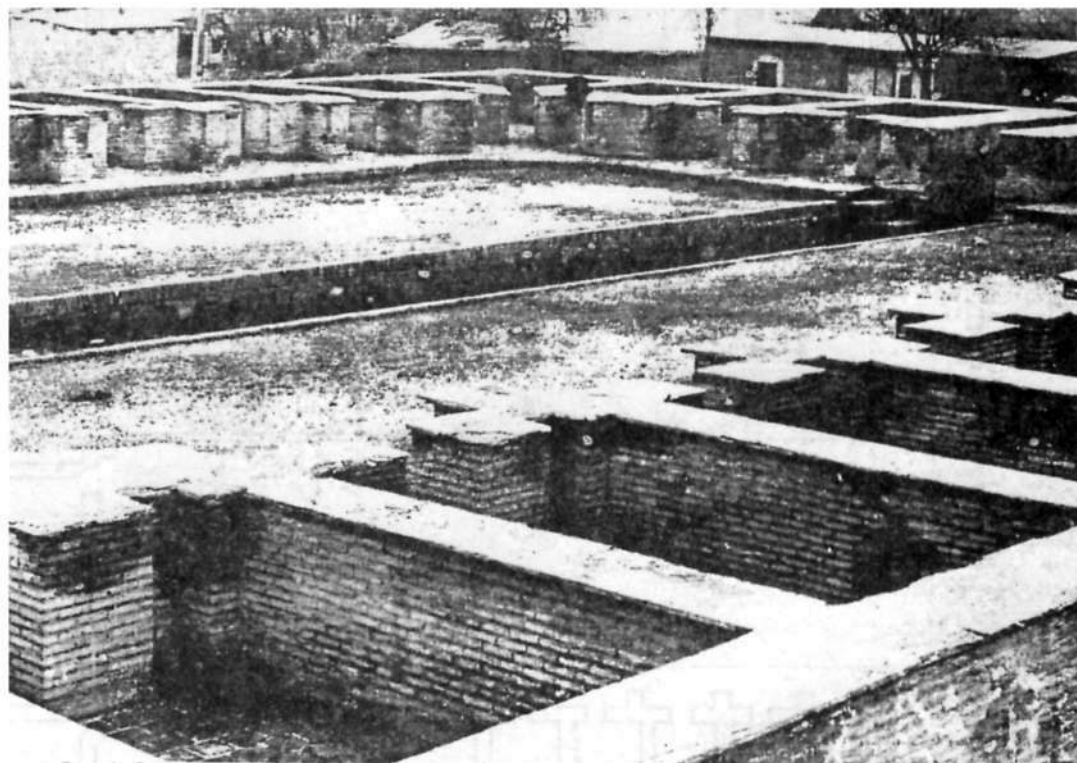

Рис. 3. Вид сверху /консервация 1,5м/

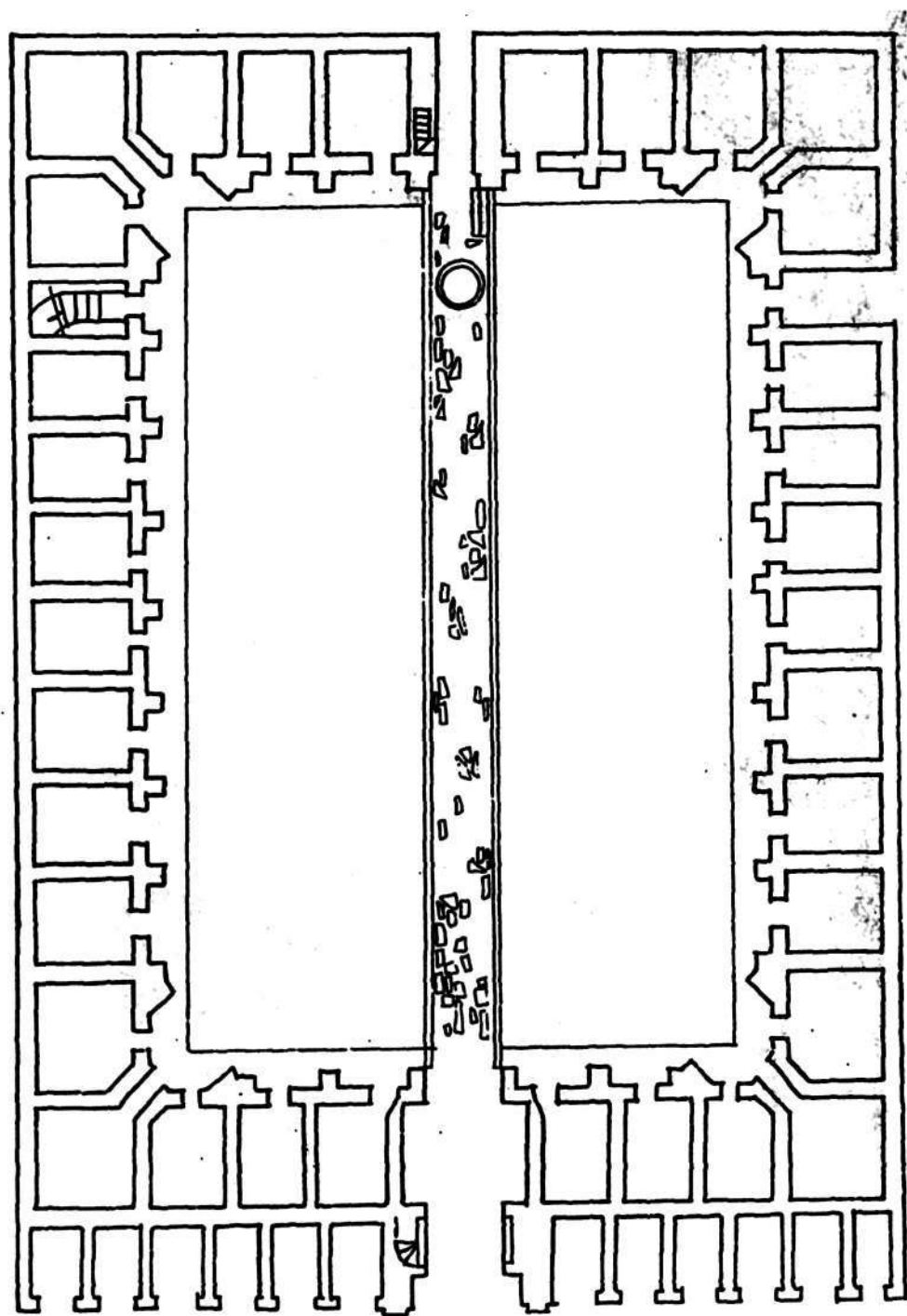

Рис.4. План.

